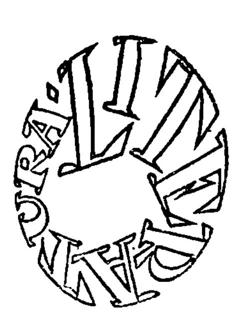
ЯРОСЛАВЪ ВОИНОВЪ

СТАРЫЯ ГОРЫ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА»
РИГА, УЛ. СВОБОДЫ 8

LITERATURA

,,НАШАБИБЛІОТЕКА"
XLVII

Ярославъ Воиновъ

,,Старыя Горы"

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА»
РИГА, УЛ. СВОБОДЫ № 8
1929

Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 2-3-4-0-9.

I

Веселымъ смѣхомъ — раскаты молодого грома, слезами нежданной радости — короткіе, солнечные ливни изъ тучъ, бѣлыхъ и высокихъ, словно сорванные вѣтромъ съ далекихъ горъ снѣга.

Небольшая станція, гдѣ съ парижскаго поѣзда сошелъ Алексѣй Старогорскій, простенькая, безлюдная. Мѣстность вокругъ — плоская, непримѣтная. Взглядъ Алексѣя поневолѣ — къ небу надъ нею, къ огненно-розовой, бѣлой и голубой игрѣ грозовыхъ красокъ.

Такими красками и свѣтами художникамъ иногда удается вдохновенно солгать на полотнахъ, маловнятныхъ Алексѣю. Онъ нисколько не художникъ и не цѣнитъ «грозъ», «прибоевъ», «весенъ», украденныхъ живописью у живыхъ мгновеній и замаринованныхъ на годы и столѣтія. Въ музеяхъ онъ скучаетъ, а этому небу и этому смѣху-грому улыбается.

— Красота и легко, легко дышится!

На станціи ни гостинницы, ни экипажа. Алексѣй сдалъ вещи небритому, угрюмому начальнику станціи и, по его указанію, пѣшкомъ отправился въ мѣстечко Нюизо. Туда — всего два километра.

— Нотаріуса Мулино вамъ всякій укажетъ. Наискосокъ отъ мэріи и какъ-разъ напротивъ аптеки.

Алексѣй шелъ веселой походкой, разминающей тѣло послѣ тряскаго вагона. Не ушли еще вагонные удары-такты, но съ каждымъ новымъ прыжкомъ черезъ солнечную лужу ломается затвержен-

ная тѣломъ мелодія, уступая свободному и простому ритму ходьбы.

Близъ весенне-зеленаго Нюизо — гдѣ именно, Алексѣй не знаетъ — домъ его матери, его домъ, а возлѣ одной изъ ближнихъ сельскихъ церквей — можетъ быть, этой или той?—могила матери.

Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ ничего, болѣе родного Алексѣю, а онъ идетъ и бездумно насвистываетъ мотивъ, слышанный вчера въ Парижѣ, новую пѣсенку-танецъ. Поймалъ себя на этомъ, но не сталъ притворяться, искать въ себѣ непришедшее волненіе. Матери онъ почти не зналъ. Мать для Алексѣя, какъ и Россія, гдѣ онъ почти не жилъ — съ трудомъ уловимое воспоминаніе. Но онъ всѣмъ тѣломъ, кровью и мыслями слишкомъ молодо сегодняшній, чтобы блѣдные образы дѣтскихъ лѣтъ могли получить власть надъ его здоровымъ и простымъ спокойствіемъ.

Три мѣсяца передъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка были для Алексѣя заполнены цифрами и чертежами, деталями его перваго большого самостоятельнаго проекта. Мало спалъ, работалъ напряженно, не увлекаясь, а увѣренно, съ трезвымъ интересомъ къ сложнѣйшимъ расчетамъ. Процессъ работы его занималъ, но въ положенный вечерній часъ онъ запиралъ на ключъ чертежи и матеріалы, зная, что на утро вернется къ послѣдней линіи и къ послѣдней цифрѣ, какъ-будто и не отрывался отъ нихъ.

Инженеръ Гриффинъ, патронъ Алексѣя, какъ-то процѣдилъ ему комплиментъ:

— Штаты не сдѣлали ошибки, давъ вамъ натурализацію. Въ работѣ вы — настоящій янки, мистеръ Старогорскій.

Съ такимъ же трезвымъ спокойствіемъ Алексѣй забылъ о всѣхъ цифрахъ и чертежахъ на борту океанскаго парохода. Много спалъ, не обременяя себя мыслями, перелистывалъ журналы въ каютѣ-читальнѣ, разглядывалъ публику въ пароходномъ дансингѣ, пропуская мимо ушей музыку радіоконцертовъ.

Алексѣй заѣхалъ въ Нюизо, только чтобы дать двѣ-три необходимыхъ подписи и превратить доставшійся по наслѣдству домъ въ нѣсколько цифръ своего текущаго счета. Лишнія деньги его особенно не интересуютъ, но лишній домъ въ глухой французской провинціи — тѣмъ болѣе.

Одинокій, свободный отъ работы на два-три мѣсяца, Алексѣй живетъ намѣренной пустотой заслуженнаго отдыха. Пустота эта естественна для него. Нью-Іоркская работа-гонка не была для Алексѣя соперникомъ ничему другому. У него нѣтъ никакихъ увлеченій, никакихъ особыхъ интересовъ, къ которымъ онъ рвался бы теперь, сбросивъ съ себя ярмо напряженной работы. Ни передъ людьми, ни передъ самимъ собой онъ не притворяется служителемъ какихъ-то великихъ идей или человѣкомъ большихъ страстей. Прошлое не нагрузило его душу никакими привязанностями, а для будущаго онъ не старается придумывать никакихъ высокихъ задачъ. И не неврастеникъ онъ, чтобы тяготиться своей «ординарностью», видѣть въ ней себѣ приговоръ.

При въѣздѣ въ Нюизо — остовъ ободранной тріумфальной арки: поблекшія краски французскаго флага на сѣромъ деревѣ столбовъ, щепочные переплеты фронтона съ рѣдкими клочьями бурыхъ и хрустящихъ дубовыхъ листьевъ. Двое въ синихъ блузахъ, мальчикъ и однорукій инвалидъ, подправляютъ растекшіяся подъ дождемъ краски мокраго полотна:

«Героямъ Ипра. Солдатамъ 317 резервнаго полка. Нашимъ сыновьямъ и братьямъ.»

Нѣсколько разъ въ годъ служитъ старая арка полуостывшему военному патріотизму гражданъ Нюизо. Жизнь, какъ нудные осенніе дожди, какъ сегодняшняя веселая гроза, смываетъ и синь и бѣлизну, и кровавость этого патріотизма, а все-таки кто-то приходитъ и обновляетъ цвѣта-символы къ новому памятному дню. Инвалидъ потерялъ въ окопахъ руку, мальчикъ, можетъ быть, — отца.

Алексѣй не пилъ изъ кроваво-грязной чаши войны и никого близкаго не утратилъ въ ея годы. Арка и полотно во славу павшихъ не говорятъ ему ничего.

Возлѣ мэріи Алексѣй нашелъ и аптеку, и домъ нотаріуса, и гостинницу «Звѣзда Нюизо», какъ ему сказали, лучшую въ городкѣ. Взялъ въ ней комнату и послалъ на станцію за вещами.

Комната чистенькая, вся въ солнцѣ, окнами въ бѣлый цвѣтущей вишней садикъ. За нимъ — груда черепичныхъ крышъ и клочки зелени въ другихъ такихъ же маленькихъ провинціальныхъ садикахъ. Грозѣ, размашистой надъ просторомъ шоссе и полей, нѣтъ мѣста надъ этой игрушечной картиной городка. Потому, навѣрное, гроза и ушла. Осталось только каждодневное солнце, простенькій голубой ситецъ неба, на которое никто кромѣ мечтателей и не подумаетъ взглянуть мѣсяцами.

Заказаннаго завтрака пришлось ждать не долго. Раньше успѣли привезти со станціи чемоданы. Ихъ задыхаясь втащила наверхъ сама хозяйка. Она сіяетъ, трещитъ безъ умолка:

— Что же вы не сказали, что вы—м-сье Старогорскій, сынъ нашей русской мадамъ! Вотъ какой вы, значитъ, м-сье Алексисъ! Мадамъ Пажу лопнетъ отъ зависти, что я первая познакомилась съ вами. Два года назадъ пріѣхалъ какой-то черный, съ сѣдоватой бородкой и — къ ней, въ дыру, которую она называетъ отелемъ. И, представьте м-сье, какъ мадамъ Пажу раскудахталась:—Навѣрное, это—м-сье Алексисъ, только онъ скрывается. А я ей говорю: — Заткнитесь, мадамъ Пажу! Станетъ нашъ м-сье Алексисъ скрываться. Зачѣмъ ему скрываться! И бьюсь объ закладъ, что по пріѣздѣ онъ остановится у меня, а не у васъ. М-сье Алексисъ не проститъ вамъ, что вы обсчитывали нашу русскую мадамъ на вашихъ гнилыхъ артишокахъ. Ну развѣ я не права, м-сье! Мадамъ бывала всегда въ восторгѣ отъ моихъ сливокъ. Это была самая святая женщина!.. Распоряжайтесь, какъ у себя дома,

м-сье. Бѣдная наша русская мадамъ! Какъ бы она была рада оказаться сейчасъ на моемъ мѣстѣ!

Хозяйка утерла воображаемую слезу грязнымъ передникомъ и тотчасъ же снова засіяла, тряхнула жирной грудью, улыбнулась и упорхнула поторопить завтракъ.

Алексѣй и не думалъ, что здѣсь, въ Нюизо, одно его имя окружено такой популярностью. Хозяйка старается: заказанная яичница превратилась въ цѣлое блюдо румянаго омлета и въ жаренаго цыпленка, а бутылка бѣлаго «ординеръ» — въ бутылку «настоящаго шабли».

— Не какая-нибудь поддѣлка! За этимъ виномъ посылала всегда наша русская мадамъ, когда у нея случались гости. М-сье позволитъ выпить съ нимъ глотокъ въ честь его пріѣзда?

За хозяйкой нѣсколько разъ приходили снизу, но она отмахивалась полотенцемъ, бросала сердитыя, короткія, какъ команда, распоряженія и говорила, говорила:

—...Вашъ домъ? Онъ, пожалуй, и въ порядкѣ, но безъ женскаго присмотра не ждите того уюта, какой былъ при бѣдной мадамъ. Противъ м-сье Мулино, какъ душеприказчика, ничего нельзя возразить. Онъ—нотаріусъ. Это его спеціальность. Но поручить домъ дядѣ Гильому — много ихъ, инвалидовъ на даревянной ногѣ! — всетаки было непредусмотрительно. И какъ это только косолапый дядя Гильомъ до сихъ поръ не спалилъ вашъ домъ съ его вѣчной трубкой! Я намекала мадемуазель Мулино на это, когда рекомендовала на мѣсто свою племянницу, но, какъ водится, меня не захотѣли понимать. Когда вы переѣдете къ себѣ, м-сье, вы непремѣнно возьмите мою Жаклину. Не узнаете тогда комнатъ. Она ихъ языкомъ вылижетъ!..

Алексѣй еще не покончилъ съ цыпленкомъ, а уже зналъ, что нотаріусъ Мулино до сихъ поръ носитъ трауръ по сынѣ, убитомъ на Ипрѣ, а мадемуазель Мулино, его дочь, училась въ консерваторіи, но бросила ученье. Она не изъ крѣпкихъ здоро-

вьемъ и была бы, пожалуй, недурна собой, если бы не ея вѣчная блѣдность и не манеры бѣлобрысой аристократки, которыя ей вовсе не къ лицу. Самъ мэръ ей два раза дѣлалъ предложеніе — онъ очень почтенный человѣкъ, здѣшній мэръ! — но она, видно, ожидаетъ въ Нюизо сказочнаго принца. А потомъ этотъ длинноволосый часовщикъ!... Прилично ли дочери нотаріуса по цѣлымъ часамъ сидѣть и болтать въ мастерской часовщика, холостого человѣка! Говорятъ, онъ учился на кюре и прочиталъ уйму мудренныхъ книгъ, но все-таки онъ простой часовщикъ, не больше. Вообще этотъ часовщикъ подозрителенъ. У него уже разъ дѣлали обыскъ, подозрѣвали, что онъ работаетъ не только часы, но и адскія машины. И, если ничего не нашли, такъ это еще часовщика не оправдываетъ. Вѣдь говоритъ же викарій, что длинноволосый Вожель — настоящій анархистъ по его разсужденіямъ. Онъ могъ бы стать даже чиновникомъ въ префектурѣ, а ковыряется за гроши въ старыхъ часахъ и дѣлаетъ ребятамъ заводныя игрушки. На мѣстѣ нотаріуса не слѣдовало бы смотрѣть сквозь пальцы на странную дружбу мадемуазель Мулино и длинноволосаго...

Добрыя три четверти бутылки вина достались не Алексѣю, а хозяйкѣ. Она раскраснѣлась, и потокъ ея рѣчи несъ не одно грубоватое словечко-занозу. То, что Алексѣй молчалъ, ее нисколько не стѣсняло. На настойчивый зовъ снизу она ушла удовлетворенная.

— Мы еще съ вами много о чемъ потолкуемъ, м-сье Алексисъ!

Толковать съ Алексѣемъ хозяйкѣ «Звѣзды Нюизо» больше не пришлось. Онъ рѣшилъ сегодня же убраться изъ гостинницы. Къ нотаріусу. У него — ключи отъ дома, всѣ бумаги. Вообще обойти нотаріуса Мулино, усерднаго автора обстоятельнѣйшихъ писемъ-отчетовъ Алексѣю, просто невозможно. Это — неизбѣжный визитъ.

Внизу Алексѣю пришлось пройти, какъ сквозь строй, мимо десятка женщинъ, очевидно, привлеченныхъ къ «Звѣздѣ Нюизо» болтовней хозяйки о пріѣздѣ м-сье Алексиса. Объ этомъ, конечно, знали и у нотаріуса. Мальчикъ, игравшій въ садикѣ, бѣгомъ въ домъ при появленіи Алексѣя на улицѣ. На одномъ изъ оконъ шевельнулась занавѣска: за ней - показалось Алексѣю—молодое женское лицо.

Нотаріусъ Мулино, красивый сѣдой человѣкъ съ улыбкой на лицѣ и съ грустными глазами встрѣтилъ Алексѣя въ гостинной:

— Маркони сталъ милліонеромъ, изобрѣтя радіо, а наша провинція, давнымъ давно передающая все безъ проволоки, не додумалась въ свое время взять патентъ на такое же мгновенное всезнайство. Очень, очень радъ привѣтствовать у себя моего невиданнаго до сихъ поръ и долгожданнаго кліента-довѣрителя!

Свою первую фразу нотаріусъ, видимо, заранѣе приготовилъ. Произнесъ ее по-театральному. Усадилъ гостя въ кресло и ласково упрекнулъ за то, что Старогорскій не остановился прямо у него. Подозвалъ сына:

— Ну-ну, иди! Это — мой второй. Васъ все на улицѣ сторожилъ. Старшій-то мой, знаете, на Ипрѣ... Луи, Богъ дастъ, окажется счастливѣе.

Большеглазый мальчикъ шаркнулъ передъ Алексѣемъ. Бойкій мальчикъ.

— А вы тоже были на войнѣ?

— Нѣтъ. Не былъ.

— Вы, значитъ, боялись?

Нотаріусъ испуганно посмотрѣлъ на Алексѣя и ласково пристыдилъ сына:

— Какой ты у меня еще дурачина, Луи! М-сье Старогорскій въ то время былъ еще слишкомъ молодъ. Вы вѣдь на два года моложе моего старшаго. Для насъ, стариковъ, война — вчерашній день; а посмотришь на васъ и понимаешь, что она — уже исторія. Вы вѣдь уже не первый годъ инженеръ?

— Пять лѣтъ. Пріѣхалъ теперь къ вамъ, во Францію отчасти по дѣламъ. По моему проекту французская фирма строитъ молъ на побережьѣ. Я — консультантъ. Заодно хотѣлось бы освободить васъ, м-сье Мулино, отъ моихъ затянувшихся дѣлъ по наслѣдству матери.

У нотаріуса — серьезное лицо, нѣсколько измѣнившійся голосъ:

— Всегда готовъ къ отчету, м-сье Старогорскій. Ваша покойная мать называла меня своимъ другомъ. Другихъ кліентовъ я принимаю въ конторѣ,— дѣла друзей всегда здѣсь. Къ вашимъ услугамъ.

Купчая на участокъ земли, завѣщаніе съ копіей, десятки счетовъ, квитанціи о взносѣ налоговъ, нѣсколько на машинкѣ настуканныхъ годовыхъ балансовъ по завѣдыванію имуществомъ. .

Алексѣй едва взглянулъ на бумаги. Онъ благодаренъ м-сье Мулино и не представляетъ, чтобы на свѣтѣ существовалъ болѣе внимательный къ кліентамъ повѣренный. Но, разъ онъ самъ здѣсь, въ Нюизо, то прежде всего хотѣлъ бы покончить съ недопустимымъ: м-сье Мулино нѣсколько лѣтъ управляетъ его имуществомъ совершенно безвозмездно.

Услуги ваши за всѣ эти годы должны быть оплачены. А въ будущемъ, если я продамъ домъ — зачѣмъ онъ мнѣ — мы условимся о дальнѣйшемъ, какъ два дѣловыхъ человѣка.

Старикъ протестующе замахалъ руками.

— Насъ натаріусовъ считаютъ за счетную машину, наряженную въ сюртукъ. Я — дѣловой человѣкъ у себя въ конторѣ, но здѣсь... нѣтъ, видно, мадамъ Старогорская напрасно называла меня своимъ другомъ, а я напрасно считалъ, что дружеское отношеніе ко мнѣ перешло по наслѣдству и къ ея сыну. О наслѣдствѣ-дружбѣ я, повѣрьте, думалъ не меньше, чѣмъ о наслѣдствѣ-имуществѣ. Вы стали совсѣмъ американцемъ въ сухомъ Нью-Іоркѣ, м-сье Старогорскій... Вы меня обижаете!

Алексѣю пришлось оправдываться: если бы онъ не считалъ м-сье Мулино другомъ, онъ не позволилъ бы себѣ обременять его наслѣдственными дѣлами въ теченіе трехъ лѣтъ.

— И не будемъ, и не будемъ объ этомъ говорить! Вы обѣдаете у насъ. Хозяйствуетъ у меня дочь. Луи, поторопи-ка тамъ Жанночку. Вы, м-сье Старогорскій, вѣдь не откажетесь?

— Я только-что завтракалъ. Но это былъ скорѣе обѣдъ.

— Напрасно. Напрасно. Но, пустяки, молодость можетъ обѣдать сразу послѣ завтрака и завтракать послѣ обѣда. У насъ недурное вино. Ваша матушка его хвалила.

Нѣтъ фальши въ словахъ, въ тонѣ нотаріуса. Могъ ли думать Алексѣй, что отъ матери — съ ней онъ велъ скупую, рѣдкую переписку — ему достанется «наслѣдство дружбы». Имя его матери окружено ореоломъ уваженія въ домѣ нотаріуса. Въ немъ, незнакомомъ, здѣсь не видятъ чужого человѣка.

Въ полутемной столовой нотаріусъ познакомилъ Алексѣя съ дочерью. Хозяйка «Звѣзды Нюизо» отчасти права: Жанна Мулино болѣзненно блѣдна. Но бѣлобрысой ее назвать нельзя. Она—бронзовая блондинка, скорѣе похожая на англичанку, чѣмъ на француженку. Сдержанная, безъ лишнихъ словъ, безъ лишней улыбки. «Манеры аристократки», вспомнилось Алексѣю.

— Представь, Жанночка, нашъ-то Луи отличился! Стыдно и разсказывать! Твой отецъ, мальчуганъ, тоже вѣдь не воевалъ,—только никто не посмѣетъ сказать, что старикъ Мулино боялся сложить свои кости за Францію. Но какъ время-то бѣжитъ. Жанночка! М-сье Старогорскій уже пять лѣтъ какъ инженеръ, строитъ у насъ большой молъ. А вы знаете, м-сье Старогорскій, моя Жанночка научилась немного по русски. Онѣ занимались съ вашей матушкой...

— Теперь я уже все позабыла.

— Но ваши русскія пѣсни играетъ все-таки такъ, что заслушаешься. Жанночка у меня большая музыкантша. У нея цѣлый русскій репертуаръ.

Жанна посмотрѣла на отца съ укоризной.

— Можно подумать, что м-сье Старогорскій — антрепренеръ, а я собираюсь давать концерты въ Америкѣ. Просто, ваши пѣсни мнѣ нравятся. У русскихъ очень красивая музыка. Красивая и глубокая. Развѣ не такъ?

— Я — плохой судья. Совершенно не музыкантъ, а русской музыки почти не знаю. Я вѣдь съ пятнадцати лѣтъ въ Америкѣ, а до этого учился въ Бельгіи и въ Англіи. Но я буду очень радъ послушать русскія пѣсни.

Луи сорвался съ мѣста:

— Я сейчасъ принесу!

Мальчика остановили. Видимо, ему, младшему, все разрѣшается въ домѣ, гдѣ не переставали горевать о смерти первенца. Луи вернулся съ небольшой музыкальной шкатулкой, мелодично игравшей въ минорномъ тонѣ что-то, знакомое Алексѣю, но, что именно, онъ не могъ бы сказать.

— Это Жанна играла раньше часто, а Вожель сдѣлалъ ей въ сюрпризъ. Онъ все умѣетъ! Онъ мнѣ скоро сдѣлаетъ заводного ослика: и ходитъ, и ушами двигаетъ, а когда кричитъ, поднимаетъ хвостъ.

Мелодія шкатулки замерла на печальной нотѣ. Она—отрывиста, ударъ маленькаго колокольчика, но Алексѣй все-таки услышалъ ее протяжной, долго не умирающей. Пожалуй, это — одна изъ пѣсенъ, которыми убаюкивали его въ раннемъ дѣтствѣ.

Алексѣй улыбнулся.

— Мнѣ вспомнились ваши слова, м-сье Мулино, о радіо и о провинціи. Я, вообразите, уже знаю, что эту вещицу сдѣлалъ часовщикъ изъ недоучившихся кюре, опаснѣйшая личность. Изъ его мастерской наряду съ часами выходятъ едва ли не адскія машины для анархистовъ. За что купилъ, за то и продаю.

Нотаріусъ откинулся на спинку стула и расхохотался:

— Великолѣпно! Радіо-станція «Звѣзды Нюизо» работаетъ не хуже башни Эйфеля! А вретъ за семерыхъ. Гранъ-При за самую виртуозную радіосплетню! Если бы нашъ милый Вожель вмѣсто ослика для Луи изготовилъ замокъ на болтливый ротъ хозяйки «Звѣзды» и многихъ другихъ здѣшнихъ кумушекъ, весь Нюизо много бы выигралъ. Она, признайтесь, и обо мнѣ вамъ наразсказала чего-нибудь. Обокралъ васъ? Наживаю милліоны?

— Нѣтъ. Вы только собираетесь спалить мой домъ при помощи инвалида съ опасной въ пожарномъ отношеніи трубкой.

— Ты слышишь, Жанночка! Вотъ зловредная сплетница! И когда это только она успѣла наговорить. Себя не защищаю, а про инвалида не вѣрьте. Дядя Гильомъ – честнѣйшій старый служака. Золотой человѣкъ! Я уже предупредилъ его, чтобы для васъ было все готово въ домѣ. Вашъ домъ — лучшій въ здѣшнихъ мѣстахъ. Онъ не доходенъ, но, будь вы такой же старикъ, какъ я, вамъ и не мечталось бы о лучшемъ уютѣ. Ваша матушка обладала большимъ и тонкимъ вкусомъ. Вы, конечно, оставите комнату въ «Звѣздѣ» сегодня же, но я не смѣю предлагать вамъ остановиться у насъ. Вамъ мѣсто у себя дома. Свой домъ, домъ матери – великая вещь! Это — гавань подъ роднымъ флагомъ для корабля, заброшеннаго въ чужія моря.

Старикъ-нотаріусъ говоритъ высокопарно. Это въ его натурѣ. Обыкновенно онъ, очевидно, пилъ немного, теперь же возбужденъ выпитымъ виномъ. Самъ многословенъ, старательно втягиваетъ въ разговоръ дочь. Словами привычно повторными, но взволнованными, Мулино разсказываетъ о бояхъ на Ипрѣ, гдѣ убитъ его сынъ. Голосъ старика дрожитъ при словѣ Родина. Алексѣй уважаетъ, но неспособенъ раздѣлить, эту взволнованность. Мысли и чувства стараго нотаріуса кажутся Алексѣю такими же провинціальными, какъ и у хозяйки «Звѣз-

ды Нюизо». Наивность онъ видитъ въ образныхъ словахъ Мулино о домѣ-гавани подъ роднымъ флагомъ. Алексѣй не чувствуетъ себя кораблемъ, которому нужно такое пристанище.

Часовъ въ пять хозяинъ попросилъ извиненія у гостя:

— Стариковская привычка: не могу въ это время не вздремнуть. Всѣ ключи у Жанночки. Она и сдастъ вамъ ваши владѣнія. И Луи пусть съ вами прокатится. А обѣдаете вы завтра у насъ. Никакія отговорки во вниманіе не принимаются.

У подъѣзда ждалъ легкій, плетеный экипажъ, запряженный старой бѣлой лошадью. Луи уже взобрался на качающееся позади экипажнаго кузова сидѣнье для грума.

Послѣ темной столовой ослѣпляло предвечернее солнце. Было тепло, но Жанна Мулино надѣла тяжелое манто. Улыбнулась смущенно:

— Такая жара, а заставляютъ кутаться! Вечеромъ иначе и не выйдешь. Папа помѣшанъ на моемъ здоровьѣ.

До дома, гдѣ жила и умерла мать Алексѣя, полтора километра, десять минутъ мягкой старческой рыси, нѣсколько незначительныхъ фразъ Алексѣя и Жанны. И Алексѣю странно: еще сегодня утромъ онъ и представленія не имѣлъ о ея существованіи, а Жанна о немъ много слышала и можетъ разсказать о его матери многое, ему совсѣмъ неизвѣстное.

Дочь нотаріуса проще и привѣтливѣе, чѣмъ дома. Смѣясь произнесла нѣсколько русскихъ словъ съ неправильными удареніями и съ горловымъ, раскатистымъ «ррр...» Сама вернулась къ разговору о часовщикѣ. Смущенно назвала его своимъ другомъ, самымъ интереснымъ собесѣдникомъ у нихъ, въ захолустномъ Нюизо. Здѣсь для Жанны пусто послѣ смерти мадамъ Старогорской, рѣдкаго, замѣчательнаго человѣка. Вожель тоже преклонялся передъ ней. Работа часовщика и ювелира — его хлѣбъ, а въ душѣ онъ—художникъ и философъ.

Сказала, какъ будто предупредила: въ ея знакомствѣ съ часовщикомъ никто не долженъ видѣть ничего кромѣ пріятельскихъ бесѣдъ.

Алексѣю она симпатична.

II

Домъ матери.

Могъ ли Алексѣй думать, что въ Нюизо найдетъ... «Старыя Горы», много лѣтъ назадъ проданный дѣдовскій домъ родового помѣстья Старогорскихъ, странной прихотью матери возстановленный во Франціи. Ни въ одномъ изъ рѣдкихъ писемъ отъ матери не было на это и намека.

Безногій дядя Гильомъ по просьбѣ Алексѣя зажегъ во всѣхъ комнатахъ лампы. Осторожно постукиваетъ деревяшкой, ходитъ и поправляетъ фитили. Лампы давно не зажигались, легко начинаютъ коптѣть.

Алексѣй ходитъ по дому и не безъ волненія узнаетъ: угловая, гостинная, диванная, кабинетъ отца, небольшой залъ съ роялемъ и золоченой мебелью, спальня матери, буфетная, библіотека, его дѣтская, даже «комната бабушки», умершей задолго до его рожденія.

Ничто не измѣнено. По привычнымъ мѣстамъ знакомая старогорская мебель, картины по стѣнамъ, ковры... даже старомодныя керосиновыя лампы — тѣ же самыя.

— Какъ ихъ называли, такія лампы?.. да, карсельскія. Вспомнилось все-таки.

Какъ бездумно тѣло умѣетъ хранить жесты-воспоминанія: въ кабинетѣ отца Алексѣй поймалъ себя на безотчетномъ желаніи потрясти ногой половицу, чтобы гитара на стѣнѣ, у притолоки двери, отвѣтила ему внятнымъ аккордомъ. Тогда старая, расшатанная половица слушалась его, мальчика, — новая теперь его не признаетъ, прочно лежитъ

на мѣстѣ старой. А гитара тутъ, на своемъ мѣстѣ.

Въ столовой онъ убѣдился, что косяки дверей тоже перекочевали сюда изъ Россіи: цѣлы карандашныя мѣтки — ростъ маленькаго Алеши. Надписи-даты — рукой отца. Въ дѣтской остался некрашеннымъ подоконникъ: на немъ онъ самъ когда-то испробовалъ новый перочинный ножикъ. Тотъ же подоконникъ. Тѣ же двѣ буквы: «А. С.»

Въ библіотекѣ онъ не нашелъ ключа отъ трехъ шкаповъ краснаго дерева. Перебиралъ корешки книгъ глазами:

Тургеневъ, Пушкинъ, Дюма, Гончаровъ...

Этихъ именно книгъ онъ не держалъ въ рукахъ никогда, но онъ ихъ помнитъ въ рукахъ отца, на столикѣ матери.

Взять бы сейчасъ... Тургенева. Давно онъ Тургенева не читалъ, а, навѣрное, какая-нибудь изъ Тургеневскихъ книгъ подошла бы сейчасъ къ этому дому, къ его подсказкамъ-настроеніямъ.

Алексѣй пытался мысленно провѣрить себя: что занимаетъ его больше, неожиданность ли найденнаго въ домѣ матери, или сама обстановка, самъ возвратъ къ впечатлѣніямъ дѣтства?

— Не то ли, что эти, казалось, забитыя впечатлѣнія такъ легко возстановимы?

Пожалуй.

Въ немъ ярче говоритъ не давнишнее, а настоящее. Всего любопытнѣе Алексѣю — онъ самъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что обстановка, вещи, скупой свѣтъ зеленыхъ абажуровъ на лампахъ и тишина знакомыхъ комнатъ могутъ произвести на него такое большое впечатлѣніе. Теперь онъ ясно чувствуетъ, что все это оказалось такимъ значительнымъ, именно потому, что въ себѣ самомъ онъ до сихъ поръ не слышалъ, не замѣчалъ чего-то большого и скрытаго. Оно заговорило, едва онъ попалъ... въ «Старыя Горы».

Причемъ тутъ «дѣтское»... Къ вещамъ, къ обстановкѣ, ко всему, что создаетъ настроеніе этого

дома, Алексѣй подходитъ не съ дѣтскими иллюзіями. Его волнуетъ не возвратъ къ прошлому, а встрѣча съ чѣмъ-то новымъ, и это новое—онъ знаетъ — не такъ просто вычеркнуть изъ жизни.

Остаться жить здѣсь, сойдя съ проложенной почти за тридцать лѣтъ дороги, было бы страннымъ, не вязалось бы съ его натурой, привычками, дѣловыми интересами, но и недавняго рѣшенія продать этотъ домъ — «Старыя горы» — уже нѣтъ.

Самъ себѣ Алексѣй кажется содержательнѣе въ этомъ домѣ. Ему интересно ловить себя на ощущеніяхъ и на мысляхъ, раньше къ нему не приходившихъ. Да это и не мысли въ прямомъ смыслѣ, не привычная смѣна одного соображенія другимъ, а что-то, одновременно яркое и неясное, чему Алексѣй не можетъ подобрать имени.

Ему вспомнилось, что какъ-то въ Нью-Іоркѣ послѣ концерта онъ поспорилъ съ знакомымъ инженеромъ-нѣмцемъ: развѣ можно называть «великими мыслями» вложенное въ симфонію Бетховена? Онъ ощущаетъ великое, но не слышитъ въ немъ мысли. Теперь Алексѣй видитъ, что нѣмецъ былъ правъ: мыслить возможно и безъ непремѣнной логики, безъ словъ, ея спутниковъ. И такая мысль даже болѣе властна, чѣмъ многія другія. Она увлекаетъ недосказанностью.

Молчаливые говоры «Старыхъ Горъ» интимны, меньше разсказываютъ, чѣмъ спрашиваютъ, заставляютъ Алексѣя ставить вопросы о немъ же самомъ. Онъ много гдѣ побывалъ, многое видѣлъ, но нигдѣ и никогда не испыталъ такого чувства новизны настроенія, какое ему подсказываетъ именно знакомая обстановка родного въ дѣтствѣ дома. Новое мѣсто, новая встрѣча въ его прошломъ всегда были продолженіемъ вчерашняго дня, — этотъ первый вечеръ въ старомъ домѣ кажется началомъ невѣдомаго пока, но неизбѣжнаго, «завтра». Пусть оно еще невнятно Алексѣю, — о немъ знаетъ домъ «Старыхъ Горъ», хранитель загадокъ прошлаго и будущаго...

Алексѣй улыбнулся такому своему раздумью. Разфантазировался. Уже одно это ново для его одинокихъ минутъ и часовъ. Онъ вѣдь не изъ фантазеровъ.

Дядя Гильомъ приготовилъ Алексѣю постель въ спальнѣ его матери, но онъ велѣлъ перестлать въ диванной, гдѣ въ «Старыхъ Горахъ» устраивали на ночь гостей. Отъ ужина отказался и заснулъ почти сразу.

Утро было солнечное, желтое сквозь закрытыя въ диванной ставни. Алексѣй проснулся отъ звуковъ, осторожно-мягкихъ—легкіе удары билліардныхъ шаровъ другъ о друга. Не удивился непривычной обстановкѣ. Но съ первой же минуты сознанія въ немъ еще ярче вчерашнее ощущеніе «Старыхъ Горъ». И, конечно, взрослое, не дѣтское ощущеніе.

Въ немъ — молодая, любопытная радость новизны, небывалаго.

— Это вы, дядя Гильомъ? Карамболите? Доброе утро!

За дверью откашлялись и хриплымъ голосомъ отвѣтили:

— Доброе утро, м-сье. Виноватъ, м-сье!

— Играйте, играйте! Навѣрное, уже восемь. Я отлично выспался у васъ, въ Нюизо!

— Девять, м-сье. Прикажете завтракъ въ постель?

— Уже одѣваюсь. На веранду дайте или въ садъ. Мнѣ—только чаю. А вы, оказывается, билліардистъ, дядя Гильомъ... А, дядя Гильомъ!..

Какъ и шары, осторожная деревяшка дяди Гильома постукивала удаляясь. Инвалидъ неразговорчивъ. Алексѣю еще вчера показалось, что онъ побаивается лишиться мѣста съ пріѣздомъ хозяина.

Старается, бѣдняга.

Въ билліардную Алексѣй вчера не заглянулъ. Забылъ про нее. Теперь спѣшитъ туда еще не одѣтый, завязывая галстухъ... Въ глаза первое—боль-

шой во весь ростъ портретъ его отца, неизвѣстный Алексѣю.

Высокій, стройный, въ камергерскомъ мундирѣ, съ дамской парчевой сумочкой и вѣеромъ въ рукахъ, открыто улыбаясь, прямо въ глаза Алексѣю смотритъ его отецъ. Онъ почти совсѣмъ сѣдой, но съ молодыми, черными глазами, чуть прищуренными. И это подчеркиваетъ ихъ величину. Глаза говорятъ:

— Удивленъ? Измѣнился я? Посѣдѣлъ? А развѣ это ко мнѣ не идетъ. Мы еще поживемъ!

На портретѣ—дата «1911,» годъ смерти отца. Въ этомъ же году были проданы настоящія «Старыя Горы» тамъ, въ Россіи. Алексѣй перевелъ взглядъ съ подписи извѣстнаго художника и съ этой даты опять на глаза портрета, и они улыбнулись еще увѣреннѣе:

— Мы еще поживемъ!

Художнику лучше всего далась эта молодая самоувѣренность въ старикѣ Старогорскомъ. О такой чертѣ своего отца Алексѣй никогда не думалъ, но теперь зналъ: она въ отцѣ была, въ глаза бросалась. Художникъ ее не придумалъ.

— Бравый господинъ былъ генералъ, вашъ отецъ, м-сье! А билліардъ у меня въ порядкѣ, не безпокойтесь. Безъ васъ я никогда и не трогалъ.

— Катайте шары, сколько вамъ нравится, дядя Гильомъ. Мы съ вами какъ-нибудь сыграемъ. Спасибо вамъ. Домъ въ большомъ порядкѣ. Такая вездѣ чистота.

— Я изъ флотскихъ, м-сье. Слѣжу за чистотой, какъ на суднѣ. Чай вамъ готовъ. И сливокъ отъ господъ Мулино прислали.

Садъ здѣсь малъ по сравненію съ паркомъ прежнихъ «Старыхъ Горъ». Съ веранды не видно солнечной излучины Прядвы, луговъ и лѣса за нею. Французская рѣчь дяди Гильома, острый шпиль сельской церкви и дальній силуэтъ группы фабричныхъ трубъ не вязались бы съ дѣтскимъ прошлымъ, но для наблюдающаго за самимъ собой Алек-

сѣя все это не разрушаетъ, а еще больше подчеркиваетъ новизну переживаемаго.

Конечно, здѣсь онъ не замкнется, не броситъ ради старогорскаго дома — «гавани» — своей привычной жизни, но и не уѣдетъ сразу же, какъ предполагалъ вчера. Контрактъ съ морскимъ строительствомъ въ Марселѣ обязываетъ его быть въ Марселѣ только черезъ двѣ недѣли, и эти двѣ недѣли онъ пробудетъ въ «Старыхъ Горахъ».

Удачно мать выбрала участокъ на рѣчушкѣ съ каменистыми берегами. Здѣсь — переломъ скучной равнины Нюизо къ холмамъ, вдалекѣ переходящимъ въ предгорья и горы. И рѣчушка симпатичная, живая.

Дядя Гильомъ ушелъ и вернулся съ прошнурованной книгой. Въ ней — опись домового имущества. Сторожу хотѣлось бы, чтобы м-сье убѣдился: все въ полной сохранности. Алексѣй улыбнулся.

— Бросьте, дядя Гильомъ! М-сье Мулино меня встрѣтилъ документами. Вы — тоже. Будьте покойны. Я довѣряю вамъ, какъ и м-сье Мулино. Пока у меня есть имущество въ Нюизо, м-сье Мулино будетъ моимъ нотаріусомъ, а вы — моимъ довѣреннымъ лицомъ въ домѣ. А продавать домъ я не собираюсь. Понятно вамъ, дядя Гильомъ?

Морякъ пристукнулъ своей деревяшкой и обрадованно поблагодарилъ. Онъ вѣдь и недурной садовникъ. Къ лѣту можно затопить садъ цвѣтами. Расходовъ не потребуется. Сѣмена у него есть.

— И отлично, дядя Гильомъ. Одѣляйте цвѣтами всѣхъ хорошенькихъ женщинъ въ Нюизо. Обзаведитесь молоденькой мадамъ Гильомъ. А я пріѣду къ вамъ на свадьбу!

Алексѣй обошелъ садъ, вышелъ на дорогу, но скоро вернулся въ домъ. Домъ вѣдь всего интереснѣе.

Въ дѣтской онъ нашелъ свои игрушки: лошадку на палочкѣ, деревянную тройку съ расписными, крутошеими конями, мячикъ... Повертѣлъ игрушки. Не трогаютъ. Изъ мягкаго, бойкаго высохшимъ,

хрупкимъ сталъ мячикъ. Начни имъ играть,—разобьется въ осколки. И опять та же мысль: не въ «дѣтскомъ» дѣло. Странно только, что даже эти игрушки сберегла и положила на ихъ старое мѣсто мать. Вѣдь мать-то его не любила, отдалила отъ себя еще мальчикомъ. Не любовь же въ рѣдкихъ, короткихъ, сначала наставительныхъ, потомъ просто холодныхъ письмахъ.

Нѣсколько разъ Алексѣй возвращался къ портрету отца. Отецъ понятнѣе. Вотъ сейчасъ прокартавитъ-скажетъ:

— Ну что, другъ Алешенька? Много галокъ настрѣлялъ?!

Или, нѣтъ, другое скажетъ, сегодняшнее:

— Ну какъ тебѣ, Алешенька—Жанна Мулино? Недурненькая? Подъ англичаночку...

Самъ отецъ, художникъ или мать нарядили его въ камергерскій мундиръ? На множествѣ мундирныхъ портретовъ платье заслоняетъ человѣка. На этомъ мундиръ – художественно нужная, не бьющая въ глаза, умная деталь, какъ и бальная ноша въ длинной, холеной рукѣ Старогорскаго.

Дядю Гильома пришлось долго заставлять сыграть партію на билліардѣ, но, согласившись наконецъ, онъ сталъ разговорчивымъ, причмокивалъ губами и карамболилъ артистически. Болтая, безногій морякъ самъ себя выдалъ: чужихъ къ билліарду, правда, онъ никогда не допускалъ, хотя многіе очень просились, но самъ все-таки частенько игрывалъ.

— Мы, вотъ, съ нимъ, съ генераломъ играли. Правой—за меня, лѣвой—за генерала.

— И кто же кого, дядя Гильомъ? Отецъ былъ большой мастеръ.

— Генералъ, конечно, и выигрывалъ. Я вѣдь лѣвша, только въ городѣ со мной непремѣнно на правую играютъ. На мою лѣвую никто не соглашается. Лѣвая рука мужчинамъ не угодила, лѣвая нога – женщинамъ.

Дядя Гильомъ не въ ладахъ со священниками! Послѣ смерти мадамъ повадился въ домъ викарій. Ходитъ зря, смотритъ. А что ему тутъ смотрѣть. Потомъ выдумалъ: убери ему русскія иконы. Разъ домъ пустой, имъ здѣсь не мѣсто. Схизма, видите ли! Но, какъ пришелъ викарій, такъ и ушелъ. Какой же это пустой домъ, если м-сье каждый день можетъ изъ Америки пріѣхать. Только-вотъ не зналъ дядя Гильомъ, можно ли ему, католику, русскія иконы мѣломъ почистить. Не кюре же объ этомъ спрашивать. Такъ и не трогалъ. А если можно, то сегодня же иконы, какъ жаръ, горѣть будутъ.

— Вотъ Пасха будетъ, дядя Гильомъ, и почистите. Помню, всегда подъ Пасху чистили. Буду очень радъ. Почему бы вамъ не смѣть ихъ трогать.

Партію прервалъ Луи Мулино. Мальчикъ пріѣхалъ за Алексѣемъ. Его ждутъ къ обѣду, и отецъ сказалъ: безъ м-сье Алексиса не возвращаться. Вожель тоже пришелъ обѣдать. Онъ любитъ русскихъ.

Алексѣй поѣхалъ. Онъ не собирался заводить дружбу съ семьей нотаріуса, но «Старыя Горы» подсказываютъ: почему не поболтать съ этой Жанной Мулино и съ невѣдомымъ часовщикомъ, друзьями его матери. Въ этомъ тоже—новизна.

Мальчикъ гналъ бѣлаго подъ горку и болталъ безъ умолку: о будущемъ парадѣ въ честь ипрцевъ, его отецъ далъ деньги на новую арку, о томъ, что сынъ аптекаря не смогъ отбить у него, Луи, вторую награду въ классѣ...

— А вы, м-сье, больше похожи на своего отца, чѣмъ на мать.

— Развѣ?

— Жанна такъ говоритъ. И папа тоже. А у васъ будетъ такой мундиръ?

— Нѣтъ. Такого мундира у меня не будетъ.

— А вы не можете быть военнымъ? Или не хотите?

— Мой отецъ тоже не былъ военнымъ. Это совсѣмъ другая форма.

— А Вожель говоритъ, что всякая форма—лакейская ливрея. Мой осликъ будетъ скоро совсѣмъ готовъ. Вожель дѣлаетъ ему серебряныя подковки...

За столомъ у Мулино больше всѣхъ говорили старикъ-нотаріусъ и тотъ же Луи. Жанна была опять молчалива, а Вожель, часовщикъ, вообще не произнесъ ни слова. Онъ—небольшого роста, хрупкій, съ слабыми глазами и мягкимъ, женственнымъ ртомъ. Вѣроятно, стѣсняется Не самъ пришелъ сегодня, а позванъ Жанной. Такъ почему то подумалось Алексѣю.

Въ небольшомъ саду за домомъ нотаріуса послѣ обѣда остались втроемъ: Алексѣй, Жанна и часовщикъ. Онъ, видимо, любитъ и умѣетъ говорить, а Жанна слушаетъ его покровительственно, ищетъ мысли, съ которой она могла бы не согласиться. Это не духъ противорѣчія, а желаніе не показаться Алексѣю зеркаломъ своего обычнаго собесѣдника.

— Вы, говорятъ, симпатизируете намъ, русскимъ, м-сье Вожель?

— Русскимъ, да. Теперь во Франціи иногда это большой рискъ. Вмигъ заподозрятъ въ симпатіяхъ къ коммунизму. А я готовъ переживать, какъ свою собственную, драму всѣхъ вашихъ соотечественниковъ: и тѣхъ, кто остался въ Россіи, и тѣхъ, кто оттуда бѣжалъ.

— Значитъ, я внѣ вашихъ симпатій. И не тамъ я, и не бѣжалъ.

Часовщикъ смущенно улыбнулся. Добрая улыбка. Но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Не будемъ формалистами! Одно то, что вы не тамъ, заставляетъ причислить васъ къ тѣмъ, кто не стремится раздѣлить судьбу оставшихся или не можетъ вернуться на родину.

— Однако, совершилось чудо: вчера я туда попалъ. На родину.

Вожель и Жанна переглянулись и оба быстро перевели взглядъ на Алексѣя.

— Да! Это похоже на чудо! Я много разъ думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ такая неожиданность. Мнѣ бы очень хотѣлось быть теперь на вашемъ мѣстѣ!

До сихъ поръ Алексѣй словомъ не обмолвился о своихъ впечатлѣніяхъ отъ материнскаго дома, отъ «Старыхъ горъ». Часовщикъ удивилъ его волненіемъ, съ какимъ этотъ чужой французикъ говорилъ о его домѣ и о его матери.

— Мы не разъ бесѣдовали съ мадамъ Старогорской о многомъ... Мадамъ умѣла цѣнить душу вещей, своей бронзы, фарфора, мебели. Мы... я зналъ, что перенесеніе вашего родного дома во Францію, вамъ неизвѣстно. И мнѣ думается, вамъ нелегко точно передать то, что вы вчера почувствовали, а намъ съ мадемуазель Жанной, французамъ, трудно вполнѣ понять васъ. Не правъ ли я?

Алексѣй помолчалъ.

— Я просто плохой разсказчикъ. Потому мнѣ и трудно передать. Впечатлѣніе на самомъ дѣлѣ очень большое и неожиданное. Мадемуазель Мулино имѣла вчера возможность наблюдать мое первое впечатлѣніе, но сама отъ этого уклонилась. Я приглашалъ мадемуазель войти въ домъ, познакомить меня съ нимъ.

Жанна смутилась:

— Такъ было надо. Вамъ лучше было войти одному.

— Я благодаренъ вамъ, мадемуазель. Вы были правы, оставивъ меня одного. Видите, м-сье Вожель, вы, французы, можете понимать меня вполнѣ. Поступокъ мадемуазель Мулино — верхъ чуткости.

— О! Такая элементарная чуткость!

Часовщикъ подхватилъ у Жанны слово «элементарное» и заговорилъ о душевной элементарности прославленныхъ своей культурой людей Запада, къ которымъ онъ принадлежитъ «по несчастью рожденія».

— Вы, русскіе, не такіе! А мы и васъ мыслимъ по-своему элементарными, даже тѣ изъ насъ, кто

читалъ ваши лучшія книги, кому случалось часами бесѣдовать съ такой удивительной русской женщиной, какъ мадамъ Старогорская. Передъ вашимъ приходомъ мы съ мадемуазель Жанной спорили, что было бы всего естественнѣе, характернѣе для современнаго заграничнаго русскаго въ вашемъ положеніи.

— И что же вы думали?

— Мы, элементарные, легче всего представляли двухъ элементарныхъ же русскихъ. Одинъ бросилъ бы все, въ чемъ до сихъ поръ была его жизнь за границей, и заперся бы въ этомъ домѣ. Другой, можетъ быть, сжегъ бы его на другой день по пріѣздѣ. Во всякомъ случаѣ убѣжалъ бы отъ этого дома, куда глаза глядятъ. И оба бы потомъ мучились.

Алексѣй едва сдерживалъ улыбку, слушая часовщика. Коротко спросилъ:

— Въ чемъ же былъ вашъ споръ?

Отвѣтила Жанна:

— Вожель увѣряетъ: скорѣе сожжетъ. А я: скорѣе забудетъ про весь міръ ради этого дома. Вы должны надъ нами обоими смѣяться. Мы строимъ психологическія схемы по нѣкоторымъ русскимъ романамъ.

— И строите очень удачно, мадемуазель. То, что вами подмѣчено, я бы назвалъ скорѣе типичностью. Крайность на самомъ дѣлѣ такъ типична для многихъ русскихъ. Но я, очевидно, въ большой мѣрѣ утратилъ Русское въ себѣ. Ни поджечь домъ, ни запереться въ немъ я не собираюсь.

Часовщикъ, словно крадучись, вытащилъ изъ кармана погнутую папиросу, закурилъ. Алексѣй замѣтилъ, что Жанна хотѣла запретить ему это, но удержалась. Вожель курилъ съ жадностью и говорилъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Національное, семейное въ человѣкѣ не стирается. Оно не стирается и въ поколѣніяхъ. Вы можете забыть русскій языкъ, жениться на американкѣ изъ Филадельфіи, но и

вашъ сынъ, вашъ внукъ будетъ не только русскій, но и Старогорскій. Наслѣдственное живуче. Меня читаютъ и я самъ читаю «Вожель», а все-таки полтораста лѣтъ Франціи не умертвили во мнѣ «Фогеля». И этотъ Фогель — нѣмецкая птица. Она любитъ заводныя табакерки, Гейне и сентиментальную философію. Для этой птицы Рейнъ — море слезъ, потокъ крови Фогелей и Вожелей, истреблявшихъ другъ друга во многихъ войнахъ. Теперь ищи гдѣ чья кровинка! Всѣ одинаковы! Я не заурядный пацифистъ. Я вмѣстѣ съ семьей Мулино чту память Альберта Мулино, называю его «героемъ Ипра», но я не виноватъ, что самъ-то я — французъ Фогель, какъ могъ бы быть нѣмцемъ Вожелемъ, если бы жилъ на Рейнѣ и не было бы 14-го года! Вы — Старогорскій, и вы счастливѣе меня, потому что въ васъ нѣтъ нѣмецкаго — вы не расплывчаты — и нѣтъ французскаго — вы не хилы. Не сердитесь на меня, мадемуазель Жанна. Я не оскорбляю нашего народа. Я говорю печальную правду о его стариковской душѣ. Это — историческая судьба. Каждый разъ, какъ въ Парижѣ умираетъ писатель, художникъ, политикъ, газетные некрологи спѣшатъ увѣрить публику, будто подъ сѣдинами покойный былъ молодъ душой. Лживѣйшій изъ нашихъ трафаретовъ. Писали бы лучше про новичковъ въ искусствѣ: безусый, но уже глубокій старикъ. Я бы обязалъ нашихъ критиковъ посѣтить вашъ домъ, Старогорскій, и взглянуть на старика въ придворномъ мундирѣ. Вотъ это — молодой! Молодой, потому что онъ — Старогорскій, русскій. Ваши соотечественники въ Парижѣ — я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми — печалятся: старая Россія умерла. Да она никогда и не была старой, а тѣмъ болѣе не умирала! Она — въ скарлатинѣ. Переведите англійскую «скарлатину» на русскій языкъ, — багряная, красная болѣзнь. Болѣзнь дѣтства, жестокая, но не опасная для здоровыхъ организмовъ. У насъ, въ Лурдѣ аббаты поддѣлываютъ чудеса, и аббатамъ вѣритъ только горсть

безграмотныхъ старухъ. У васъ, въ красной Россіи выбросили изъ церквей мощи святыхъ, а люди самой высокой культуры все-таки способны реально жить самой фантастической сказкой, чудомъ дѣтства націи. Народы Запада ужасаются болѣзни Россіи. Посмотримъ, что они заговорятъ, когда жизнь позволитъ ей встать съ постели!..

Часовщикъ закашлялся. Жанна укоризненно покачала головой.

— Вотъ видите, Эмиль! Вамъ нельзя было курить.

У часовщика виноватая улыбка.

— Просто, эта папироса была слишкомъ крѣпка... Вы больше похожи на своего отца, Старогорскій, чѣмъ мнѣ казалось. И все-таки я вижу въ васъ черты мадамъ, вашей матери.

— Луи уже говорилъ мнѣ по дорогѣ, что въ домѣ Мулино находятъ у меня сходство съ отцомъ.

— Вамъ не пришлось бы на это жаловаться. Судя по портрету, вашъ отецъ —замѣчательный человѣкъ. У него, старика, обликъ «счастливаго принца»! Я напрасно сказалъ, что этотъ портретъ надо показывать нашимъ критикамъ. Мастерство художника они поймутъ, но самого человѣка едва ли. Такому портрету мѣсто не на кладбище музея, а только у васъ въ домѣ. Увезите его потомъ въ Россію, но до тѣхъ поръ не увозите изъ Нюизо, вѣрнѣе изъ «Старыхъ Горъ».

Алексѣй согласился:

— Я въ первый разъ видѣлъ этотъ портретъ отца. Прекрасная вещь. И вы правы, м-сье Вожель: въ старикѣ—молодое.

У часовщика нѣсколько разъ нервно дергалось лицо, когда Алексѣй называлъ его «м-сье Вожель».

Такъ и на этотъ разъ. Тряхнулъ каштановыми прядями.

— Прошу васъ, не называйте меня «м-сье». Просто, Вожель. Ваша мать меня такъ называла. Здѣсь въ домѣ тоже. И къ вамъ разрѣшите обра-

щаться просто. Я не люблю этой казенной прибавки.

— Какъ не любите ливрей-мундировъ?

Жанна громко разсмѣялась:

— А папа еще упрекаетъ хозяйку «Звѣзды Нюизо»! Это нашъ Луи вамъ наговорилъ. Вотъ болтушка! Я же васъ предупреждала, что Вожель - философъ. Въ мундирѣ онъ признаетъ только одного человѣка: камергера Старогорскаго на портретѣ.

— Это совсѣмъ другое дѣло! «Счастливому принцу» все можно. Мундиры въ сказкахъ я признаю, даже въ французскихъ и въ нѣмецкихъ. Когда складывались эти сказки, западные народы были молоды.

Выспавшійся нотаріусъ принесъ въ садъ манто для своей Жанночки, спугнулъ ихъ бесѣду.

Алексѣй остался бы еще у Мулино, если бы старикъ не заговорилъ о томъ, что гость проведетъ у нихъ весь вечеръ. Онъ воспользовался этими словами, чтобы сразу же уйти. Придумалъ предлогъ: ему нужно непремѣнно написать рядъ писемъ въ Америку, въ Парижъ и въ Марсель по дѣламъ постройки. Срочныя письма.

Отъ экипажа Алексѣй отказался. Нотаріусъ, Жанна и Вожель проводили его до крайнихъ домовъ Нюизо. Разговоръ былъ незначащимъ, общимъ.

На полдорогѣ къ дому Алексѣй увидѣлъ, что, несмотря на раннія сумерки, въ окнахъ «Старыхъ Горъ» загорались огни.

Дядя Гильомъ зажигалъ по комнатамъ лампы.

III

Дядя Гильомъ не изъ сложныхъ натуръ. Весь на ладони.

Алексѣю ясно: сидѣвшій на крыльцѣ съ неизмѣнной трубкой сторожъ не изъ одного усердія зажегъ въ домѣ лампы еще почти засвѣтло. И при-

ходу хозяина онъ обрадовался не изъ одной симпатіи къ Алексѣю.

Хромоногому моряку въ пустомъ домѣ жутковато.

— Что же мало погуляли, м сье? Вечерокъ-то хорошій!

Такъ говоритъ, а понимай его: вотъ и хорошо, что вернулся!

Алексѣй не изъ тѣхъ, кто способэнъ поддаться суевѣрному настроенію стараго матроса. Подмѣченное въ немъ чувство для Алексѣя—только поводъ вернуться къ словамъ часовщика о его матери, что умѣла цѣнить душу вещей, поводъ приглядѣться къ вещамъ въ домѣ.

На самомъ дѣлѣ, многія вещи красивы. Всѣ ли онѣ изъ «Старыхъ Горъ» или часть пріобрѣтена матерью здѣсь, во Франціи? Память не даетъ Алексѣю отвѣта. Но, если и не всѣ вещи привезены изъ Россіи, то подборъ ихъ гармониченъ. Нѣтъ ни одной во вкусѣ современности, хотя бы и достаточно художественной.

Если утро, встрѣтивъ Алексѣя солнцемъ и портретомъ старика Старогорскаго, заняло его мыслями объ отцѣ, то вечеръ въ полумракѣ комнатъ заговорилъ о матери. Вожель, часовщикъ-философъ, съ добрыми глазами называлъ ее удивительной русской женщиной. Жанну Мулино она учила русскимъ пѣснямъ. Оригинальность «Старыхъ Горъ» среди чужой имъ Франціи—отъ матери. Отъ нея—и темныя иконы, предметъ конфессіональныхъ сомнѣній наивнаго дяди Гильома.

Алексѣй долженъ себѣ признаться, что привычное представленіе о матери едва ли совпало бы съ ея личностью, новой въ новомъ свѣтѣ «Старыхъ Горъ». Отца онъ зналъ еще меньше, а вотъ понимаетъ же его. Вѣдь, назвавъ старика на портретѣ «счастливымъ принцемъ», Вожель только повторилъ несказанную самимъ Алексѣемъ мысль. А о молодости въ глазахъ, о мундирѣ, который какъ

будто слитъ съ личностью отца, часовщикъ сказалъ, словно подслушавъ утреннія оцѣнки Алексѣя.

Мать непонятнѣе...

Ея портретъ, чуть пожелтѣвшую фотографію, Алексѣй нашелъ въ кабинетѣ отца, на письменномъ столѣ. Дама лѣтъ тридцати пяти, съ холодной строгостью въ глазахъ и въ сомкнутыхъ губахъ. Это отнимаетъ отъ лица часть его несомнѣнной красоты.

— Случайное или намѣренное выраженіе? Можетъ быть, обычное для многихъ фотографій искаженіе простого, естественнаго лица. Нѣтъ. Эту карточку не сравнишь съ отцовскимъ портретомъ. Она нѣмая.

За ужиномъ Алексѣй распрашивалъ дядю Гильома: часто ли бывалъ въ домѣ нотаріусъ и его дочь, и Вожель? Не бывалъ ли еще кто-нибудь?

— При жизни мадамъ мадемуазель бывала, говорятъ, частенько. И часовщикъ сиживалъ у мадамъ подолгу. Вѣдь какъ онъ заговоритъ, такъ словно заведенный. А какъ умерла мадамъ, чего имъ сюда ходить. Мадемуазель иногда книжки беретъ изъ шкафа. Прочитаетъ, — вернетъ. А Вожель разъ приводилъ сюда художника изъ Парижа: портретъ генерала смотрѣли. Художникъ срисовать хотѣлъ, страсть сердился, а часовщикъ все-таки не далъ. Это, говоритъ, хуже всякаго воровства. А больше кому сюда ходить. За всѣ годы, кромѣ дамы, которую вы за портретомъ послали, никто и не заглядывалъ.

Алексѣй удивился:

— За какимъ портретомъ?

— За вашимъ, м-сье, что въ спальнѣ у мадамъ стоялъ. Вы еще мадамъ его изъ Америки прислали. У меня и въ описи стоитъ: «портретъ и рамка кожанная, тисненая по приказанію м-сье выдано.» И день тамъ отмѣченъ. Я сейчасъ принесу. Вы, вѣрно, забыли, м-сье.

— Да, навѣрное позабылъ. А какая дама-то была? Здѣшняя, изъ Нюизо?

— Нѣтъ. Автомобилемъ пріѣзжали. Шоферъ говорилъ изъ Парижа. Дама такая изъ себя рыжая...

— Рыжая?

— Не то чтобы вовсе рыжая, а съ рыжинкой темная. Красивая такая дама! Сказала, отъ васъ, м-сье, у ней порученіе. И глазами все такъ... Шоферъ говорилъ: русская дама. Домъ обходила, удивлялась. На генерала портретъ долго смотрѣла. Понравилось ей, видимо. Потомъ портретъ вашъ увидѣла, — это, говоритъ, я съ собой должна взять, м-сье въ Америку отправить. Мнѣ сто франковъ дала.

Алексѣй не сталъ увѣрять дядю Гильома, что онъ никогда не поручалъ никому взять его портретъ со стола покойной матери.

— Да, да помню.

Въ описаніи дяди Гильома онъ узналъ Нину Орлову. Имъ полузабытъ этотъ недолгій романъ съ оперной знаменитостью, простого знакомства съ которой во время нью-іоркскихъ гастролей прославленной Орловой тщетно добивались многіе богатѣйшіе дѣльцы съ Бродвея. Къ ней такъ подходилъ титулъ газетныхъ объявленій «дива», а къ ихъ роману—фельетонное «угарный».

Кто бы могъ подумать, что послѣ ихъ разрыва Нина займется похищеніемъ его портретовъ. Хотя нѣтъ: это, пожалуй, въ ея стилѣ. Пополнила пустоту въ портретномъ архивѣ своихъ любовниковъ.

Хотѣлось Алексѣю спросить дядю Гильома, знаютъ ли въ домѣ Мулино о пріѣздѣ этой дамы, но онъ не спросилъ. Не такое мѣсто Нюизо, чтобы не знали.

Отпустивъ дядю Гильома, Алексѣй прошелъ въ спальню матери. Здѣсь вѣрнѣе всего искать «душу» ея любимыхъ вещей, о которой говорилъ Вожель.

Поповскій фарфоръ, статуэтка дѣвушки-полуребенка въ огромномъ кринолинѣ. Подсвѣчники съ медальономъ Александра I въ лавровомъ вѣнкѣ.

Бронзовые часы между двухъ малахитовыхъ колоннъ въ золотыми урнами.

Сталъ заводить часы, и они заиграли мелодично, какъ шкатулка часовщика-француза. Но вдругъ оборвалась мелодія: подъ ключемъ со стономъ сломалась пружина завода.

«Души» не узналъ, а механизмъ испортилъ, — подумалось Алексѣю.

На ночномъ столикѣ книга: «Роза Іерихона» Бунинъ 1924 годъ. Какая-нибудь изъ старыхъ библіотечныхъ книгъ сказала бы больше.

Самъ столикъ. Знакомецъ дѣтства. Онъ—какъ половица, игравшая на отцовской гитарѣ подъ ноженкой Алеши. У столика тоже свой секретъ: если Алеша велъ себя цѣлый день хорошо, ему разрѣшается открыть дверцу, найти подъ нижней полочкой круглую пуговку и вытянуть ее. Тогда планка подъ дверцей отскочитъ, и Алеша можетъ взять награду—пряникъ, но только одинъ.

Алексѣй машинально провѣрилъ себя.

Въ потайномъ ящикѣ не было пряника. Въ немъ — сюргучемъ запечатанный пакетъ съ надписью: «Моему Алешенькѣ».

Вздрогнулъ и оглянулся, словно кто-нибудь могъ поймать его на этомъ. Не вскрывъ еще конверта, зналъ твердо: это — не деньги, не дѣловыя бумаги. Подъ ласковой надписью—душа его матери.

Ножницами отрѣзалъ край конверта—пальцамъ не поддавалась его полотняная бумага — сидѣлъ у стола и читалъ:

* * *

Родной Алешенька!

Не знаю, когда ты найдешь это мое письмо, мальчикъ мой. Можетъ быть, никогда. Но твоя мать не смѣетъ писать тебѣ прямо. Она ищетъ для себя лазейки, какъ ищутъ виноватыя дѣти. Пусть не она сама, а случайность приведетъ Алешеньку къ тому, что было и тяжкой виной, и злой болью его матери! Такъ мнѣ легче.

Сколько тебѣ лѣтъ, Алешенька, когда ты это читаешь? Одинокій ли ты? Или у тебя есть уже мальчуганъ, такой же Алешенька, и ты только-что научилъ его искать сладкое въ бабушкиномъ столикѣ?

Я ничего не знаю и не узнаю никогда! Въ этомъ — моя кара. Я ее заслужила. Но, Алешенька, прочитавъ мою исповѣдь и понявъ ее, сними съ меня эту невыносимую тяжесть. Ничего, что я — въ могилѣ. Я почувствую, если ты поймешь и простишь!

Сейчасъ я очень плоха, Алешенька, но голова твоей старой матери свѣжа, какъ всегда. На-дняхъ я узнала о твоемъ разрывѣ съ пѣвицей Орловой. Кто мнѣ написалъ, это все равно. Надъ этимъ не задумывайся. Если бы ты могъ представить, маленькій, какая радость охватила меня при сознаніи, что тебя бросила эта женщина! Эта радость стоила мнѣ многихъ силъ. Я благословляла Господа и себя кляла. Хотѣла ѣхать въ Нью-Іоркъ первымъ же пароходомъ, обнять тебя, утѣшить моего маленькаго... Но силъ нѣтъ. Да есть ли и право на это?

Много молилась, много думала. Нѣтъ. Права на близость къ тебѣ, единственный мальчикъ мой, у меня нѣтъ. Не мнѣ тебя утѣшать. Жизнь утѣшитъ. Когда молюсь, сердцемъ слышу, что жизнь твоя, несмотря ни на что, будетъ свѣтлая, жизнь — счастье. Только не мнѣ, не твоей матери теперь въ твою жизнь вмѣшиваться. Слишкомъ много я взяла на себя въ твоемъ прошломъ. У меня нѣтъ правъ ни на твое настоящее, ни на твое будущее. Самъ его строй, по-своему. Но меня теперь выслушай.

Какимъ бы бредомъ тебѣ, Алешенька, не показалось мое признаніе, ты сможешь все-таки меня понять, я въ этомъ увѣрена. Вѣдь ты — Старогорскій, ты по крови изъ семьи счастливыхъ натуръ, въ которую я вошла, чтобы дать тебѣ жизнь и потомъ преступно эту твою жизнь изломать.

Велика моя вина передъ мужемъ, но передъ тобой, мой мальчикъ родной, вина чудовищная! Мужъ вѣдь зналъ все, о чемъ ты и не подозрѣваешь: о чемъ ни одна душа въ мірѣ, кромѣ меня и Алексѣя, не знала. Онъ, взрослый, равный мнѣ, старше меня, могъ бы бороться съ моей страшной душевной ношей. Ты, маленькій, бѣдненькій, былъ вполнѣ игрушкой въ моихъ рукахъ. Передъ тобой я стократъ виновата!

Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда я встрѣтила Алексѣя. На балу въ Петербургѣ встрѣтила. Онъ — сорокалѣтній камергеръ. Всѣ кругомъ говорятъ: дѣлаетъ большую карьеру, не сегодня завтра губернаторъ. Его называютъ будущимъ министромъ. Про меня говорили „миленькая“, а кто и „красавица“. Изъ семьи не хуже, чѣмъ Старогорскіе.

Полюбила я Алексѣя сразу. Только насъ познакомили — и уже люблю. Не разсказать тебѣ Алешенька, каковъ онъ былъ. Даже старикомъ на портретѣ онъ прекрасенъ.

Нашъ романъ сталъ очередной басней петербургскаго свѣта. Знаю, злословили на мой счетъ. Знаю, неискренне жалѣли меня: слишкомъ обширное прошлое у Алекса Старогорскаго. Ни на что я не смотрѣла, ни о чемъ не задумывалась. Пылала вся!

Алексѣй торопилъ, и черезъ мѣсяцъ уже мы повѣнчались. Ни въ какое свадебное путешествіе не ѣздили. Не было мысли о томъ, чтобы хорониться отъ людей въ нашемъ счастьѣ. Съ визита на визитъ, съ бала на балъ. Тогда весело жили, а мы съ Алексѣемъ — всѣхъ веселѣе. Весна была ранняя. Изъ оконъ нашихъ посинѣвшая Нева, Петропавловская крѣпость за ней, а черезъ Фонтанку — Лѣтній садъ. Солнце къ намъ въ окна день цѣлый.

Я бы глаза выцарапала тому, кто посмѣлъ бы сказать что любовь ко мнѣ Алексѣя — запоздалая, ненастоящая. Гордая мужемъ, я въ первые дни послѣ свадьбы не знала лучшей радости, какъ чаще показываться съ нимъ подъ руку, чтобы всѣ, всѣ меня, побѣдительницу, видѣли.

И онъ любилъ. Очень любилъ!

Всѣ обязательные визиты были наконецъ сдѣланы. Остался одинъ, къ старухѣ Хворостининой. Нравная была барыня, но добрѣйшая Сама почти ни къ кому не ѣздила, а у себя всѣмъ рада. Сторогорской, твоей бабушки, пріятельница. Алексѣй къ ней разъ въ три года показывался или карточку завозилъ. Тутъ мы вмѣстѣ пріѣхали.

Хворостинина шуткой встрѣтила. Уши ей про насъ прожужжали. Вина въ домѣ не держитъ, — шеколадомъ поздравляла:

— Такъ-то слаще, а хмѣльного и въ любви вашей предостаточно! Кругомъ васъ—зависть, а для меня въ этомъ примѣта вѣрная: любовь ваша крѣпкая.

Засидѣлись мы у Хворостининой. Старуха про Алексѣя разсказывала, какой онъ „баловной" въ дѣтствѣ былъ. Онъ смѣется. Мнѣ каждое слово интересно, все распрашиваю. И случилось какъ то такъ, что на прощанье задержала Хворостинина мою руку, на ладонь взглянула. А я слышала, что она по рукѣ о людяхъ говоритъ. Тогда слово „хиромантія" какъ будто въ ходу еще не было.

Стала я ее упрашивать: скажите мнѣ, какая я?

Не ломалась. Спицей вязальной по рукѣ водитъ и говоритъ. Не припомню теперь, что она говорила, но слова все ласковыя: славную, молъ, Алеша себѣ жену взялъ.

Алексѣй тоже руку подаетъ:

— И обо мнѣ словечко женѣ замолвите, Евдокія Григорьевна.

Хлопнула его по рукѣ.

— И безъ того хорошъ! Не вчера, батюшка, изъ вѣвичьей. Про тебя во всѣхъ гостиныхъ всегда звону было достаточно!

Но все-таки и ему спицей по рукѣ поводила. Добрякъ, говоритъ. Всѣ вы Старогорскіе не изъ злобныхъ. Характерца маловато, но, если въ сорокъ лѣтъ камергеръ, не велика бѣда, — и безъ характерца не затрутъ...

И вдругъ взглянетъ на Алексѣя, и провожать насъ стала:

— Къ Фитингофшѣ ѣдете, такъ вамъ лучше не опаздывать. На меня потомъ шипѣть будетъ, не люблю ее, а ссориться съ ней и того меньше.

Мы уѣхали. Но съ того часа меня какъ-будто подмѣнили. Одна мысль: что старуха у Алексѣя на рукѣ увидѣла? Ночь пролюбопытствовала, не спала. На другой день поѣхала къ Хворостининой одна. Старуха опять меня шуткой встрѣчаетъ. Сама предупреждаетъ:

— Знаю, знаю, зачѣмъ матушка моя пріѣхала? Да все равно ничего не скажу. По глупости своей старушечьей къ лапамъ человѣчьимъ отношусь серьезно. Врать не стану. А только ровно ничего дурного для тебя на мужниной рукѣ я не видѣла. Веселись да дѣтей рости!

Такъ ничего и не сказала. А у меня уже не любопытство, мука началась: если нѣтъ ничего плохого, то почему она не говоритъ, почему съ грубоватой лаской отшучивается?

Не сказываясь Алексѣю, зачастила я къ Хворостининой. Она даже жалѣть меня начала и говоритъ уже другое:

— Ну, какая, милая, можетъ быть вѣра въ эти линіи! Такъ, вздоръ!

Въ концѣ концовъ сказала:

— Чуръ, только, какъ скажу, изъ головы выкинуть! Есть у твое мужа на лѣвой рукѣ линія. Такую я одинъ только разъ видѣла у человѣка, въ любви удачливаго. Давно онъ теперь покойникъ. И сказала мнѣ тогда бабка (она меня по рукамъ смотрѣть учила: у кого такая линія, тотъ неудачи въ любви знать не можетъ. Какая приглянулась, какую пожелалъ, та изъ нашей сестры и —его... Вотъ и суди сама, милая: развѣ не глупость! Бабкина выдумка. А хотя бы и такъ, бѣды никакой. До сорока Алексѣй холостымъ бѣгалъ, на тебѣ попался. Тебѣ и честь!

Расцѣловала меня и домой отправила:

— Мужъ, поди, изъ министерства обѣдать вернулся, а ты у меня съ пустяками пропадаешь.

У меня въ душѣ—какъ ножъ. Каждому слову Хворостининой я провѣрила такъ же, какъ и она сама, видѣла, вѣрить. Не выдумка это, а правда. Отъ Алексѣя я не стала скрываться. Въ тотъ же вечеръ отыскала у него на рукѣ старухину линію. Цѣлую и плачу. Плачу и цѣлую.

Онъ ласкалъ меня, улыбался виновато, говорилъ:

—Вотъ, глупости, Мари! Какія глупости! Ну стоитъ ли объ этомъ думать!

Оторвалась я отъ его руки, въ глаза смотрю, — въ глазахъ поймала нескрытую мысль: онъ тоже повѣрилъ.

Любовь моя не ушла, не уменьшилась. Не могла уменьшиться. Но съ тѣхъ поръ не стало прежней веселой Мари, которая каждому говорила бы взглядомъ: побѣдительница. Какая же я побѣдительница?! Я — невольница своего чувства, и у Алексѣя могутъ быть тысячи такихъ же невольницъ, стоитъ ему только пожелать.

И униженіе въ этомъ было, и ревность.

Къ Пасхѣ Алексѣй долженъ былъ выѣхать въ Херсонъ губернаторомъ. Но Хворостинина была права; у него было мало характера. Я, въ дочери ему годнвшаяся, заставила мужа подать въ отставку, и мы съ нимъ ѣхали въ „Старыя горы", чтобы тамъ остаться на всю жизнь.

Вотъ—моя вина передъ мужемъ. Я сломала ему карьеру, вырвала изъ привычнаго общества, заперла въ деревнѣ. И онъ же меня жалѣлъ. Его заботы были трогательны. Онъ доказалъ свою любовь.

Прошли годы, ты, Алешенька, родился,—жертва Алексѣя начала тяготить его. Не мнѣ его въ этомъ виннть, потому что я не дала ему радости н, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, могла ее дать. Условнлись мы никогка не вспоминать о словахъ Хворостининой, но всегда они стояли стѣной между нами. Я была отравлена ими. Алексѣя мое состояніе тяготило. Онъ. живой, добрый, веселый, художникъ по натурѣ, невольно искалъ отдушинъ къ иной жизнн, къ инымъ людямъ.

Мои новые запреты были же безуміемъ. Я ихъ и не ставила.

Алексѣй былъ выбранъ предводителемъ. У него были обязательные пріемы. По недѣлямъ онъ пропадалъ у сосѣдей, въ Орлѣ, въ Москвѣ. Пошли охоты, выборы, конскія ямарки. Не было случая, чтобы Алексѣй вернулся въ „Старыя Горы" безъ конфектъ для меня, безъ цвѣтовъ, безъ подарка. Улыбался, шутилъ и не разъ съ ласковой улыбкой поглаживалъ мнѣ руку.

Онъ сталъ баловнемъ всей губерніи, а меня осуждали. До меня доходили слухи о его романахъ, но съ годами ревность усиула во мнѣ. Могла ли я винить тѣхъ женщинъ, которыя его любили. Если это были дѣвушки, я ихъ жалѣла, мнѣ было больно за нихъ. Это во мнѣ замѣчали, недоумѣвали, говорили. „у Старогорской не всѣ дома"! И именно женщины меньше всѣхъ прощали мнѣ мое непонятное для нихъ отношеніе къ мужу.

Какой счастливой могла бы быть моя жизнь, если бы я послушалась Хворостниной и рѣшила бы: все это — выдумка!

Я убѣдилась въ этомъ, когда Алексѣй, привезенный съ охоты въ обморокѣ, очнулся и, не смыкая глазъ, три дня и три ночи переходилъ изъ жизни въ смерть. Днемъ онъ лежалъ въ креслѣ надъ рѣчнымъ обрывомъ, въ паркѣ, ночью въ томъ же креслѣ у меня въ спальнѣ. Такіе, какъ Алексѣй, въ смерть не вѣрятъ, но отъ этого еще красивѣе правда ихъ предсмертныхъ признаній.

Онъ говорилъ со мной такъ чудесно ласково. Не себя, а меня жалѣлъ. Не упрекалъ, а понималъ и просилъ прощенія за многое:

— Ты лучше всѣхъ, моя Мари! Зачѣмъ я заставилъ тебя такъ страдать!

Не словами, а взглядомъ, онъ говорилъ, что, даже умирая, вѣритъ въ правду своей проклятой линіи на рукѣ. Пошутилъ въ послѣдній день жутко:

— Грамматика, навѣрное, ошиблась: смерть не женскаго, а мужского рода. Я къ ней не чувствую никакого расположенія, а она добивается свиданья со мною.

Послѣ смерти Алексѣя я продала „Старыя горы". Не могла я жить тамъ, гдѣ всѣ его такъ любили, гдѣ до меня доходили бы чужія воспоминанія о немъ. Но для меня не могло быть иного дома, чѣмъ его и твой, Алешенька, домъ, чѣмъ „Старыя горы". Губернія такъ и не узнала о послѣднемъ „чудачествѣ" Старогорской, о моемъ домѣ въ Нюизо.

Здѣсь я ближе къ моему мальчику, котораго сама лишила отцовскаго дома въ ранніе годы. Странныя шутки шутитъ жизнь. Сотни тысячъ такихъ, какъ я, какъ мой Алешенька, тоскуютъ теперь безъ Россіи, берегутъ „пыль Москвы на лентѣ старой шляпы"... Какъ я понимаю эти слова, хотя изъ Россіи уѣхала сама, когда тамъ не лилась еще кровь, и мальчика своего сама заранѣе оттуда удалила. Мое „чудачество" стало спасеніемъ и моей, никому не нужной, и твоей, Алешенька, жизни. Вѣдь, будь мы тамъ, мы легко могли бы вынуть жребій смерти. Разоряя семейное гнѣздо Старогорскихъ, я сохранила его и, можетъ быть, внукъ Алексѣя будетъ спать въ той же дѣтской, гдѣ когда-то спали и онъ, и ты, Алешенька. Будетъ играть въ ней въ то время, когда тысячи русскихъ дѣтей даже по наслышкѣ не знаютъ о родной русской обстановкѣ.

У Бога неисповѣдимые пути. Кто скажетъ, не обѣщаетъ ли Онъ мнѣ тихую смерть въ той комнатѣ, гдѣ въ рѣдкую свѣтлую минуту моего печальнаго счастья любви зачатъ ты, Алешенька, гдѣ Алексѣй сомкнулъ свои милые глаза. Это — милость Господа ко мнѣ за страданіе моей жизни, горшее, можетъ быть, вины моей передъ мужемъ и сыномъ.

* * *

Три дня не писала. Силъ все меньше. Написанное нѣсколько разъ перечитала. Между каждыми двумя словами можно

было бы десятки страницъ вписать, но къ чему эти страницы-оправданія? Какъ сразу сказалось, такъ и лучше. И впередъ буду тебѣ, мальчикъ мой, писать, какъ изъ подъ пера выйдетъ. Недоскажу чего, ты, Алешенька, родной, своей мыслью дойдешь. Поймешь.

Алешенька, перечитай у Пушкина „Моцартъ и Сальери". Подумай надъ этой вещью. За нее одну Пушкина надо признать геніемъ. Мучительныя для твоей матери строки. Ты и твой отецъ — Моцарты. Я — какъ Сальери. Вы, Старогорскіе по крови, носите въ себѣ ту же душевную легкость, что была у Моцарта. Я, какъ и пушкинскій Сальери, задушила въ себѣ такое простое, молодое. Сальери не лгалъ, любилъ Моцарта, восхищался имъ, его геніемъ, но все-таки убилъ его. Видитъ Богъ, я такъ люблю васъ обоихъ, но я взяла на себя грѣхъ духовнаго убійства, потому что все мое существо возмущалось противъ подсказанной моему сознанію черты Старогорскихъ, такой же рѣдкой и чудесной и такъ же легко побѣждающей, какъ геніальность великаго художника.

„Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ.". Такъ и я себѣ твердила: тяжко, но долгъ!

Путь моей жизни — путь Сальери. Не свободное моцартовское творчество въ любви, а „алгебра" вмѣсто гармоніи. И Сальери, и твоя несчастная мать — страдальцы, Алешенька! Успокоеніе для меня только въ послѣднемъ сомнѣніи. Сальери усумнился, можетъ ли онъ, убійца, быть геніемъ. Въ этомъ его послѣдняя казнь. По иному усумнилась теперь передъ близкой смертью и я: можетъ быть, я — только материнство свое загубила, а ты, Алешенька, остался самымъ собою? Можетъ быть, моя „алгебра" оказалась для тебя не ядомъ, а нужнымъ душевнымъ питаніемъ, и даетъ теперь тебѣ возможность лучше многихъ и многихъ твоихъ сверстниковъ, русскихъ, жить и работать въ чужой обстановкѣ, внѣ Россіи?

Для твоей матери въ этомъ послѣднемъ сомнѣніи — помилованіе.

Суди меня, Алешенька!

Пять лѣтъ прошло послѣ нашего съ Алексѣемъ отъѣзда изъ Петербурга въ „Старыя Горы", и вдругъ неожиданно, съ сундуками, съ корзинами, кульками разными на пыльномъ наемномъ тарантасѣ прикатила въ усадьбу Хворостинина.

— Не ждали, ребятки! Я — всегда нежданная. На могилку къ твоей матери, Алеша, пріѣхала. Скоро совсѣмъ къ ней собираюсь, на вѣчное жительство, такъ надо же напередъ визитъ отдать. Шутка моя глупая, а все-таки правда. Ребятишекъ своихъ со мной знакомьте. Трое? Неужели четверо?!

Все утро балагурила, на могилу къ твоей бабушкѣ мы съ ней съѣздили, любимымъ старухинымъ шеколадомъ ее за обѣдомъ помянули, а послѣ обѣда заперлась она со мной въ спальнѣ и давай меня отчитывать:

— Ты что же это, ненаглядная, со мной дѣлаешь! Чтобы меня на томъ свѣтѣ черти за колдовство и чернокнижество на горячихъ угольяхъ подпекали! Виданное ли дѣло! Ну, мѣсяцъ поблажила ну, два, — да и довольно. А то пять лѣтъ чепуху разводишь! Думаешь, старуха у себя, на Моховой какъ во мху, закопалась и про тебя ничего вѣдать не вѣдаетъ?! Все знаю. Чтобы у меня эта дурь изъ головы вонъ! Красавица, умница, а какъ баба деревенская въ дурной глазъ или въ приворотный корешокъ повѣрила. Слушать ничего не хочу. Въ Петербургъ обратно тебя не гоню. Алексѣю ты давно всю музыку въ министерствахъ да при Дворѣ испортила, а чтобы въ домѣ у васъ, въ „Старыхъ Горахъ" радость непремѣнно была чтобы ребятишки были! А меня, коль помру до срока, первенцу крестной записывай. Я и въ покойницахъ крестника не забуду. Не таковская! Ну!

Пробыла у насъ Хворостинина недѣлю, и эта недѣля была самой свѣтлой въ „Старыхъ Горахъ". Старуха на меня только поглядываетъ, а я себя не узнаю. Веселая была, радостная. Ни мысли о томъ, что было пять лѣтъ моимъ проклятіемъ. Къ Алексѣю за эту недѣлю — гонецъ за гонцомъ отъ сосѣдей, а онъ — никуда. Все со мной.

Уѣзжая, Хворостинина будто обмякла, изъ бодрой совсѣмъ старенькой стала. Прощается со мной, всхлипываетъ:

— Утѣшила ты меня, ненаглядная! Спасибо, что въ руки себя взяла. А взяла, — такъ и на всю жизнь держи. Теперь и моего невольнаго грѣха ноша легче. Господь съ тобой и съ нимъ! Сынъ будетъ, Алешенькой же назови. Такъ я бабкѣ его, покойницѣ, обѣщалась.

Говорила, и въ глазахъ у нея была та же — нѣтъ, большая — вѣра въ то, что пять лѣтъ назадъ не вздоръ она мнѣ сказала, а правду. И съ удвоенной силой вернулась ко мнѣ послѣ отъѣзда старухи прежняя моя мука.

Хворостинина слегла по пріѣздѣ въ Петербургъ и въ недѣлю какую-нибудь угасла. Это былъ единственный разъ, что мы съ Алексѣемъ вмѣстѣ съѣздили изъ „Старыхъ Горъ" въ Петербургъ. Почти одни мы на похоронахъ и были. Пустой лѣтній Петербургъ, пыльный, гремящій, раскаленный. Даже не переночевали тамъ. Съ вечернимъ поѣздомъ домой вернулись

Въ апрѣлѣ родился ты, Алешенька. Первая, ранняя гроза въ тотъ день была. Я безъ силъ лежу, а Алексѣй около меня плачетъ и радуется. Окно распахнулъ. Малюткѣ своему небо показываетъ. И мнѣ съ постели видно: безъ радуги небо всѣми цвѣтами свѣтится, чудныя облака. И громъ — какъ музыка.

— Встрѣча-то какая мальчишечкѣ, Мари! Воевода у насъ будетъ!

Наклоняется ко мнѣ и цѣлуетъ. И все шутитъ:

— А Илья-то пророкъ старается для нашего праздника! Не обидится Илья, что сынъ Алексѣйкой будетъ? Ну, спи, спи, Мари!

Потомъ онъ такъ же шутилъ съ тобой маленькимъ, когда ты грома боялся:

— Я — то думалъ, сынъ у меня гроза будетъ, а ты нюни распускаешь. Эхъ, Алешенька!

Ужасна была моя беременность. Кляла я себя за нее. Но въ первые годы твоего, маленькій мой, дѣтства бодрило меня благословеніе твоей крестной, Хворостининой. Себя въ рукахъ держала. Ласковая съ тобой была, — помнишь ли объ этомъ, мальчикъ мой? Пѣсни тебѣ пѣла. Молилась съ тобой вмѣстѣ. Пряники для тебя, умницы, въ столикъ прятала и учила, какъ ихъ доставать...

Ты былъ, можетъ быть, немного впечатлительный мальчикъ, но крѣпкій, здоровый. Кто бывалъ у насъ, говорилъ: художественная натура. Всѣ наперебой совѣтывали учить тебя музыкѣ, — такъ легко ты схватывалъ каждый напѣвъ и малышемъ еще тянулся къ роялю и къ отцовской гитарѣ. Тебѣ не была безразлична твоя наружность. Не разъ я заставала тебя у зеркала, локонами своими каштановыми Алешенька любовался. А сказалъ кто-то, что въ локонахъ ты — дѣвочка, и ты, едва четырехлѣтній, остро почувствовалъ обиду. Въ тотъ же день заставилъ тебя остричь и во многомъ измѣнилъ свои внѣшнія повадки. Я наблюдала за тобой и видѣла, что въ какое-то свое внутреннее зеркальце ты постоянно осматриваешься: достаточно ли я, Алеша, сорванецъ-мальчишка?

Глубоко запрятала у себя въ душѣ я вопросъ о тебѣ. Была просто матерью, какъ всѣ матери. Но ненадолго хватило у меня сдержанности.

Пріѣдутъ къ намъ, въ „Старыя Горы“ гости, соберутся въ саду деревенскія дѣти, — и я бросаю все, чтобы наблюдать за тобой. Во мнѣ — нечеловѣческое усиліе наблюдать и не смѣть сдѣлать выводъ изъ наблюденій. Только потомъ всѣ эти выводы явились ко мнѣ сразу. Они кричали во мнѣ:

— Твой сынъ — повтореніе твоего мужа. Чуть зародится въ немъ симпатія къ кому-нибудь, — и мальчику отвѣчаютъ обожаніемъ. Дѣвочки вдвое старше него, четырнадцатилѣтнія, бросаютъ все, только бы играть съ нимъ. Маленькая голубоглазенькая крестьяночка, Таня, съ которой онъ раньше любилъ играть на глазахъ таетъ отъ того, что бѣдняжка еще не умѣетъ назвать ревностью. А сынъ твой даже не замѣчаетъ этого. Онъ веселый, сіяющій. Ему любо играть въ своего отца, ѣхать на тройкѣ мальчишекъ на охоту и подсаживать на скамейку-долгушу жницъ-дѣвочекъ:

— Садись, бабы, подвезу!

Какъ-то я грубо прервала такую невинную игру, отослала ребятъ изъ сада. Ты, Алешенька, разсердился, а я, задыхаясь отъ предчувствія-увѣренности, повела тебя... мыть руки. Мой голосъ лгалъ:

— Ну можно ли быть такимъ грязнулей! Трубочистъ, а не мальчикъ!

Въ моей горячей рукѣ была твоя мягкая рученка, бѣленькая, даже не шершавая, какъ часто у мальчиковъ.

— Да вѣдь совсѣмъ чистыя, мамочка, руки.

И опять моя ложь, отъ которой я краснѣю:

— Надо тебѣ непремѣнно спорить съ матерью! Это — чистая? Чистая?!

Я поворачиваю къ себѣ твою ладонь и впиваюсь въ нее глазами въ первый разъ въ жизни. Даже когда пеленала тебя, совсѣмъ маленькаго, взглянуть не посмѣла. На лѣвой ладони, тамъ же, гдѣ у отца — четкая линія, которую я не спутаю ни съ какой другой, хотя бы природа исчертила руку человѣка милліонами линій.

— Вотъ... видишь!

Я тогда безсильно отпустила твою рученку, а ты прыгалъ на одной ногѣ и смѣялся, какъ колокольчикъ:

— Чистыя! Чистыя! Чистыя!

Алексѣй былъ въ отъѣздѣ. Никто въ домѣ не замѣтилъ, что я проплакала всю ночь. Я возненавидѣла проклятіе отцовской черты — силы, мной переданной тебѣ. До сихъ поръ къ этому колдовскому дару жизни былъ причастенъ только Алексѣй. Но мой мальчикъ — часть меня самой. Я въ сынѣ сама стала носительницей того, что всей душей считала воровствомъ у судьбы, у Бога, Который не можетъ быть несправедливъ ко всѣмъ, даря одному - двоимъ кладъ непремѣннаго счастья въ любви.

Мужъ вѣритъ въ эту свою силу, но не считаетъ себя воромъ. Я не имѣю права дать сыну вырости такимъ же.

Униженіе моего неизбѣжнаго чувства къ мужу я переношу, потому что я люблю его. Рабы иногда бунтуютъ, — рабыни никогда. Но въ жизни и въ натурѣ родного сына я имѣю право быть госпожей. Вѣдь воспитаніе формируетъ людей, и мать, не сумѣвшая воспитать своего сына, заслуживаетъ осужденія. Я не должна дать этой линіи на рукѣ Алешеньки овладѣть его существомъ. Та, что станетъ Старогорской, его женой, не должна знать моего рабства. Какъ женщина, я вся — на ея сторонѣ и врагъ воровской силѣ своего сына.

Эта ночь была моей ночью Сальери. Я рѣшила убить въ сынѣ то, чѣмъ онъ скоро сталъ бы обкрадывать человѣческую любовь, какъ Моцартъ своимъ геніемъ обкрадываетъ искусство. Сравненіе съ Сальери пришло ко мнѣ только здѣсь, года два назадъ, когда я перечитала эту вещь. Прочти ее, Алешенька, и ты поймешь мою тогдашнюю страшную логику.

По жестокому приказу этой логики я начала упрямую работу надъ моимъ мальчикомъ на слѣдующій же день. Тысячи вещей, дозволенныхъ ему раньше, стали теперь запретными. Логика подсказываетъ мнѣ:

Все, въ чемъ оттѣнокъ мечтательности, художественнаго, соединеннаго съ сказочнымъ, таинственнымъ—не для Леши. Я отобрала въ дѣтской библіотекѣ всѣ книги, способныя подсказать вѣру въ таинственное, чудесное. Выписала изъ Орла книги по естествознанію и простенькіе приборы школьныхъ физическихъ кабинетовъ. Они должны замѣнить спрятанныя игрушки.

— Ты теперь большой, Алеша. Большіе не играютъ.

Начатые недавно уроки музыки прекратились. Прекратилась и моя игра на роялѣ, подъ которую вечерами мечталъ Алешенька. Вообще не надо, чтобы онъ мечталъ.

Съ безжалостностью, ранившей и мое сердце, я приказала не допускать въ садъ никакихъ дѣтей:

— Тебѣ, Алеша, нужно чаще быть со мной. Осенью ты поѣдешь учиться въ Москву. Тамъ ты будешь совсѣмъ одинъ.

Я отстраняла по возможности чаще руки моего ребенка, обнимавшія меня:

— Я же знаю, что ты меня любишь, Алеша. Незачѣмъ каждую минуту это показывать. Нужно быть сдержаннѣе.

Цѣлую недѣлю я не оставляла Алешу одного, если только онъ не сидѣлъ за книгой, мной выбранной. Въ разгарѣ лѣта я возобновила прерванные весной уроки: грамматику и много арифметики. Заставляла моего мальчика увлечься задачами, какъ прежде игрой. Недѣля прошла гладко. У меня хватило чуткости не перегрузить мысль ребенка новымъ для нея матеріаломъ, однообразнымъ, тяжелымъ.

Никогда я не забуду ночи на воскресенье. И не знаю, проститъ ли мнѣ эту ночь милосердный Господь! Можетъ быть, за муку мою проститъ, за вѣру, съ которой я твердила Ему:

— Прости, Господи! Такъ вѣдь нужно во Имя Твое!

За утреннимъ кофе Алеша обрадовался поданной тройкѣ:

— Въ церковь, мама?

Я не сразу отвѣтила. Голосъ не повиновался мнѣ.

— Ты больна, мамочка?

— Да, Алешенька, нездоровится. Мнѣ сегодня не выстоять обѣдни. Если хочешь, просто прокатимся въ лѣсъ.

Я въ первый разъ отняла у сына встрѣчу съ Богомъ. Моя логика говорила мнѣ: религіозное, мистическое пусть придетъ къ Алешѣ потомъ, когда ты выкуешь изъ него желѣзнаго человѣка, который принялся бы отъ души смѣяться, если ему сказать, что у него на рукѣ—знакъ—право на любовь каждой изъ женщинъ міра.

Мы не поѣхали въ церковь, но, можетъ быть, потому, что и въ экипажѣ, и въ лѣсу я не переставала мысленно мо-

литься, Алеша, сидя со мной на полянѣ, заговорилъ о Христѣ. Заговорилъ по-дѣтски, но съ живой вѣрой. Ему вспомнилась картинка — Христосъ идетъ по водѣ Генисаретскаго озера и подаетъ руку Петру, который тонетъ.

— Мама! А я бы, мнѣ кажется, повѣрилъ бы и пошелъ. Вѣдь онъ же своими глазами видѣлъ, что Христосъ идетъ, онъ самъ пошелъ уже немножечко. Какъ же не повѣрить?!

— Алешенька, глупенькiй! Не думай сейчасъ объ этомъ. Выростешь большимъ, умнымъ, будешь много-много знать, — тогда все поймешь. Тогда Христосъ подастъ тебѣ руку въ жизни, и ты пойдешь. А теперь ты только фантазируешь... Такъ понапрасну... несерьезно...

— Сама ты, мама, фантазируешь. Ничего у тебя и спросить нельзя!

— Нѣтъ. Спрашивай, Алеша. Только спрашивай о томъ на что я и другiе можемъ тебѣ отвѣтить.

Униженная собственной ложью, я вернулась съ прогулки, но неумолимая логика Сальерн не оставила меня...

Алешенька, миленькiй, чтобы вырвать у Алексѣя согласiе на твой отъѣздъ изъ дома въ Москву той осенью, я отвратительно наклеветала на тебя, чистаго, твоему добряку-отцу! Онъ повѣрилъ мнѣ, будто перемѣна въ твоемъ воспитанiи рѣшена была мною потому, что въ тебѣ въ нехорошей формѣ проступили черты ранняго полового развитiя, и тебя надо беречь отъ этой опасности. Для правдоподобiя я наклеветала и на бѣдную маленькую голубоглазую Таню. Лгала убѣдительно:

— Эти нездоровые „романы" въ семь лѣтъ надо прекратить. А музыка... Шопена и Чайковскаго онъ наслушается и взрослымъ, но въ отроческiе и переходные годы ему необходимо дать строгое... позитивное воспитанiе. Пусть прежде всего окрѣпнетъ интеллектъ.

Довѣрчивый Алексѣй какъ-то безпомощно улыбнулся, словно смутился:

— Какой ты у меня большой философъ, Мари! Интеллектъ. Позитивное.. Но ты права, права, безусловно! Надо пожалѣть мальчишечку! Непремѣнно пусть холодныя обтиранiя, режимъ.

Въ этой чудовищной лжи я покаялась Алексѣю, только когда онъ умиралъ, и тебя-сына не было около него. Онъ только грустно покачалъ головою, и ни слова мнѣ. Онъ тебя, Алешенька, очень любилъ, отецъ!

Осенью мы отправили тебя въ Москву. Чужихъ людей было обманывать еще проще, чѣмъ бѣднаго Алексѣя. А обязательства, принятыя за деньги, имъ, чужимъ, выполнять было легче, чѣмъ издалека сочувствовать бѣдняжкѣ-сыну, который въ глазахъ повѣрившаго мнѣ отца могъ стать ненормальнымъ въ обыкновенныхъ условiяхъ воспитанiя.

Психіатръ, къ которому я свозила тебя на пріемъ и насказала про тебя небылицъ (ихъ требовала моя логика, какъ декораціи), написалъ Алексѣю утѣшительное письмо, вполнѣ оправдавъ мой планъ воспитанія сына. Онъ же вмѣстѣ со мной выработалъ режимъ твоей жизни у Коростовцева!

Этотъ періодъ вполнѣ на твоей памяти, милый Алешенька. По твоимъ письмамъ знаю, что ты чувствовалъ себя первое время заброшеннымъ, что ты плакалъ иногда, но здоровая натура взяла свое. Я знала о каждомъ твоемъ шагѣ, почти о каждомъ словѣ. Два раза въ недѣлю Коростовцевъ присылалъ мнѣ въ „Старыя Горы" отчетъ о тебѣ. Онъ былъ большой умница, Александръ Геннадіевичъ, и при всей своей сухости достаточно чуткій человѣкъ. Самое же главное, полюбилъ онъ тебя и выполнялъ программу моей „логики" въ полномъ убѣжденіи, что это вообще — лучшая изъ программъ воспитанія. Тебя онъ искренне считалъ счастливѣйшимъ изъ мальчиковъ твоего круга. Говаривалъ:

— Не случись съ Алешей того... пустяка съ дѣвченкой, отдали бы вы его, Марія Кирилловна, въ какіе-нибудь позолоченные лицеисты или правовѣды, и выросъ бы изъ него балбесъ-балбесомъ сюсюкающій! Слякоть! А теперь, смотрите, у малаго—здоровые, трезвые интересы. Ученымъ, пожалуй, и не станетъ, но инженеръ изъ него выйдетъ съ головой. Полезный человѣкъ. Такіе нужны. Въ программѣ мы реалистовъ уже на два года опередили. Только какъ-вотъ съ Закономъ Божіимъ быть? Совѣтую я вамъ, Марія Кирилловна, плюньте вы на здѣшніе экзамены, на здѣшній дипломъ. Онъ у васъ—языковѣдъ отличный. Не для салонной же это болтовни. Заграницей любой экзаменъ сдастъ, а Закона Божьяго тамъ не потребуютъ. И школа техническая тамъ не чета нашей: спеціалистъ, такъ спеціалистъ!

Я сижу въ номерѣ московской гостинницы, за нѣсколько улицъ отъ моего Алешеньки (шесть лѣтъ его не видѣла, не смѣла) и соглашаюсь съ доводами твоего воспитателя. Онъ такъ просто, убѣжденно подсказываетъ мнѣ то, на что я сама не могла бы рѣшиться:

— Да. Если тамъ, за границей, безъ Закона Божьяго, то, конечно, лучше.

Когда Коростовцевъ смотрѣлъ на меня сквозь очки добрыми глазами чудака-интеллигента, я даже вѣрила, что такой тебѣ и нуженъ воспитатель: у него шахматы вмѣсто игры въ солдатики („военщина"), возня вдвоемъ надъ электрофорной машиной вмѣсто танцевъ на юношескомъ вечерѣ („шаркуинство") осмотръ какой-нибудь фабрики вмѣсто оперы и балета („слюнтяйство") или всенощной у Василія Блаженнаго („кликушество"). Я вѣрила, что этотъ чистый душой ученый-практикъ ведетъ тебя по правильной дорогѣ: не ломаетъ, а строитъ въ тебѣ трезваго человѣка, который посмѣется надъ сказкой старухи Хворостининой о его отцѣ и о немъ самомъ.

Могу представить какъ искренне удивился бы Коростовцевъ, узнавъ, что я-то, поддакивавшая ему, проводивъ его, ѣхала къ Иверской и зажигала передъ иконой столько свѣчей, сколько было ихъ въ часовнѣ.

Мученія мои приняли новую форму за границей, куда я переѣхала послѣ смерти Алексѣя, и гдѣ сталъ учиться ты.

Нѣсколько разъ я собиралась пріѣхать и разсказать тебѣ все. Шестнадцатилѣтнему мальчику, не по лѣтамъ серьезному. Совершеннолѣтнему студенту, который уже былъ близокъ къ концу политехникума. Молодому — двадцать четыре года—инженеру. Собиралась... и не въ силахъ была сказать тебѣ ничего. Я знала, что мать для тебя—гораздо болѣе чужой человѣкъ, чѣмъ твои товарищи и профессора. Я крадучись намекала—звала тебя къ себѣ письмами, думая, что здѣсь, въ „Старыхъ Горахъ" сказать тебѣ все было бы проще, но ты, видимо, тяготился этими намеками. Каждый разъ у тебя находился предлогъ, чтобы не поѣхать. Не виню, не осуждаю тебя, мальчикъ мой родной. это такъ понятно, такъ естественно!

Разговоръ нашъ былъ просто немыслимъ. Всю жизнь ждала я своего права на этотъ разговоръ, и убѣдилась, что постепенно утрачивала это право. Развѣ я мать?! Палачемъ твоимъ я могла бы себя назвать. Но мнѣ слишкомъ страшно это слово.

Я знаю, что ты не музыкантъ, какимъ бы могъ стать, но у тебя руки музыканта, отцовскія руки. Знаю, что тебя цѣнятъ, какъ инженера, хотя это не въ натурѣ Старогорскихъ: твой отецъ не могъ вѣдь разобраться въ самомъ простомъ чертежѣ молотилки и называлъ его тарабарщиной.. Это все пустяки... А вотъ вѣришь ли ты въ Бога, Алешенька? Способенъ ли ты увидѣть Руку Христа, когда Онъ подастъ Ее тебѣ въ трудную для тебя минуту? Могъ ли ты самъ за эти годы найти тропинку къ Христу, разъ прямой путь къ Нему я, твоя мать, для тебя закрывала?

Были ли женщины въ твоей жизни до Орловой? Ахъ, теперь это все равно! Она тебя бросила. Тебя, который такъ красивъ на присланной мнѣ карточкѣ яхтсмена. Можетъ быть, ты страдаешь, мальчикъ? Тогда прости мою глупую, старческую радость. Вѣдь для меня такой конецъ твоей страсти къ этой блестящей пѣвицѣ — знакъ свыше: успокойся, твой мальчикъ, какъ всѣ люди. Линія на его рукѣ — „бабкина выдумка" Мнѣ радостно мысленно благодарить женщину за нанесенный тебѣ, Алешенька, ударъ. Онъ забудется, а рабства, униженія для твоей будущей жены, дочери моей, заранѣе любимой, не будетъ. Она счастливѣе меня, а ты съ ней счастливѣе твоего отца.

Обнимаю васъ обоихъ и дѣтей вашихъ, моихъ внучатъ.

Алешенька, прости меня! Прости и полюби, хоть теперь-то. Помолись за меня, мальчикъ мой! Помолишься?

Твоя мать.

* * *

На отдѣльномъ листкѣ былъ карандашный рисунокъ ладони, только одна линія проведена перомъ. Надпись:

— Это—рука твоего отца и та линія.

Алексѣй взглянулъ на свою руку. Та же форма ладони и пальцевъ, линіи во многомъ совпадаютъ, и точнѣе всего совпаденіе особенно четкой на материнскомъ рисункѣ «той» линіи.

IV

Могила Маріи Старогорской возлѣ самой ограды сельскаго кладбища, ноздреватой стѣны изъ плитняка. На могилѣ — полированный гранитный крестъ съ надписями, русской и французской. Она въ сторонѣ отъ другихъ могилъ.

Старый въ порыжѣвшей черной сутанѣ кюре даетъ совѣты дядѣ Гильому, какъ лучше расположить на могилѣ привезенные изъ «Старыхъ Горъ» цвѣты, и старается занять разговоромъ Алексѣя:

— Мадамъ сама выбрала для себя это мѣсто. Отсюда лучше всего видѣнъ вашъ домъ. Мадамъ не принадлежала къ католической церкви, но я могъ считать ее своей прихожанкой. Почти каждое воскресенье мы ее видѣли въ церкви. Богъ у насъ одинъ, м-сье Старогорскій. Мадамъ подарила меня прекрасной мыслью вашего русскаго іерарха: земныя перегородки не доходятъ до Неба. А я прибавлю: онѣ не уходятъ и въ землю, ихъ нѣтъ между могилами добрыхъ католиковъ и добрыхъ православныхъ... Такъ не годится, дядя Гильомъ! Вы не у себя въ саду. Здѣсь, сколько ни поливай, земля черезъ часъ—камень.

У безногаго моряка, видимо, привычка деревяшкой ноги выдалбливать ямки для цвѣтовъ. Онъ то и дѣло порывается пустить въ ходъ ногу, но тутъ—могила, удерживается. Разсчетливо распре-

дѣляетъ по вырытымъ ямкамъ привезенную въ тележкѣ землю, подбираетъ по оттѣнкамъ левкои и гіацинты.

Дядя Гильомъ сосредоточенно молчаливъ. Когда утромъ Алексѣй попросилъ его проводить на могилу матери и свезти туда цвѣтовъ изъ сада, дядя Гильомъ сразу же подчеркнуто сочувственно захлопоталъ. У Алексѣя опять догадка: безногій морякъ и тутъ суевѣренъ, какъ съ чужими для него иконами, какъ съ лампами въ пустомъ домѣ. Онъ навѣрное уже подумывалъ о томъ, что сынъ не слишкомъ спѣшитъ отдать долгъ покойной матери. Потому теперь съ Алексѣемъ дядя Гильомъ какъ-то особенно почтителенъ.

За кюре прибѣжалъ мальчикъ изъ церковнаго дома. Старикъ привычнымъ движеніемъ чуть-склонилъ голову передъ могильнымъ крестомъ и простился съ Алексѣемъ словами-извиненіями. Видно, онъ радъ предлогу оставить неразговорчиваго молодого человѣка, съ которымъ самъ пришелъ познакомиться и поболтать.

— А, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ маловато земли, дядя Гильомъ?

— Вы его больше слушайте, м-сье! У него племянница бисерными вѣнками торгуетъ, — вотъ онъ мою работу и критикуетъ. У меня не засохнетъ... Противъ здѣшняго кюре ничего не скажу, только своего дохода никто пропускать не любитъ.

Алексѣю хотѣлось бы найти въ себѣ, хоть немного той молитвенной торжественности, какую онъ видитъ въ дядѣ Гильомѣ, даже когда морякъ возится съ цвѣточными горшками или ворчитъ на кюре. Самъ онъ и здѣсь, на кладбищѣ, продолжаетъ только думать надъ письмомъ матери, искать оцѣнки прочитанному.

Большое, теплое сочувствіе. Такъ удачнѣе всего могъ бы опредѣлить Алексѣй сумму мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ немъ письмомъ-признаніемъ покойной матери. Нѣкоторыя прочитанныя книги писателей-фантазеровъ производили на него

подобное же впечатлѣніе. Въ одномъ лишь разница. Первое впечатлѣніе отъ книги быстро никло, оставляло его. Работа мысли надъ письмомъ матери не спѣшитъ прекратиться. Фантазія книгъ — постороннее, а фантастичность письма дѣлаетъ его самого участникомъ необыкновеннаго. Письмо не обрывается, какъ книги, на послѣдней строкѣ. Изъ «героя» письма-сказки онъ легко превращается во второго автора, словно ищетъ въ себѣ тѣ страницы, что, по словамъ матери, могли бы быть вписаны между каждыми двумя словами ея исповѣди.

Но его мысль добавляетъ только сбереженныя памятью детали-краски, образы дѣтства, не оправдывая материнскую фантазію, не углубляя ее.

— Пойми Алешенька!

Онъ.. онъ понимаетъ мать. Но понимаетъ, какъ больного художника, который повѣрилъ будто его образы надѣлены живой жизнью. Понять-раздѣлить мысли матери онъ не можетъ.

— Прости, Алешенька!

Ему не за что прощать. Онъ не видитъ вины матери передъ нимъ, сыномъ. И это мѣшаетъ Алексѣю найти въ себѣ то настроеніе, которое здѣсь, на могилѣ матери, могло бы стать замѣной молитвы, исполненіемъ ея просьбы:

— Помолись за меня, мальчикъ мой.

Хорошо, что онъ подумалъ о цвѣтахъ, взялъ съ собой на кладбище дядю Гильома. Будь онъ здѣсь одинъ, онъ острѣе чувствовалъ бы въ себѣ неловкую напряженность человѣка, не умѣющаго молиться. Онъ ловилъ бы себя на большей, чѣмъ теперь, фальши почтительно-медленныхъ движеній, молчанія или пониженнаго голоса. Въ присутствіи дяди Гильома все это естественно.

Дядя Гильомъ окинулъ взглядомъ законченную работу.

— Теперь мадамъ будтъ лежать спокойно! Кого ни спроси, всѣ говорятъ: хорошая была госпожа!

Алексѣй хотѣлъ поцѣловать образокъ на могильномъ крестѣ, но вмѣсто этого только чуть-за-

мѣтно поклонился и пошелъ къ выходу съ кладбища.

— Дядя Гильомъ. Пройдите къ кюре, передайте вотъ... на бѣдныхъ прихода.

Матросъ поспѣшно отеръ отъ земли руки и старательно пересчиталъ протянутую Алексѣемъ пачку голубыхъ кредитокъ.

— Здѣсь 650 франковъ, м-сье. На бѣдныхъ, значитъ.

— А это еще вамъ за работу.

— Спасибо, м-сье! Вы себя разоряете!

Идя домой по солнечному проселку, Алексѣй видѣлъ, что дядя Гильомъ ковыляетъ съ пустой телѣжкой вслѣдъ за нимъ. Онъ умѣрялъ шагъ, чтобы дать безногому моряку догнать себя, но дядя Гильомъ и самъ тогда задерживался.

— Не хочетъ, чудакъ, навязываться.

Алексѣй шелъ и думалъ:

Этотъ Вожель неправъ. Дядя Гильомъ, хоть и французъ, совсѣмъ дитя передъ нимъ, русскимъ, Старогорскимъ. Слишкомъ большое значеніе имѣетъ та «алгебра» въ немъ, изъ-за которой всю жизнь казнила себя бѣдная мать. Напрасная казнь. Этой «алгебры» было бы въ немъ предостаточно и безъ школы Коростовцева, безъ инженерства. У могилы его можно было замѣнить французомъ, англичаниномъ, нѣмцемъ, — и картина была бы та же самая, будь только каждый изъ нихъ адвокатомъ, чиновникомъ, коммерсантомъ, человѣкомъ опредѣленнаго культурнаго уровня. Девяносто девять процентовъ вели бы себя такъ же, а одинъ процентъ притворялся бы. А у «дядей Гильомовъ» любой національности нашлась бы дѣтская, наивная увѣренность: «теперь мадамъ будетъ спать спокойно».

Его мать была такимъ же «дядей Гильомомъ», только съ большей умственной культурой. Въ этой дисгармоніи — источникъ ея драмы. Несчастная женщина.

Живетъ, множится мысль о вчера прочитанномъ. Письмо матери, какъ и домъ «Старыхъ Горъ», рождаетъ не мысль-анализъ, а цѣпь ассоціацій-толчковъ и къ раннему дѣтству, и къ недавнимъ годамъ.

Забавно: въ солнечную грозу онъ появился на свѣтъ въ «Старыхъ Горахъ» въ Россіи, и такая же гроза встрѣтила его здѣсь, въ воскрешенныхъ во Франціи «Старыхъ Горахъ». Подумалъ о необыкновенности этого, но тутъ же поймалъ себя на натяжкѣ: вѣдь въ материнскій домъ онъ попалъ только къ вечеру, когда о грозѣ не было уже и помина.

Еще ярче вспоминаются теперь Алексѣю дѣтскіе годы. Даже голубоглазая Таня такъ и стоитъ передъ его глазами. Отлично помнитъ эту дѣвочку. Въ пальцахъ онъ легко возстановилъ легкую напряженность первыхъ своихъ уроковъ музыки съ матерью. Разъ-и-два-и... счетъ рояльный. Живая. солнечная передъ нимъ полянка въ старогорской лѣсной дачѣ. Именно на этой полянкѣ онъ былъ съ матерью вмѣсто церкви въ страшный для нея и обыкновенный для него день. Полянку отлично помнитъ, но никакъ не можетъ представить себя самого сравнивающимъ свою вѣру съ вѣрой Петра-апостола. Силится и не можетъ. Мать его тогдашнія слова на всю жизнь запомнила, а по нему это скользнуло безслѣдно. Дѣтская была болтовня.

Болтовня, конечно. Память сохранила ему многое, но онъ совершенно не уловилъ и намека на какой-то «переломъ» въ своемъ дѣтствѣ, въ дни, когда его вдругъ лишили игрушекъ, сказокъ и общества деревенскихъ ребятъ. Не помнитъ, — значитъ, не было и лишенія. Для Алексѣя единственный переломъ — такой естественный — въ отъѣздѣ изъ «Старыхъ Горъ» въ Москву, къ Коростовцеву. Тогда онъ, помнитъ, ревѣлъ цѣлыми днями. А потомъ прошло. Вскорѣ же прошло.

И подумать, что несчастная мать считаетъ это духовнымъ убійствомъ.

Войдя въ домъ съ садовой веранды, Алексѣй прошелъ въ билліардную. На портретъ отца онъ смотритъ сегодня по-новому. Отецъ вѣдь тоже вѣрилъ въ измучившую мать сказку о всесиліи его любви, но вѣрилъ съ шутливой простотой, слишкомъ далекій отъ превращенія сказки въ трагедію. Такой онъ и на портретѣ:

— Что, занятно, Алешенька? Вотъ мы съ тобой какіе! Нину Орлову, Жаръ-Птицу, хвать, и поймалъ! Мы только пожелай! А француженочка, Жанна Мулино, тоже — въ нашъ силочекъ. Ея романъ съ часовщикомъ-философомъ далъ трещинку.

Алексѣй знаетъ, что самъ подсказываетъ глазамъ отца такія мысли, и это его забавляетъ. Съ отцомъ онъ готовъ, пожалуй, пофантазировать на эту тему, сколько ни вѣрь отецъ въ свою сказочную непобѣдимость въ любви. Съ матерью говорить не могъ бы. Для матери ея мужъ и сынъ — гомеровскіе полубоги, для отца Гомеръ сдобренъ Офенбахомъ. Оперетка по крайней мѣрѣ не требуетъ столько серьезности, какъ тягучая, признаться, Иліада...

Едва ли онъ грѣшитъ передъ памятью матери, когда такъ думаетъ.

Дядя Гильомъ вернулся только часа черезъ два и немного подъ мухой. Впалъ въ откровенность:

— Счастливецъ вы, м-сье! Дама-то ваша, что за портретомъ пріѣзжала, въ васъ, видать, какъ кошка, влюблена. Все то про васъ распрашивала. Въ одно кресло сядетъ, въ другое... охаетъ. Прекрасный, говоритъ, домъ. Вотъ бы тутъ пожить! Съ м-сье пожить? — спрашиваю. А она поблѣднѣла даже, платокъ все тискаетъ. Красавица дама! А портретъ вашъ, какъ въ машину сѣла, цѣловать. Думала, я не вижу. Ужъ вы простите, м-сье, что я болтаю. Другимъ никому не говорилъ, — вѣрьте слову. На билліардѣ, м-сье, не желаете? Сегодня съ вами въ полъ-руки играть буду. Очень ужъ я въ ударѣ.

Играть съ дядей Гильомомъ Алексѣй не сталъ.

...какъ глупо, что передъ портретомъ отца онъ поддался какой-то тщеславной мужской самоувѣренности, соединилъ имя Орловой съ именемъ Жанны Мулино. Никакого чувства къ этой славненькой француженкѣ у него нѣтъ, и у нея нѣтъ, конечно. Подумаешь, сердцеѣдъ какой.. Если его и тянетъ сейчасъ къ Мулино, то просто потому, что хочется быть на людяхъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нью-іоркскаго дѣлового затворничества. Жаль, что отъ Мулино не прислали экипажа. Итти къ нотаріусу непрошеннымъ гостемъ сегодня не стоитъ.

Вспомнивъ о сломанномъ вчера заводѣ старинныхъ часовъ, Алексѣй обрадовался предлогу зайти поболтать съ часовщикомъ Вожелемъ. У дяди Гильома нашелся велосипедъ. Морякъ обрадованно уступилъ его Алексѣю, но напередъ отвязалъ отъ правой педали ременное гнѣздо подъ деревяшку ноги и пристроилъ часы въ уложенномъ соломой ящикѣ позади сѣдла.

— Повезете, не тряхнетъ!

Уже въ улочкахъ Нюизо Алексѣй вспомнилъ, что не знаетъ даже, гдѣ живетъ этотъ Вожель. Остановилъ молоденькую дѣвушку съ черными смѣшливыми глазами и непропорціонально большимъ ртомъ. Дѣвушка старается скрыть это привычной манерой покусывать губы.

— Не можете ли вы, мадемуазель, указать мнѣ гдѣ магазинъ часовщика Вожеля?

— У Вожеля нѣтъ никакго магазина.

— Ну все равно, гдѣ онъ живетъ?

— М-сье самъ хорошо знаетъ, гдѣ Вожель живетъ!

Алексѣй разсмѣялся. Дѣвушка тоже. Смѣется и смущена.

— Вы — веселая! Только вы все-таки ошибаетесь, мадемуазель. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Можетъ быть, вы мнѣ все-таки отвѣтите.

— Онъ же у нотаріуса живетъ, часовщикъ! Во флигелѣ у Мулино.

— Спасибо, мадемуазель. Право, я этого не зналъ.

Появиться во всевѣдущемъ Нюизо только для того, чтобы проѣхаться по улицѣ съ громоздкимъ ящикомъ дяди Гильома и не заѣхать къ Вожелю, было невозможно. Алексѣй поѣхалъ къ нотаріусу.

Возлѣ дома онъ встрѣтилъ одѣтаго въ черный сюутукъ Мулино.

— Радъ! Очень радъ! Собрался тутъ кой къ кому, но разъ вы къ намъ, я и въ другой разъ успѣю. Узнаю эту колесницу. Ну какъ «лимузинъ» дяди Гильома служитъ?

— Пожалуйста, со мной никакихъ церемоній, м-сье Мулино. Я, видите, съ заказомъ къ м-сье Вожелю. Едва успѣлъ появиться въ домѣ, какъ уже хорошую вещь испортилъ, у часовъ пружину сломалъ.

— Несите, несите! Я черезъ часокъ вернусь. Жанночка и Луи вамъ будутъ очень рады. Луи бредитъ вами!

Въ домѣ нотаріуса была только старая прислуга. Она указала Алексѣю флигель часовщика въ глубинѣ сада. Въ открытое окно были слышны голоса Вожеля и Жанны. Она говорила возбужденно. Онъ вставлялъ два-три негромкихъ, ласковыхъ слова въ ея быструю, какъ будто упрекающую, рѣчь. Алексѣй еще издали громкимъ голосомъ предупредилъ ихъ:

— Къ вамъ — кліентъ, Вожель!

Водрузилъ ящикъ съ часами на голову, изобразилъ на лицѣ комическую растерянность неловкаго человѣка—вотъ-вотъ уронитъ—и такъ остановился передъ окномъ.

У часовщика—грустная улыбка. Жанна Мулино смѣется громко. На лицѣ у нея пятна нервнаго румянца.

— Великій мастеръ! Передъ вами—незадачливый сынъ своей матери. Она, по свидѣтельству великаго мастера, умѣла находить и цѣнить душу вещей. Я попытался найти эту душу въ предметѣ,

подъ бременемъ котораго теперь клонится моя голова, но, увы, прежде, чѣмъ найти душу, сломалъ механизмъ! Прошу униженно: великій мастеръ! Верните душу этимъ часамъ!

Жанна захлопала въ ладоши.

— Какой вы, оказывается, шутникъ, м-сье Старогорскій! Неужели вы дѣйствительно сломали часы?

— Я переломалъ бы многое, мадемуазель, чтобы получить право пробраться въ келію мастера-философа, если только своимъ приходомъ не мѣшаю никому.

Жанна смущенно посмотрѣла на Алексѣя и съ вызовомъ на часовщика.

— Нашему великому мастеру вы, можетъ быть, и помѣшали... Впрочемъ, нѣтъ. Когда великій мастеръ начинаетъ говорить о томъ, что онъ считаетъ «правдой», ему не можетъ помѣшать никто и ничто, даже очевидность обратнаго!

Алексѣй опять комическимъ жестомъ схватился за голову.

— Боги мои! Въ философскихъ правдахъ я, несчастный, понимаю еще меньше, чѣмъ въ часахъ съ музыкой. Если я прервалъ интересный разговоръ, такъ вѣдь его можно починить какъ и часы.

Вожель черезъ окно склонился къ принесенному Алексѣемъ ящику, осторожно вытащилъ часы и поставилъ ихъ на свой рабочій столъ.

— Это — превосходная вещь, Старогорскій! Если бы вы разбили эти часы даже на самые мелкіе куски, я бы все-таки постарался собрать и соединить ихъ. Такія вещи не должны пропадать!

— Но часы не скрипка. Едва ли они бы выиграли, если ихъ возстановить изъ обломковъ. Только скрипки, говорятъ, это любятъ.

Вожель осторожно отвинтилъ малахитовыя колонки, вынулъ механизмъ часовъ. Онъ какъ будто сосредоточенно работаетъ, но продолжаетъ говорить:

— Не скрипка, конечно. Но есть вещи, люди, чувства, которые не теряютъ своей души, даже если разбиты, дали трещину.

Жанна бросила недовольный взглядъ на часовщика. Алексѣй видѣлъ, что она искала удачную отвѣтную фразу и обрадовалась, когда нашла ее:

— М-сье Старогорскій, слава Богу, ни часовъ, ни чего-нибудь другого не разбилъ. Великому мастеру не придется трудиться съ клеемъ или съ паяльной трубкой! Почему вы, м-сье Старогорскій, не пріѣхали къ обѣду? Или вамъ больше по вкусу кухня дяди Гильома?

— Я былъ на могилѣ матери. Мы съ дядей Гильомомъ убрали ее цвѣтами. Познакомился съ тамошнимъ кюре. Очень милый старикъ. Какъ странно, что вы здѣсь въ Нюизо знали мою мать ближе, чѣмъ я. Не говорю уже о васъ, мадемуазель Жанна, о вашемъ отцѣ, о васъ Вожель. Даже этотъ кюре и то можетъ похвастать лучшимъ, чѣмъ мое, съ ней знакомствомъ.

Жанна, видимо, ждала, что Алексѣй продолжитъ свою мысль, большее скажетъ. Въ ней — плохо скрываемое любопытство, но въ ней же и подозрительная къ себѣ самой гордость. Хотѣла бы спросить, но не спроситъ.

— Какъ же съ часами, Вожель? Очень я накосолапилъ?

— А что вы съ ними сдѣлали?

— Пробовалъ только завести. Поворачивалъ ключъ вправо, какъ полагается.

— Значитъ, вы ни въ чемъ не виноваты. Кто-то до васъ пробовалъ поворачивать, какъ не полагается, влѣво. Можетъ быть, дядя Гильомъ старался. Съ лѣвшами это случается. Или женщина. Женщина обыкновенно не знаетъ, въ какую сторону вертѣть. Мадемуазель Жанна, напримѣръ, часто такъ закрутитъ новый флакончикъ духовъ, что открывать его приходится мнѣ. Я не жалуюсь: первый ароматъ достается не хозяйкѣ флакончика, а мастеру.

Часовщикъ говорилъ, не глядя ни на Жанну, ни на Алексѣя, — онъ — весь въ часахъ. Тонъ его спокоенъ и ласковъ. Вожель, конечно, очень любитъ Жанну. Но Жанну слова его сердятъ.

— Великій мастеръ становится Шерлокомъ Холмсомъ! Какое богатство умозаключеній! Неправда ли, м-сье Старогорскій?! И что всего занимательнѣе, онъ на этотъ разъ правъ. За починку часовъ должна платить я. Ни вы, ни дядя Гильомъ не виноваты. Года два назадъ я хотѣла завести эти часы, когда была въ вашемъ домѣ за книгами. И навѣрное, обошлась съ часами, какъ съ флакономъ духовъ. Часы у меня никакъ не хотѣли завестись. Плата за мной, Вожель!

— За такую работу я все равно ни съ кого не взялъ бы платы. Вы это отлично знаете, мадемуазель Жанна.

— Превосходно! Я сдѣлаю отъ вашего имени пожертвованіе въ викаріатъ!

— Это мнѣ будетъ непріятно, но не очень. Ссориться изъ-за этого я съ вами все-таки не буду.

Алексѣй начиналъ чувствовать себя неловко отъ ихъ разговора, но не показалъ этого. Снова шутилъ:

— Значитъ, въ глубинѣ этихъ часовъ мы столкнулись съ вами, мадемуазель Жанна? Гнули каждый въ свою сторону. И я настаиваю: все-таки сломалъ ихъ я, а не вы. Встань между нами во время великій мастеръ, поколдуй онъ немножко своими инструментами, и поломки не было бы. Все было бы цѣло. Часы шли бы своимъ порядкомъ, играли бы, когда полагается, менуэтъ, мирную музыку маркизъ и философовъ.

Блѣдная, съ измѣнившимся до неузнаваемости лицомъ, Жанна встала съ кресла и простилась съ Алексѣемъ. Она чувствуетъ себя нехорошо. Въ это время дня ей предписано докторомъ лежать. Приходится повиноваться доктору.

Часовщикъ быстрымъ движеніемъ согналъ на лобъ свой наглазникъ, и отъ этого смѣшно — пѣ-

тушкомъ—поднялась на головѣ прядь волосъ. Онъ очень взволнованъ. Жанну не сталъ удерживать. Изъ окна слѣдилъ за ней, пока она шла садомъ.

— Старогорскій! Вы... или очень жестокій человѣкъ, или!..

Смотрѣлъ въ глаза Алексѣю.

— Договаривайте, Вожель. Или?..

Часовщикъ опустился въ свое кожанное кресло. У него опять добрый, жалкій взглядъ. Тихій голосъ:

— Или вы, Старогорскій, сами того не зная, подошли къ границѣ жестокости. Жанна ушла сейчасъ оттого, что вы... очеловѣчили вещи! Я не буду чинить ваши часы! Понимаете, не буду!

Алексѣй пожалъ плечами. Никакой вины за собой онъ не чувствовалъ. Онъ меньше всего думалъ, что его слова для Жанны и для часовщика могутъ превратиться въ символъ отношеній между ними троими. Теперь это понятно.

— Вожель! Мнѣ остается только уйти отъ васъ. Я не деревяшка, чтобы и теперь не понимать васъ. Только, повѣрьте, я совсѣмъ не жестокій человѣкъ. Разрѣшите мнѣ пока оставить часы у васъ... Или нѣтъ. Лучше сдѣлаемъ видъ, что они уже починены.

Часовщикъ обѣими руками схватилъ Алексѣя за рукавъ.

— Постойте минуточку, Старогорскій! Постойте! Одну минуточку!

— Я весь къ вашимъ услугамъ, Вожель.

— Какъ все это сразу, Старогорскій! Нѣтъ не сразу! Для Жанны вы существовали задолго до вашего пріѣзда. Жанна не изъ вздорныхъ натуръ. Я долженъ поговорить съ вами, Старогорскій! Только не здѣсь. Здѣсь нельзя, не надо!

— Гдѣ и когда хотите, Вожель.

— Выѣзжайте на дорогу къ себѣ... Тамъ подождите меня. Пройдемся и поговоримъ.

Въ полѣ, за чертой Нюизо Алексѣй присѣлъ на камень у дороги и поджидалъ часовщика. Не

сразу узналъ его, когда онъ показался на проселкѣ. На Вожелѣ—красивая мягкая шляпа и изящное сѣрое пальто. Вожель въ немъ такой стройный послѣ синей рабочей блузы пузыремъ. У него легкая походка. Часовщикъ, близорукій, прошелъ бы мимо Алексѣя, если бы онъ не окликнулъ:

— Я—здѣсь, Вожель! Присядьте со мной или пройдемся? Я былъ бы радъ васъ видѣть у себя.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, Старогорскій! У меня свои причуды. Ни у меня, ни у васъ, ни въ домѣ Мулино я не могъ бы съ вами говорить сейчасъ. Подъ небомъ всего лучше!. И къ тому же здѣсь вы не укажете мнѣ на дверь.

Онъ грустно улыбнулся своей шуткѣ.

— Горе мое, Старогорскій, я иногда очень много говорю! Мало съ кѣмъ говорю, но, если ужъ говорю, то по-многу. Вотъ тогда, у Мулино, весь обѣдъ просидѣлъ молча. Не могъ и все тутъ. А въ саду потомъ мы сидѣли, — и я, кажется, никому слова не давалъ сказать. Почувствовалъ, что вы—одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ хочется говорить. Вы меня простите: и сейчасъ я опять говорю, говорю!.. А вѣдь мнѣ надо только спросить васъ, получить отвѣтъ и уйти. Такъ вѣдь, Старогорскій? Вы вѣдь и вопросъ мой уже знаете? Да? Можетъ быть, просто отвѣтите?

— Я васъ.. чувствую, Вожель, но все-таки будетъ лучше, если именно вы начнете нашъ разговоръ. Мои невольно неудачныя слова стали поводомъ къ этому объясненію между нами. Меня можетъ постигнуть и новая неудача.

— Хорошо. Вы любите Жанну, Старогорскій?

Алексѣй пожалъ плечами. Часовщикъ ушелъ головой въ плечи, сжалъ виски руками.

— Ахъ, какъ глупо я спрашиваю! Я долженъ быть смѣшенъ вамъ, Старогорскій! Но я не боюсь казаться смѣшнымъ. Я спрошу по другому... Минуточку, минуточку, Старогорскій!.. Жанна Мулино любитъ васъ. Или ей кажется, что она васъ любитъ. Это все равно. Вы Жанну не знаете, а я знаю

очень хорошо, потому что люблю ее! Вотъ и отвѣтьте теперь, Старогорскій: чувствуете ли вы что-нибудь къ Жаннѣ? Кажется ли вамъ, что вы имѣете въ душѣ право на... близость къ ней? Понимаете? Только не думайте, что васъ спрашиваетъ ревнивецъ. Это—единственное, чѣмъ вы могли бы меня обидѣть. Считайте меня, какимъ угодно, чудакомъ, даже просто неумнымъ, но ревности во мнѣ нѣтъ и зерна. Моя мысль—только о Жаннѣ. Понятно, Старогорскій?!

— Понятно.

— Не знай я Жанну лучше, чѣмъ кто-нибудь, лучше чѣмъ ея родной отецъ, и не чувствуй я въ васъ человѣка, который не пожелаетъ быть палачемъ для женщины, я бы не говорилъ съ вами, ни о чемъ бы васъ не спрашивалъ. Если вы чувствуете, Старогорскій, что вы можете полюбить Жанну, я - счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ! Жанна вѣдь будетъ такъ счастлива, а для меня счастье Жанны — мое счастье. Если же въ васъ, Старогорскій, нѣтъ... ничего къ Жаннѣ, уѣзжайте отсюда! Не думайте, что вашъ отъѣздъ мнѣ нуженъ для того, чтобы легче починить «часы» моихъ отношеній съ Жанной. Нѣтъ. Для себя я ни на что больше не надѣюсь. Такъ будетъ лучше для самой Жанны, мнѣ кажется. Вы вѣдь все равно скоро уѣхали бы, Старогорскій.

Вожель съ силой повернулъ колесо лежащаго на землѣ велосипеда. Оно засверкало спицами въ быстромъ движеніи, и вся машина нервно вздрагивала. Когда колесо остановилось, часовщикъ съ виноватой улыбкой поднялъ глаза на Алексѣя.

— Ну, что же вы не посылаете меня къ чорту?

— Черезъ нѣсколько дней я уѣду отсюда. Думаю, послѣзавтра.

— Къ Мулино зайдете?

— Нельзя же не зайти. Зайду проститься.

— У меня есть просьба: вашъ адресъ.

— Мой адресъ всегда у нотаріуса.

— Ваши часы, Старогорскій, я отошлю въ домъ, когда они будутъ готовы. Такая пружина потребуетъ нѣсколькихъ дней повторной закалки, какъ въ старину работали. Иначе будетъ рынокъ. Жаль, что обо многомъ, многомъ не пришлось поговорить съ вами, Старогорскій. Дядѣ Гильому скажите, что это колесо не плохо бы осмотрѣть, или онъ какъ нибудь потеряетъ и другую ногу. Всего хорошаго, Старогорскій! Спасибо... А жаль, что вы и Жанна «гнули въ разныя стороны»!

Они пожали другъ другу руки, разошлись.

Вожель—пѣшкомъ въ Нюизо. Алексѣй—на велосипедѣ домой.

V

Облупленному, дребезжащему автомобилю, который дядя Гильомъ раздобылъ гдѣ-то, отвезти Алексѣя на станцію, пришлось задержаться при выѣздѣ изъ Нюизо. Горожане, отставные и резервисты, большинство въ свѣтлыхъ галстукахъ и всѣ съ трехцвѣтной ленточкой въ петлицѣ, съ медалями на пиджакахъ, парадировали передъ трибуной возлѣ обновленной тріумфальной арки

На трибунѣ — мэръ въ цилиндрѣ и съ поясомъ-флагомъ Кто-то въ военной формѣ рядомъ съ нимъ. Тутъ же въ почетной группѣ — нотаріусъ Мулино, а среди дамъ — Жанна въ бѣломъ платьѣ.

Сильный вѣтеръ треплетъ флаги на аркѣ, пружинитъ темпы военнаго марша, жидкаго въ маленькомъ оркестрѣ.

Выжидавшій шоферъ успѣлъ провести машину между двумя парадировавшими отрядами, погналъ къ станціи.

Когда вчера Алексѣй заходилъ проститься къ Мулино, къ нему вышелъ одинъ только нотаріусъ.

— Жанночки, досадно, нѣтъ! Готовится къ завтрашнему празднику. Къ портнихѣ пошла. Мало, мало погостили въ нашихъ краяхъ!

Нотаріусъ былъ веселъ. Навѣрное, онъ ничего не подозрѣваетъ. Не изъ такихъ старикъ непроницаемыхъ, чтобы скрыть на лицѣ тревогу изъ-за Жанны, если бы была у него тревога.

Скорые поѣзда въ Нюизо не останавливаются. Алексѣю пришлось сѣсть въ такой же тягучій поѣздъ, какимъ онъ пріѣхалъ. Начальникъ станціи далъ совѣтъ: сдѣлать пересадку на ближайшей узловой станціи, переждать два часа и ѣхать дальше съ большими удобствами, хоть всю дорогу въ вагонѣ-ресторанѣ. Но Алексѣю спѣшить некуда.

Въ купе стараго вагона со многими дверцами прямо наружу былъ только одинъ пассажиръ. Алексѣй — вторымъ.

— Папироса, надѣюсь, вамъ не мѣшаетъ?

— Нисколько.

Алексѣй взглянулъ на сосѣда мелькомъ. Онъ же смотритъ на Алексѣя въ упоръ свѣтлыми, словно вылинявшими глазами. Несмотря на цвѣтъ, это — жесткіе, пристальные глаза. Пассажиръ одѣтъ въ не новый, но прекрасно сшитый, сѣрый спортивный костюмъ. На ногахъ — тяжелые англійскіе сапоги и сѣрые чулки до колѣна. Куритъ сосредоточенно.

Алексѣю онъ непріятенъ. Такой будетъ или молчать, какъ камень, или противно навязчивъ въ разговорѣ.

Въ чемоданѣ у Алексѣя купленный въ Парижѣ и еще неразрѣзанный желтый томикъ французскаго романа. Онъ досталъ книгу и сталъ читать, скользя по тексту, неспособному его заинтересовать. Пассажиръ сидѣлъ безъ движенія, молчалъ. На каждой станціи онъ вставалъ, подходилъ къ окну-двери и такъ стоялъ, пока не отойдетъ поѣздъ. Тогда опять садился въ той же позѣ, нога на ногу, покачивалъ тяжелымъ ботинкомъ.

На одной изъ маленькихъ станцій пассажиръ вдругъ постучалъ въ стекло перстнемъ на костистомъ пальцѣ. Остановилъ кого-то. Потомъ от-

крылъ дверь и, стоя на подножкѣ вагона, торговался:

— Больше пяти франковъ не дамъ. Не хочешь, не надо.

Черноволосый мальчишка взялъ протянутую бумажку и осторожно передалъ пассажиру живую длинноногую птицу, величиной немного больше голубя. Птица забилась, но сразу же успокоилась въ крѣпкой, жилистой рукѣ пассажира. Поѣздъ тронулся.

Алексѣй, не опуская книгу, сталъ наблюдать за пассажиромъ, какъ будто не обращавшимъ на него никакого вниманія.

Онъ положилъ птицу бокомъ на вагонный диванъ, слегка придавивъ ее подушкой. Закурилъ папиросу и звучно прищелкнулъ пальцемъ. Это — его манера. Потомъ вынулъ изъ чемодана большой несессеръ и раскрылъ его на диванѣ, какъ-разъ передъ глазами Алексѣя. Въ несессерѣ — принадлежности для маникюра. Досталъ еще флаконъ съ одеколономъ и большую иголку, — такія предпочитаютъ мужчины, когда имъ приходится имѣть дѣло съ иглой.

Стоя напряженно, чтобы руки не дрожали отъ тряски вагона, пассажиръ вдѣлъ въ иглу нитку.

У птицы оказалась большая рѣзаная рана, изъ которой клубкомъ выпятились синеватыя кишки. Пассажиръ отеръ руки одеколономъ, перебралъ кишки и ловкимъ движеніемъ вправилъ ихъ въ рану. Птица высвободила крыло и снова забилась, но пассажиръ быстро овладѣлъ крыломъ и сжалъ птицу грудкой кверху между своими колѣнями.

Несессеръ для маникюра ему — наборъ хирургическихъ инструментовъ. Кривыми ножницами отхватилъ болтающійся кусокъ окровавленной кожи, сравнялъ края раны, пинцетомъ ощипалъ лишнія перья и нетороплиными движеніями сталъ зашивать птицѣ рану. На лицѣ у него ни жалости къ птицѣ,

ни даже простого интереса къ тому, что онъ дѣлаетъ. Папиросу такъ и не вынулъ изо рта.

Алексѣй сдерживаетъ свое возмущеніе. Онъ отлично видитъ; пассажиръ мучаетъ птицу ненужной «операціей» только потому, что ему хочется порисоваться передъ спутникомъ по вагону. Именно для этого онъ купилъ птицу у мальчика.

«Хирургу», конечно, хотѣлось бы, чтобы Алексѣй первый началъ разговоръ съ нимъ. Алексѣй не заговоритъ, но не считаетъ нужнымъ скрывать на лицѣ брезгливое возмущеніе.

Покончивъ съ послѣднимъ швомъ, пассажиръ отложилъ птицу въ сторону, какъ ненужный больше предметъ, и снова закурилъ. Птица спокойна. Черный съ желтымъ ободкомъ глазъ смотритъ въ сторону Алексѣя, живой блескомъ и мертвый выраженіемъ. Полная противоположность глазамъ «хирурга», тусклымъ глазамъ мертвеца, но съ выраженіемъ живой насмѣшки или вызова.

Пассажиръ заговорилъ первый. Не ожидалъ Алексѣй, но и не удивился тому, что онъ заговорилъ по-русски.

— У васъ неправильное представленіе о выдержкѣ. У васъ скорѣе упрямство. Это — низшая форма выдержки. Она служитъ только самолюбію, а не жизни. Самолюбіе не въ числѣ моихъ безчисленныхъ пороковъ, которыми я скромно смѣю гордиться. Вашъ покорный слуга молчалъ до сихъ поръ съ единственной цѣлью понаблюдать за вами, такъ что вы не побѣдитель.

Выждалъ и добавилъ:

— Страницкій. Вашу фамилію называть не трудитесь Знаю.

У Алексѣя нѣтъ ни желанія знакомиться съ пассажиромъ, ни даже любопытства. Но продолжать молчать нельзя. Онъ отвѣчаетъ спокойно и видитъ, что не спускающему съ него взгляда пассажиру досадно это спокойствіе, болѣе простое, чѣмъ у него самого.

— Знаете меня? Значитъ, это второе ваше преимущество. Мнѣ фамилія Страницкій ничего не говоритъ.

— Увы, пока ничѣмъ не успѣлъ прославиться. Васъ же знаю по фотографіи, какъ моего предшественника въ спальнѣ Нины Орловой. Немного зрительной памяти и столько же памяти на названіе станцій.

— Очень пріятно. Орлова, кажется, въ Аргентинѣ теперь?

— Да. Скоро обратно. Весной дѣлаетъ финалъ сезона на Ривьерѣ. Я же пока отдыхаю. Если отъ Нины время отъ времени отдыхать, идеальная женщина. Рыбой ее во всякомъ случаѣ не назовешь! Впрочемъ, это вы ее сдѣлали идеальной для такихъ господъ, какъ я. Въ прежнее время, до васъ, на длительное сожительство съ Ниной не хватило бы и моей патентованной выдержки. Я не Везувій. Мнѣ давно хотѣлось лично поблагодарить васъ за подготовку почвы къ моему благоденствію. До васъ у Нины - калейдоскопъ любовниковъ. Послѣ васъ — одинъ я въ удобной роли предохранительнаго клапана, чтобы пламенную Нину не взорвали пары страсти къ Алексѣю Алексѣевичу Старогорскому. Въ разнообразіи Нина теперь больше не нуждается, а вашъ покорный слуга особенно удобенъ тѣмъ, что его можно съ успѣхомъ называть Аликомъ, выпуская отработанный паръ темперамента. Кромѣ того, гдѣ Нина найдетъ не за плату любовника, который согласился бы по цѣлымъ часамъ выслушивать то дифирамбы, то проклятія вамъ. Меня же это очень забавляетъ!

Страницкій вытащилъ начатую бутылку коньяку и кожаный футляръ на два стаканчика.

— Закуски никакой. Не желаете?

— Нѣтъ, спасибо.

— Я думалъ, выпьете. Недурной коньякъ. За пріятную случайность нашего знакомства! Вы вѣдь не настолько наивны, чтобы предположить что-нибудь, кромѣ случайности, Алексѣй Алексѣевичъ?

Интимность этого обращенія коробитъ Алексѣя, но, какъ всегда, онъ владѣетъ собой слишкомъ хорошо, чтобы дать Страницкому это замѣтить.

Ихъ разговоръ—состязаніе, въ которомъ Страницкій нападаетъ, а Алексѣй даже не пытается удержать его, тѣмъ болѣе, защищаться. Онъ роняетъ простыя, короткія фразы въ отвѣтъ на многословную рѣчь-вызовъ собесѣдника. И, несмотря на невозмутимость словъ Страницкаго, преимущество въ этомъ состязаніи за болѣе хладнокровнымъ Алексѣемъ. Онъ нимало не подчеркиваетъ свой интересъ къ спутнику по вагону.

— Вы не игрокъ? Въ карты не играете?

— Играть случалось, но игрока въ себѣ не почувствовалъ.

Страницкій прищелкнулъ пальцами.

— Не пьетъ, не куритъ, въ карты не играетъ! Жаль. Карты - лучшій видъ наркоза. У васъ, на мой взглядъ, данныя недурного игрока. Вы бы проигрывали рѣдко, а, если бы проигрывали, то выдержка избавляла бы васъ отъ униженія.

Алексѣй улыбнулся.

— Вы сами себѣ противорѣчите. Ваши діагнозы на мой счетъ начались съ того, что выдержки у меня нѣтъ, только упрямство.

Улыбнулся и Страницкій. Улыбка у него наигранная, однѣми губами. Съ ея появленіемъ не умножается, а потухаетъ насмѣшка въ глазахъ. Глаза становятся совсѣмъ безжизненными.

— Не противорѣчу, а просто прогрессирую въ своемъ пріятномъ знакомствѣ съ вами! Не отказываюсь отъ первыхъ своихъ словъ: простѣйшая форма выдержки у васъ есть. Можетъ быть, найдется и большая, но пока я не имѣлъ случая въ этомъ убѣдиться. Я не изъ тѣхъ, кто живетъ воображеніемъ, но свою первую встрѣчу съ вами представлялъ себѣ иначе. О романтичности возможной встрѣчи съ вами мнѣ всегда напоминаетъ револьверъ на туалетномъ столикѣ Нины. Перламутровая игрушка съ ту-

пыми пулями, варварскими на взглядъ хирурга. Нина любитъ играть этой штучкой, когда со мной говоритъ о васъ. Естественно, что эти разговоры выработали во мнѣ невольный интересъ къ вашей особѣ, какъ къ возможному въ будущемъ паціенту. Впрочемъ, и безъ револьверныхъ выстрѣловъ я могу считать васъ у меня на излѣченіи. Дозы моей любви къ Орловой не разъ избавляли васъ отъ необходимости попасть въ лапы къ моимъ коллегамъ. Мы квиты. Когда револьверъ — прелюдія къ нашимъ, скромно выражаясь, поцѣлуямъ, Нина въ нихъ особенно вулканична, и перецъ этого достается мнѣ Вы наблюдали когда-нибудь за ней спящей? Это единственное состояніе въ которомъ она меня злитъ. У нея сонъ—невиннаго ребенка. Даже выраженіе лица шестнадцатилѣтней дѣвочки. И вѣдь не обвинишь ее въ притворствѣ, потому что на яву она не прибѣгаетъ къ такимъ дешевымъ эффектамъ, не подкрашиваетъ и не припудриваетъ паспортнаго возраста на лицѣ. Въ жизни она такъ естественна въ своей неестественности актрисы, разсчетлива и жадна. Хорошо, что ни одинъ импрессаріо не видѣлъ, какъ она спитъ: такому наивному ангелочку не·удалось бы сорвать и четверть контрактныхъ гонораровъ de belle et célèbre Орловой... Скажите, вы ее никогда не били?!

До сихъ поръ Страницкій удерживался отъ вопросовъ Алексѣю или задавалъ ихъ тономъ, не требующимъ отвѣта. Этотъ вопросъ заданъ рѣшительно. Въ немъ—ультиматумъ Алексѣю: или ты по-настоящему заговоришь со мною, или вотъ тебѣ поводъ прекратить разговоръ; посмотримъ, что ты выберешь!

Страницкій повторилъ:

— Никогда не били?

У Алексѣя—онъ чувствуетъ — нѣтъ внѣшнихъ выгодъ собесѣдника-противника. Страницкій ловитъ его на интимность или на оскорбленіе. То и другое для него равно пріемлемо. Можетъ быть, онъ даже предпочитаетъ, чтобы Алексѣй его одернулъ, ищетъ

столкновенія съ нимъ. Страницкому хотѣлось бы мальчишеской вспышки самолюбія въ Алексѣѣ, и онъ заранѣе торжествуетъ.

Отъ этого Алексѣю вдругъ становится весело. Чтобы онъ ни отвѣтилъ, на лицѣ у него слишкомъ откровенное веселое спокойствіе,—Страницкому не придется торжествовать.

— Вы изъ расточительныхъ игроковъ, господинъ Страницкій. На меня вы напрасно тратите свои ставки. Во мнѣ нѣтъ жилки ни игрока, ни спортсмена. Вамъ не стоило такъ усиленно козырять въ разговорѣ.

Страницкій невозмутимъ.

— Готовъ согласиться. Я вѣдь предупредилъ, что я не страдаю излишнимъ самолюбіемъ! Но согласитесь и вы, Алексѣй Алексѣевичъ, что мой тонъ не былъ вовсе неудаченъ. Талія прометана быстро. Карты нашихъ личностей ясны. Развѣ лучше было застегиваться на всѣ пуговицы. А познакомиться намъ все равно было необходимо: перламутровый револьверъ Орловой не моя выдумка. И то, что онъ предназначенъ для васъ, несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что Нина добьется ангажемента въ Ниццу, по сосѣдству съ вашей дамбой. Мелодраматично все это — согласенъ — но такова жизнь! А вы всетаки, можетъ быть, отвѣтите мнѣ: вы ее никогда не били? Вамъ это все равно, а мнѣ было бы интересно знать, гдѣ у Нины правда и гдѣ метафора. Она не разъ повторяла, что вы ее ударили хлыстомъ, и даже подарила мнѣ хлыстъ, чтобы я вамъ отвѣтилъ тѣмъ же самымъ. Нина любитъ перламутръ, и у этого хлыста тоже перламутровая ручка.

Въ первый разъ Страницкій разсмѣялся. Это — смѣхъ-хихиканье человѣка, не умѣющаго смѣяться.

— Оригинальный разговорчикъ! Неправда ли?! Такъ какъ же: фактъ или метафора?

— Если вамъ угодно, — метафора. Я еще никогда никого не билъ.

— Такъ я и думалъ. Истерички вѣрятъ въ то, что сами выдумали. Нина мнѣ не разъ показывала на откровенномъ декольте слѣдъ отъ вашего хлыста. Онъ точно фиксированъ ея воображеніемъ: лѣвое плечо и грудь. Чуть-чуть истерическаго напряженія, и она способна вызвать у себя на тѣлѣ этотъ рубецъ, какъ фанатики—язвы распятія на ступняхъ и ладоняхъ. Стигматизмъ. Надо признать, что Нина Орлова далеко не простой багажъ въ вашемъ прошломъ, хотя вы, кажется, этого не чувствовали!

— И не почувствовалъ теперь, послѣ вашихъ откровеній.

— Да признаться, мои «откровенія» смахиваютъ на дешевый шантажъ. На самомъ же дѣлѣ моя цѣль—избавить себя и васъ отъ необходимости исполнять и выслушивать увертюру, послѣ того какъ Нинѣ вздумается разыграть финалъ своей страсти къ вамъ. Иныхъ цѣлей я, повѣрьте, не преслѣдую. Не объясняться же намъ съ вами подъ аккомпаниментъ нининаго визга или - еще того хуже —револьверныхъ выстрѣловъ. Удачный случай предварительнаго дружескаго объясненія.

На большой станціи поѣздъ задержали, чтобы пропустить экспрессъ. Алексѣй не пересѣлъ въ него, не воспользовался возможностью быть въ Марселѣ на три часа раньше. Не сдѣлалъ этого и Страницкій. Они обѣдали на разныхъ концахъ большого стола въ вокзальномъ буфетѣ, но, когда Алексѣй подозвалъ гарсона расплатиться, гарсонъ вѣжливо заявилъ:

— Прошу м-сье не безпокоиться! Уже получено.

Алексѣй улыбнулся и черезъ столъ привѣтливо кинулъ Страницкому. Мерси. Эта выходка только позабавила Алексѣя. Онъ не могъ согнать съ лица веселую улыбку, даже когда вернулся въ купе, гдѣ теперь двѣ дамы-француженки и Страницкій. У него тоже довольный видъ. Ни намекомъ онъ не возвращается къ разыгранной въ буфетѣ сценѣ.

Дамы, возможно мать и дочь, загрузили купе вещами, десяткомъ свертковъ, такихъ же пухлыхъ, какъ ихъ хозяйки. Младшая изъ дамъ — быстрая-быстрая рѣчь — разсыпалась извиненіями передъ Алексѣемъ:

— Простите, м-сье! Мы тронули вашу птицу. Бѣдное существо! Но я взяла ее такъ осторожно, и, увѣряю васъ, не причинила ей боли. Вы убѣждены, м-сье, что она поправится? Такое милосердіе рѣдко встрѣтишь въ наше время! Только напрасно, м-сье, вы дали этому извергу сто франковъ! На вашемъ мѣстѣ я позвала бы начальника станціи и отправила бы мучителя въ комиссаріатъ.

Алексѣй вѣжливо поклонился болтливой дамѣ и съ улыбкой спросилъ Страницкаго по русски:

— У васъ еще много въ запасѣ такихъ развлеченій?

— Инерція. Не могъ удержаться. Это — послѣднее.

Алексѣй вернулся къ книгѣ, а Страницкій болталъ съ дамами. До сознанія Алексѣя едва доходили его слова. Его разсказы прерывались изумленными «impossible!» и «horrible!» француженокъ и ихъ пытливыми вопросами. На каждый у Страницкаго находился готовый еще болѣе поражающій отвѣтъ. Онъ выдавалъ себя за австралійца и не щадилъ для довѣрчивыхъ провинціалокъ свою географическую фантазію.

Время отъ времени онъ бросалъ по-русски:

— Дуры! Рѣдкая пара тетерокъ!

На одной изъ промежуточныхъ станцій дамы высадились. Страницкій подавалъ имъ вещи черезъ окно и принималъ ихъ прощальные комплименты и благодарности.

Когда поѣздъ тронулся, онъ выкурилъ послѣднюю папиросу и растянулся на диванѣ. Спалъ до самаго Марселя.

Долгоносая птица, забинтованная въ носовой платокъ, умирала. Морщинистой пленкой подернулись черные глаза, шейка повисла. Алексѣй пы-

тался влить каплю воды ей въ клювъ, — птица не обращала вниманія на поднесенную воду. Жанна Мулино почему-то пришла на умъ Алексѣю. Въ ней было что-то птичье, жалкое, раненое, когда она уходила изъ флигелька Вожеля.

Птица умерла.

Алексѣю не спалось. Онъ смотрѣлъ на спящаго Страницкаго, разглядывалъ его такъ, какъ не могъ разглядывать во время разговора.

Страницкому за сорокъ лѣтъ. Плотная спина Даже во снѣ необмякшая, выработанная, спортсменская мускулатура. Крѣпкое тѣло и потасканное лицо, — сонъ старитъ его на десятилѣтіе. Въ чемоданѣ у него долженъ быть вечерній костюмъ, вѣрнѣе всего, фракъ, такой же элегантный покроемъ и такъ же заботливо омоложенный, какъ и его дорожное платье. Можетъ быть, и электрическій утюгъ тамъ — въ чемоданѣ.

Страницкій, любовникъ Нины Орловой — первый русскій, съ которымъ Алексѣй встрѣтился по пріѣздѣ въ Европу. Самъ собой, не призванный мыслью, въ воображеніи Алексѣя мелькнулъ образъ физической близости Орловой и этого спящаго человѣка... Страницкій, конечно, не солгалъ ни въ одномъ словѣ, иронически рисуя картину ихъ отношеній. Правда была для него эффектнѣйшимъ козыремъ.

— Такъ ли слѣдовало держать себя съ нимъ?

Да. Если бы эти нѣсколько часовъ въ вагонѣ повторились, Алексѣй не измѣнилъ бы ни въ чемъ ни немногихъ своихъ словъ, ни всего своего поведенія. Но... въ этомъ неожиданномъ турнирѣ съ Страницкимъ Алексѣй все же не вполнѣ побѣдитель. Финалъ — побѣда спокойно спящаго — за Страницкимъ. Самъ Алексѣй не могъ бы, пожалуй, заснуть, если бы не спалъ Страницкій. Онъ призадумался бы заснуть и теперь, когда есть рискъ, что спящій проснется. За Страницкимъ — преимущество человѣка, намѣренно игравшаго игру, въ

которой Алексѣй былъ вынужденнымъ участникомъ. Преимущество вызова.

Такое сознаніе непріятно Алексѣю.

Страницкій проснулся только на конечной остановкѣ, въ Марселѣ. Заспанно-тупо кивнулъ Алексѣю, небрежно сунулъ трупикъ птицы въ свой чемоданъ и вышелъ изъ вагона первый, не дожидаясь носильщиковъ.

Алексѣй на плохенькомъ, ночномъ такси обогналъ его по дорогѣ въ отель. Страницкій шелъ легкой, почти юношеской, походкой, насвистывалъ и какъ бы игралъ тяжелымъ чемоданомъ. Это—человѣкъ, который ни за что не покажетъ, что онъ нуждается.

Въ отелѣ Алексѣй раздѣлся и мгновенно заснулъ.

Въ конторѣ морского строительства, куда Алексѣй зашелъ утромъ, сдержанно удивились его пріѣзду. Директоръ-французъ въ любезной формѣ намекнулъ на то, что консультаціонныя услуги Алексѣя при детальнѣйшей разработанности его проекта могутъ потребоваться только въ исключительномъ случаѣ. Строительство—усмѣхнулся директоръ—не ждетъ землетрясеній на побережьѣ, и не предполагаетъ безпокоить автора проекта ничѣмъ, кромѣ телеграфной справки въ случаѣ крайней необходимости.

Алексѣй и раньше догадывался, а теперь явно почувствовалъ: здѣсь, въ строительствѣ, досадуютъ на то, что Парижъ допустилъ международный конкурсъ проектовъ мола, и премированной оказалась работа его, иностранца.

Въ отвѣтъ директору строительства у Алексѣя нашлись тоже любезныя, почти шутливыя, фразы, которыми онъ какъ будто удачно смылъ непріятный осадокъ разговора.

Комплиментъ франццузской техникѣ. Упоминаніе о наслѣдственныхъ дѣлахъ, главной цѣли его пріѣзда во Францію. Шутка о доступности превосходнаго вина, которое можетъ не на одну не-

дѣлю задержать по эту сторону океана принудительно трезваго американца. На постройкѣ мола онъ все-таки побываетъ, и едва ли у его кодака окажется «дурной глазъ». Молъ отъ двухъ-трехъ снимковъ не рухнетъ. Кромѣ того, ему пріятно будетъ видѣть то море, съ теченіями котораго онъ поборолся на ватманской бумагѣ.

Французъ, видимо, успокоенный ненавязчивостью автора проекта, отвѣтилъ такими же шутками и такими же комплиментами. Его вилла и его яхта всегда къ услугамъ талантливаго коллеги, гостя Франціи.

Марсельская весна на нѣсколько недѣль опережаетъ парижскую. Въ Марселѣ уже жарко. Всѣ столики на Каннебьеръ заняты. Алексѣю пришлось не разъ пройти вдоль Каннебьеръ, прежде чѣмъ онъ нашелъ для себя мѣсто.

Пилъ невкусный, на нѣсколько сотъ человѣкъ свареный, кофе, отзывавшій котломъ, и нехотя — сытъ — ѣлъ превосходныя бріоши, которыя такъ любилъ, когда былъ мальчуганомъ.

Въ кафе—музыка, которой не слышно, и публика, ничѣмъ въ этотъ дѣловой часъ не отдѣляющая столики отъ улицы.

Широкой улицей Каннебьеръ, гордостью марсельцевъ, исчерпанъ весь Марсель. Она—непремѣнный путь для каждаго, куда бы онъ ни шелъ и ни ѣхалъ. За полчаса мимо кафе, гдѣ сидѣлъ Алексѣй, прошли и двѣ англичанки изъ одного съ нимъ отеля, и фланирующій Страницкій, проѣхалъ въ автомобилѣ директоръ изъ морского строительства, а на другомъ—старый инженеръ оттуда же.

Алексѣю нечего дѣлать въ Марселѣ.

Досадная пустота.

Удовлетвореніе побѣдителя на конкурсѣ проектовъ отравлено вѣжливымъ отклоненіемъ его услугъ консультанта, оплаченныхъ по контракту: онъ лишній.

Вспомнился вчерашній вечеръ, когда онъ былъ вынужденъ признать Страницкаго побѣдителемъ

надъ нимъ, не сдѣлавшимъ въ разговорѣ-турнирѣ ни одного промаха. Такой же «побѣдитель»—французскіе инженеры, хотя имъ пришлось уступить пальму первенства его премированному проекту. И безпомощный въ своемъ чувствѣ Вожель, продиктовавъ ему бѣгство сюда изъ Нюизо, — тоже «побѣдитель», хотя онъ, Алексѣй, сдержалъ невольную побѣду надъ любимой часовщикомъ дѣвушкой.

Мысль невольно соединяетъ эти три вынужденности, отказывается признать ихъ власть.

Нѣтъ! У него ни капли желанія до конца уступить уязвленному самолюбію инженеровъ морского строительства. Это не въ его натурѣ. А Нюизо? И въ Нюизо, въ свои «Старыя Горы» онъ вернется, не мирится съ запретомъ на возвращеніе по капризу жизни. Онъ—пусть въ этомъ мальчишеское самолюбіе — не хотѣлъ бы уклониться и отъ новыхъ встрѣчъ съ Страницкимъ: долженъ отыграть выигрышъ его спокойнаго сна подъ своимъ взглядомъ неспавшаго.

Меньше всего у Алексѣя мысли о Жаннѣ Мулино или о Нинѣ Орловой. Одна — прошлое, другая — постороннее.

Женщина не занимаетъ никакого мѣста въ сегодняшнемъ днѣ Алексѣя, но самолюбиво-мужское въ его досадахъ ведетъ къ молодому ожиданію женщины. Сама свобода отъ какой-либо связи рождаетъ въ немъ предчувствіе-неизбѣжность большого чувства. Алексѣй полу-сознаетъ, что, не будь этого предчувствія, онъ остался бы совершенно равнодушнымъ къ такимъ мелкимъ уколамъ самолюбія. Взялъ бы по телеграфу каюту на первый же пароходъ въ Америку и спокойно вернулся бы къ своему нью-іоркскому вчерашнему дню.

Но онъ не уѣдетъ.

Его пріѣздъ во Францію не можетъ быть напраснымъ. Жизнь не смѣетъ загнать его, какъ бѣлку, обратно въ колесо его дѣловой нью-іоркской жизни, механически заполненной и душевно пустой.

Въ Марселѣ Алексѣю нечего дѣлать, некуда итти, не съ кѣмъ встрѣчаться, но онъ съ волненіемъ слушаетъ полноту еще неясныхъ желаній.

Вотъ и нѣтъ уже минутнаго досаднаго чувства. Оно ушло, родивъ волю къ улыбкѣ и пристально возбужденное вниманіе ко всему вокругъ. Самъ городъ, только-что неинтересный, какъ сотни видѣнныхъ городовъ, весело позвалъ и къ морю, за желѣзной порослью мачтъ и портовыхъ лебедокъ, и къ нагорнымъ улочкамъ Марселя, надъ которыми маякомъ — церковь Нотръ-Дамъ.

Алексѣй выбралъ многосильный такси и шутливо предложилъ шоферу везти его туда, гдѣ не будетъ отговорокъ: быстрѣе запрещено.

Мчать куда-то! Жить!

VI

Въ отель Алексѣй вернулся поздно ночью, закончивъ вечеръ въ небольшомъ портовомъ ресторанчикѣ, гдѣ матросы танцевали другъ съ дружкой, и гдѣ нѣсколько разъ на столики налеталъ шквалъ близкой пьяной драки, трепавшій бѣлые паруса салфетокъ въ рукахъ обезпокоенныхъ гарсоновъ. Налеталъ и стихалъ.

Выпитое вино только дразнитъ Алексѣя, не пьянитъ.

Отельный швейцаръ вмѣстѣ съ ключемъ отъ номера передалъ Алексѣю двѣ визитныя карточки. Одна, въ конвертѣ—отъ директора морского строительства: повтореніе любезныхъ приглашеній и два адреса, въ городѣ и на побережьѣ. Другая, съ загнутымъ краемъ—отъ Страницкаго. Конечно: «де-Страницкій».

На одну придется отвѣтить тоже карточкой, на другую не отвѣтишь: Страницкій не оставилъ адреса.

Спать? Не спать?.. Порылся въ чемоданѣ, не нашелъ начатую въ вагонѣ французскую книгу. На-

вѣрное, забылъ ее въ купе. Вышелъ на балконъ надъ полусонной улицей... Не собрать, не подчинить себѣ растрепанныя мысли. Жизнь не чертежъ, не покорная мысли схема. Если и не обманываетъ его живое, волнующее предчувствіе чего-то значительнаго, то придумывать это значительное — безсмыслица. Оно придетъ само, когда этого пожелаетъ жизнь. Спать.

Стройка мола по проекту Старогорскаго должна оживить новой небольшой гаванью одинъ изъ пунктовъ средиземноморского побережья неподалеку отъ Ниццы. У Парижа есть на то свои соображенія, мало внятныя на мѣстѣ. Морю не нужна новая каменная преграда для его веселыхъ разбѣговъ. Владѣльцамъ же сосѣднихъ виллъ первый грохотъ будущей стройки — баркасы съ камнемъ у берега и грузовики съ бочками цемента и желѣза — пока внушаютъ только страхъ: не отпугнуло бы это нанимателей! До сихъ поръ единственнымъ преимуществомъ этого уголка была его тишина, а когда-то еще дождешься обѣщаннаго морскимъ строительствомъ оживленія.

Въ бѣлой простенькой виллѣ — она больше другихъ нравится Алексѣю — ему откровенно сказали, что на короткое время виллу не сдадутъ. Проще сдать ее года на два кому-нибудь изъ строительства.

Два года не устраивали Алексѣя, но предложенная имъ цѣна вполнѣ устроила хозяина виллы:

— Пусть м-сье живетъ, сколько ему понравится! Мы цѣнимъ пріѣзжихъ изъ Америки. Это — наши лучшіе кліенты. М-сье не будемъ скучать у насъ. Пусть у насъ и нѣтъ телефона, но телефонъ у сосѣдей всегда къ услугамъ м-сье. Какой-нибудь часъ, — и м-сье въ Ниццѣ. Но развѣ сравнимъ здѣшній кристальный воздухъ съ ниццскимъ, гдѣ скоро будутъ задыхаться отъ бензина, какъ и въ Парижѣ.

Алексѣй снялъ виллу. Житъ именно здѣсь, гдѣ передъ глазами чужая ему теперь постройка мола, — его капризъ. Онъ вовсе не ищетъ одиночества.

Было бы веселѣе жить въ болѣе оживленномъ районѣ побережья, но почему не подразнить жизнь. Пусть сама жизнь отыщетъ его здѣсь, придетъ къ нему на поклонъ.

Побывалъ въ Ниццѣ. Купилъ тамъ и поставилъ въ гаражѣ виллы небольшой автомобиль. На берегу нанялъ на все лѣто лодку съ черномазымъ мальчишкой въ придачу. Мальчишкѣ подарилъ матросскую фуфайку и куртку.

Автомобиль стоялъ въ гаражѣ. Лодка напрасно покачивалась у деревянныхъ мостковъ пристани. Алексѣй пѣшкомъ бродилъ по окрестностямъ, пилъ дешевое вино по крестьянскимъ фермамъ, забирался на горячіе камни, ублюдки горъ, рожденные синими на горизонтѣ гигантами, и лежалъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Самъ себѣ удивлялся. Увидѣлъ бы его такимъ—безпечнымъ бездѣльникомъ—Гриффинъ, его патронъ, то-то бы поразился. А чудакъ Вожель, будь онъ тутъ, рядомъ, нашелъ бы въ его лѣнивой позѣ поводъ пофилософствовать о славянской крови, которая никогда не умретъ въ «американцахъ» Старогорскихъ, сколько бы поколѣній ихъ ни было.

Какъ-то, вернувшись съ прогулки въ предгорья, Алексѣй нашелъ въ садикѣ виллы цѣлое общество: директоръ изъ морского строительства, три одинаковыя дамы, жена директора и ея сестры, старенькій инженеръ и молодой человѣкъ, котораго позабыли познакомить съ Алексѣемъ. Дамы улыбаются. Директоръ тяжеловѣсно шутитъ. У директора явно какія-то подозрѣнія: почему Старогорскій поселился именно здѣсь?

Жена директора предъявила на «анахорета» права близкой сосѣдки, и Алексѣя увезли на директорскомъ «Ситроенѣ», усадивъ молодого человѣка на «Фіатъ» Старогорскаго.

— Вы—въ плѣну! Но, цѣните, мы не отрѣзаемъ вамъ путь къ бѣгству, когда наше общество вамъ наскучитъ. Вернетесь въ вашъ монастырь, когда вамъ будетъ угодно.

На большой, парадной виллѣ директора морского строительства играли въ теннисъ, обѣдали, слушали рояльные дуэты одинаковыхъ сестеръ хозяйки дома, пили виски-сода, курили сигары, ужинали съ шампанскимъ. Алексѣю не было ни весело, ни скучно. Его не отпустили домой вечеромъ, и новый день былъ такимъ же пустымъ и шумнымъ.

Зайдя подъ вечеръ проститься съ работавшимъ въ кабинетѣ хозяиномъ дома, Алексѣй долженъ былъ помедлить у двери. За ней — непріятно взвизгивающій голосъ директора:

— Я понимаю! Я считаюсь съ вашей опытностью! У васъ блестящія рекомендаціи, не спорю, но заниматься благотворительностью мы не можемъ! У насъ своихъ желающихъ, хоть отбавляй! Могу васъ имѣть въ виду, но обѣщаній никакихъ. Повторяю, никакихъ! Навѣдайтесь не раньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ... лучше осенью. Что я могу подѣлать! Будь вы еще французъ... Намъ нѣтъ резона ссориться съ министерствомъ труда, давъ работу вамъ. Не буду васъ задерживать, м-сье! Мадемуазель!

Изъ кабинета вышелъ старикъ, одѣтый въ слишкомъ просторный бѣлый костюмъ. Красивая сѣдина, лицо утомленное и глаза упрямаго человѣка, который сохранитъ ихъ такими до гроба. Ласковымъ жестомъ старикъ пропустилъ впередъ дочь. Дочь. Въ этомъ не могло быть сомнѣній: у высокой дѣвушки въ бѣломъ — тѣ же черты, что у старика, и женственная мягкость этихъ чертъ только подчеркиваетъ сходство. Досада въ глазахъ старика обернулась въ глазахъ дочери грустнымъ состраданіемъ къ отцу. А въ тихомъ, ласковомъ голосѣ — упрямство вѣры:

— Ничего, папа!

Они говорили по-русски.

Алексѣй молча поклонился старику и дѣвушкѣ, невольно подчеркнулъ почтительность поклона. Вошелъ въ кабинетъ хозяина дома поблагодарить за гостепріимство, проститься.

Директоръ снова весело шуменъ. За два дня онъ успѣлъ убѣдиться, что авторъ строительнаго проекта вовсе не назойливъ и не затаилъ никакихъ плановъ.

— Для васъ, м-сье, только удача, что вы стоите въ сторонѣ отъ постройки! Одни эти визиты чающихъ работы! Воображаютъ, что какой - то пустяковый молъ способенъ озолотить тысячи безработныхъ. Только-что былъ у меня претендентъ. Адмиралъ, гидрографъ. Точно у насъ мало своихъ гидрографовъ! Завидую вамъ. Руководить дѣломъ, это — крестъ!

Алексѣй холодно освѣдомился объ имени и адресѣ адмирала. Директоръ на минуту смутился.

— Это — вашъ бывшій соотечественникъ. У него превосходныя рекомендаціи. Участникъ постройки нѣсколькихъ портовъ тамъ, въ Россіи... Но что я могу подѣлать! Я связанъ больше, чѣмъ кто-либо другой. А фамилія?.. Фамилія и адресъ — вотъ. Удивительныя эти русскія фамиліи. Онъ протянулъ Алексѣю карточку:

«Дмитрій Петровичъ Казариновъ.»

На шоссе автомобиль Алексѣя обгонялъ адмирала и его дочь. Они шли пѣшкомъ. Ласковымъ движеньемъ руки дѣвушки охватили плечи старика. Она улыбалась. Шла легко, будто танцуя, убаюкивая стараго ребенка, — такимъ показался Алексѣю адмиралъ, угрюмо склонившій сѣдую голову.

У Алексѣя безотчетное желаніе: остановить машину и предложить мѣсто въ ней старику и дѣвушкѣ. Замедлилъ ходъ. Но подъ взглядомъ дочери адмирала — взглядъ-вызовъ человѣку оттуда, изъ директорскаго дома — онъ рѣшилъ:

— Не теперь.

И это рѣшеніе только подчеркнуло непремѣнность будущей встрѣчи и ради старика, и ради дѣвушки. Не теперь, но можетъ быть завтра же. Почему бы и не завтра. Во взглядѣ адмиральской дочери — обвиненіе Алексѣю, пожалуй, естественное,

но напрасное, незаслуженное. Что у него общаго съ визгливымъ дѣльцомъ изъ морского строительства, грубо отказавшимъ въ работѣ ея отцу.

Обернулся. Дѣвушка опять улыбается, показываетъ вдогонку Алексѣю языкъ и большой носъ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Можетъ быть, только показалось...

Полнымъ ходомъ Алексѣй погналъ машину по сѣрому шоссе, давая выходъ неожиданному волненію. Мысль о тяжеломъ, очевидно, положеніи старика-адмирала — его первая мысль — заслонилась образомъ его дочери, десятками мыслей-чувствъ, нежданно яркихъ при всей ихъ безсознательности. Такія лица, какъ у дочери адмирала, сразу не забываются.

Дома Алексѣй нашелъ письмо отъ Вожеля, короткую записку:

> „Видите, какой нелѣпый я человѣкъ! Не надо бы вамъ писать, Старогорскій, а я все-таки пишу. Напрасно я сказалъ вамъ „уѣзжайте", напрасно вы уѣхали. Совѣтъ оказался къ худшему. Только не считайте эти строки за новый совѣтъ. Просто хотѣлось написать.
>
> Вашъ Вожель."

Прочелъ. На мгновеніе представилась Жанна Мулино: напряженное—вотъ-вотъ заплачетъ —лицо. И сразу же на смѣну этому лицу — другое: лицо адмиральской дочери, ласково-заботливая улыбка старику-отцу и взглядъ-вызовъ ему, Алексѣю. Конечно же, она показала ему носъ тогда, на дорогѣ.

И стало почему-то весело. Завтра онъ заставитъ эти глаза смутиться: носъ-то онъ видѣлъ! Живо представилъ это недолгое смущеніе: ну и отлично, ну и видѣли! На смѣну смущенію придетъ улыбка, не одна, много живыхъ улыбокъ. Алексѣй угадываетъ одну, другую... У дочери адмирала живое, интересное лицо...

Въ саду Алексѣю попался мальчишка-лодочникъ. Его зовутъ Марселемъ. Онъ считаетъ себя заправскимъ морякомъ. Удивляется, зачѣмъ м-сье держитъ лодку, если за нѣсколько дней въ море вышелъ всего одинъ разъ. Сегодня вечеръ какъ-

разъ для прогулки: вѣтерокъ ровный, не обманетъ, хоть минуту заказывай, когда вернуться. Черномазый соблазнилъ Алексѣя.

Море при полной лунѣ – почти дозрѣвшемъ серебряномъ яблокѣ – дешевая олеографія, а не оторвешься отъ нея. Красиво! Сначала пошли вслѣдъ за группой рыбачьихъ лодокъ. Марсель перекидывался разговоромъ съ рыбаками. Показалось Алексѣю: мальчуганъ завидуетъ сверстникамъ, уходящимъ въ море за жирной сардинкой на цѣлую недѣлю. Это – настоящее дѣло, не полосканье парусовъ по прихоти господъ, которымъ некуда дѣвать франки.

Черномазый намекаетъ:

— Посчитать, вы дешево получили эту лодку, м-сье. Вотъ та, передняя, корыто по сравненію съ нашей, а за прошлую недѣлю сдѣлала двѣ тысячи франковъ на уловѣ. Этой весной ловъ завидный! Эхъ! Были бы сѣти!

Съ одной изъ рыбачьихъ лодокъ Марселю крикнули что-то, загоготали. Онъ отгрызнулся на шутку рыбаковъ—завидно имъ, мокрохвостымъ,—и черезъ минуту съ азартомъ говорилъ уже о другомъ, береговомъ, уловѣ:

— Въ прошломъ году эту лодку снялъ богачъ-англичанинъ. Чудачина! Ходили мы съ нимъ отъ камня къ камню и ставили на нихъ англійскіе флажки, какъ на автомобиляхъ. Въ Ниццѣ флажки покупали. И простые флажки были, и шелковые. Днемъ поставимъ, а ночью я флажки обиралъ да тому же англичанину продавалъ! И снова ихъ ставить. Иной флажекъ по четыре раза въ оборотъ шелъ. Бываютъ чудаки!

Разсказываетъ, и ясно, что черезъ нѣсколько лѣтъ черномазому Марселю не будетъ нужно никакихъ другихъ сѣтей, кромѣ хорошо привѣшеннаго языка. Будетъ онъ побережнымъ гидомъ, ловцомъ туристовъ. Станетъ, когда нужно, притворяться заправскимъ рыбакомъ, знающимъ море, и непритворно будетъ его знакомство съ приморскими тавернами. При удачѣ онъ и лодку заведетъ, уже моторную, по часамъ ее сдавать будетъ. У мальчу-

гана уже и теперь плохо скрытое презрѣніе къ нанимателю, желаніе поразить его своимъ знаніемъ моря.

— А-то, вотъ, въ прошломъ году сказалъ я дамѣ, что подъ нами глубина — 800 метровъ! Къ лодкѣ прижалась. Сто су давала, только бы скорѣе назадъ. И еще потомъ прибавила.

— А ты зачѣмъ сказалъ, что 800 метровъ? Тутъ вѣдь поблизости и ста нѣтъ.

— Болтаютъ такъ. А вы мѣрили, что говорите: ста нѣтъ?

— За меня другіе мѣрили. Я по картѣ у вашего берега все море знаю.

Марсель иронически улыбнулся. Онъ не вѣритъ въ карты. Но, поддразнивая мальчугана, Алексѣй забросалъ его названіями окрестныхъ камней и мелей, начертилъ словами знаковыя рыбакамъ теченія.

Въ морѣ Алексѣю въ голову пришелъ планъ:

Почему бы не предложить старику-адмиралу работу по провѣркѣ сдѣланныхъ уже много лѣтъ назадъ промѣровъ профиля морского дна. Естественно будетъ сослаться на нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія въ Нью-Іоркѣ. Строительство оставить въ сторонѣ: оплата — изъ его консультантскаго вознагражденія. Конечно, онъ такъ и поступитъ. Самъ онъ вѣдь не гидрографъ, ему простительны сомнѣнія. Съ конторой морского строительства онъ даже не станетъ объясняться. Такое «чисто научное» порученіе адмиралу — его частное дѣло.

Повернулъ лодку къ берегу. Улыбался: это хорошо придумано. То-то заволнуются въ морскомъ строительствѣ! Изъ-за одного этого стоитъ привести такой планъ въ исполненіе. Пусть подозрѣваютъ, что угодно.

Не сразу Алексѣй легъ спать. Разложилъ на столѣ морскія карты и расчеты постройки мола. Разбросалъ карандашные знаки вопроса на знакомыхъ чертежахъ и самъ увѣрилъ себя, что вопросы законны, не произведутъ въ разговорѣ съ адмираломъ впечатлѣнія вздорной мистификаціи. Вѣдь былъ же не такъ давно обнаруженъ подводный

утесъ, не значившійся ни на какихъ морскихъ картахъ, и это чуть не стоило французскому военному флоту крейсера.

Утромъ же Алексѣй поѣхалъ на автомобилѣ въ сторону Ниццы, по дорогѣ разузнавая, гдѣ «Вилла Маргилло» — адресъ на визитной карточкѣ адмирала. Это оказалосъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ наканунѣ Алексѣй обогналъ отца и дочь Казариновыхъ. Полуглухая старуха указала ему на большую виллу — тамъ русскій старый господинъ служитъ сторожемъ.

— Да, вотъ — онъ, въ саду работаетъ.

Оставивъ машину у воротъ, Алексѣй не сразу рѣшился войти въ усадьбу, гдѣ адмиралъ на положеніи слуги. Не хотѣлось и окликнуть его издали. Выручилъ самъ адмиралъ. Подошелъ и съ холодной учтивостью сказалъ по-французски, что ни барона, ни баронессы нѣтъ. И не будетъ раньше конца апрѣля.

Алексѣй отвѣтилъ старику по-русски. Видѣлъ, что это удивило Казаринова. Адмиралъ узналъ въ немъ вчерашняго человѣка на автомобилѣ, но удивленія не показалъ, слушалъ съ безстрастнымъ лицомъ.

— Если я не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ адмираломъ Казариновымъ? У меня — дѣло именно къ вамъ, адмиралъ.

— Чѣмъ же могу служить?

Заранѣе приготовленныя фразы отброшены Алексѣемъ. Онъ вдругъ нашелъ простой, естественный тонъ. Не навязывается онъ, а ищетъ у адмирала помощи. Благодаренъ судьбѣ, столкнувшей его со спеціалистомъ-гидрографомъ, лицомъ совершенно постороннимъ морскому строительству. Намекъ на тренія между нимъ, авторомъ проекта мола, и администраціей строительства. Просьба не отказать въ содѣйствіи нѣкоторымъ контрольнымъ работамъ, которыя не могли бы быть выполнены въ случаѣ отказа адмирала.

Старикъ не спѣшилъ дать согласіе. Онъ не отклоняетъ предложеніе, но напередъ ему желательно бы знать точнѣе задачу работы. Съ садомъ

и дворомъ здѣсь, онъ, старикъ, справляется. Но не преувеличены ли надежды на его авторитетъ гидрографа. Море-то потребовательнѣе двора и садика.

Въ первый разъ адмиралъ улыбнулся, и улыбка подчеркнула сходство съ нимъ дочери. Улыбка отогнала суровую сдержанность старика. Спросилъ у Алексѣя, не русскій ли онъ, или только языкъ русскій знаетъ. Старогорскій? Адмиралъ въ былые времена встрѣчалъ отца Алексѣя въ Петербургѣ. Больше никакихъ не задалъ вопросовъ.

И въ другой разъ улыбнулся адмиралъ, но съ плохо скрытымъ полозрѣніемъ, когда Алексѣй предложилъ теперь же проѣхать къ нему на виллу ознакомиться съ деталями предстоящей работы:

— Можетъ быть, и ваша дочь, адмиралъ — дочь, кажется? — пожелаетъ, какъ вчера, поѣхать съ вами?

Только большимъ усиліемъ воли удержалъ Алексѣй краску на лицѣ при этихъ словахъ, для него самого неожиданныхъ. Старику не удалось смутить Алексѣя ни улыбкой-паузой, ни полуироническимъ отвѣтомъ:

— Потрясите ужъ однѣ мои старыя кости. Стрекоза моя и съ большимъ удовольствіемъ прокатилась бы, да она здѣсь у меня — рѣдкій гость. Ни свѣтъ ни заря сегодня въ Ниццу уѣхала. Тамъ работаетъ.

Адмиралъ звонкомъ у воротъ вызвалъ изъ дома сердитую толстую женщину, передалъ ей какіе-то ключи и, не повышая голоса, прекратилъ ея раздраженные вопросы: куда уѣзжаетъ, когда вернется? Тутъ же по-русски пояснилъ Алексѣю:

— Выдержку надо имѣть съ этими господами. Не съ баронами моими, хотя отъ баронства они такъ же далеки, какъ я отъ титула «китайскій императоръ». Фабриканты подозрительнаго маргарина. Бароны мои еще сносны. А вотъ челядь!.. Вы, видимо, этого удовольствія не знаете.

Алексѣй отвѣтилъ просто:

— Надѣюсь, адмиралъ, что и вы будете избавлены отъ этого «удовольствія», принявъ мое предложеніе.

Неразговорчивъ былъ адмиралъ по дорогѣ. Алексѣй воспользовался своей ролью шофера и тоже молчалъ почти всю дорогу. Понять адмирала не трудно. Въ немъ — настороженная гордость человѣка, дошедшаго почти до нищеты. Подачки онъ не принялъ, но еще не увѣренъ, съ подачкой пріѣхалъ къ нему Старогорскій или съ серьезнымъ предложеніемъ. Если адмиралъ согласился на поѣздку къ Алексѣю, то только потому, что молодой человѣкъ ему скорѣе симпатиченъ, чѣмъ непріятенъ. Первое впечатлѣніе было въ пользу Алексѣя, а въ этомъ уже половина успѣха. И Алексѣй спокоенъ. Онъ даже не жалѣетъ о тѣхъ вырвавшихся словахъ, упоминаніи о дочери адмирала.

Настороженность не оставила старика Казаринова и въ домѣ у Алексѣя. Онъ коротко отказался отъ предложеннаго завтрака. Не въ привычку ему ѣсть въ такое время, а привычки стариковскаго организма — твердый диктаторъ. Въ неразговорчивости адмирала нѣтъ ничего тяжелаго, неловкаго. Чувствуется: придетъ время, и старикъ будетъ откровеннымъ собесѣдникомъ, но ни къ чему лишніе разговоры, если эта первая ихъ встрѣча окажется и послѣдней.

— А изъ меня вышелъ бы недурной актеръ, думалось Алексѣю, когда, переходя отъ одного вопросительнаго знака на морской картѣ къ другому, онъ находилъ все новые и новые серьезные доводы для «сомнѣній, о которыхъ поговаривали въ Америкѣ». Особаго значенія для постройки мола эти вопросики, конечно, не имѣютъ, но для отчетной брошюры все-таки небезинтересно. Провѣрка требуетъ долгихъ наблюденій, но этого-то долгаго времени у Алексѣя и нѣтъ. Дальнѣйшая работа не позволяетъ приковать себя къ этому мѣсту. Адмиралъ въ иномъ положеніи: мѣстный житель.

— Подневольный только. Хотѣлось бы перемѣны этого лазурнаго мѣстожительства, хотя бы на самое сѣренькое, да наше, русское.

У Алексѣя не нашлось отвѣта на эти слова, но адмиралъ выручилъ его. Вдругъ глянулъ улыбчато, положилъ сухую, горячую руку на руку Алексѣя, спросилъ:

— А теперь поговоримъ по простотѣ, по душамъ. Вопросики-то эти вы вѣдь только вчера попридумывали? Такъ? До вчерашняго дня здѣсь на картѣ чистенько было? Къ молу вашему, по правдѣ говоря, ровно никакого отношенія они не имѣютъ. Простоитъ молъ и свое дѣло будетъ исправно дѣлать и безъ нихъ. А разставлены вопросики, не скажу, совсѣмъ зря. Если ужъ ставить ихъ, то именно такъ. Боюсь только, что вся работа поведетъ единственно къ подтвержденію данныхъ доброй-старой карты. Развѣ въ пустякахъ какихъ море съ ней разошлось бы. Вы и сами это не хуже моего понимаете. Такъ вотъ и скажите напрямки, велика ли охота у васъ... въ Америкѣ на эту затѣю доллары въ воду бросать? Ну-ка, безъ обиняковъ!

Слова адмирала могли бы вновь смутить Алексѣя, но тонъ ихъ — на самомъ дѣлѣ безъ обиняковъ — далъ увѣренность. И новая причина-выдумка мгновенно превратилась въ убѣжденность:

— Согласенъ, адмиралъ, безъ обиняковъ. Вопросы вчера поставлены, не раньше. Отрицать не стану. Въ Америкѣ, вы правы одного доллара не выкинутъ напрасно, но станутъ бросать ихъ безъ счета, когда нужно не дать наступить себѣ на ногу. Точна эта карта или не точна, опять вы правы, не имѣетъ никакого значенія. Но намъ важно, чтобы повѣрочныя гидрографическія работы велись и велись бы совершенно серьезно. Пусть онѣ мозолятъ глаза морскому строительству въ отвѣтъ на желаніе отгородиться отъ американской фирмы, которой принадлежитъ мой проектъ. На это стоитъ бросить доллары.

Улыбчатый взглядъ адмирала пока еще не подарилъ Алексѣя и намекомъ на отвѣтъ. Онъ продолжалъ:

— Хотите доказательствъ, адміралъ? Вотъ — — они. «Время — деньги» для американцевъ. Это не просто ходячая фраза, а дѣловая истина. А я вотъ, намѣренно сижу здѣсь безъ всякаго толка, проглотивъ намекъ директора строительства: «услуги консультанта вы всегда можете оказать по телеграфу.» Только потому и сижу, что не подыскалъ еще способа маленькой дѣловой мести. Вчерашній разговоръ о васъ, какъ о гидрографѣ, былъ толчкомъ, навелъ на удачную мысль. А то, что васъ, адмиралъ.. отшвырнули въ строительствѣ придаетъ проекту гидрографическихъ работъ еще больше, какъ бы это сказать... остроты. Вашъ отказъ былъ бы для меня большой досадой. Если мои слова васъ не удовлетворили, не откажите назвать другое лицо, къ которому я могъ бы обратиться съ такимъ же предложеніемъ. Я здѣсь никого не знаю. Можетъ быть, найдется кто-нибудь другой изъ русскихъ моряковъ. Отъ самой идеи я все равно не отступлюсь. Устроено это дѣло, и у меня руки развязаны. Вотъ вамъ, адмиралъ, все безъ обиняковъ.

— Понимаю, понимаю.

Эти слова, произнесенныя скороговоркой, еще ничего не значили. Старикъ сидѣлъ задумчиво, механически глядя на голубую карту, потомъ поднялъ глаза и протянулъ Алексѣю руку.

— Есть! Я — къ вашимъ услугамъ.

Адмиралъ въ три раза сократилъ проектируемый Алексѣемъ штатъ «гидрографической станціи»:

— Достаточно четверыхъ. Помощникъ у меня найдется отличный, мой же ученикъ, лейтенантъ Клочко. Хоть завтра же съ голодухи на работу. И матросами обойдемся двумя: больше — баловство!

Ни Алексѣй, ни адмиралъ не спѣшили подойти къ вопросу о стоимости работъ. Вопросъ всталъ наконецъ самъ собой, и опять ухмыльнулся старикъ, сказалъ:

— Гдѣ мнѣ знать, какъ у васъ, въ Америкѣ, оплачивается месть за то, что вамъ наступили на ногу! Будь это у насъ дома и будь все это настоящимъ дѣломъ, я бы вамъ смѣтку составилъ:

офицеры и матросы на казенномъ содержаніи, суточные имъ по штату да пустякъ на самыя работы.

Алексѣй ухватился за этотъ расчетъ. Старикъ не возражалъ. Тутъ же начерно прикинули цифры: на все хватитъ половины консультантскаго вознагражденія Старогорскаго, а для адмирала-сторожа — цѣлое состояніе за два года работы.

И только теперь сказалась внезапная нервная слабость старика, въ продолженіе всего разговора бравшаго верхъ надъ Алексѣемъ въ выдержкѣ. Въ глазахъ адмирала — влажная теплота, въ голосѣ — нескрываемое волненіе. Не недовѣріе, нѣтъ, желаніе скорѣе отдохнуть въ полной мѣрѣ:

— А теперь скажите, голубчикъ, да... серьезно ли все это?!

— За контрактомъ дѣло не станетъ, но неужели же вы, адмиралъ?!.

Алексѣй пожалъ плечами, и обѣ руки старика сами собой оказались въ его рукахъ. Ни отвѣчать, ни объяснять не нужно.

За завтракомъ адмиралъ не отказался отъ стакана вина. Подъ «станцію» рѣшили взять скромную виллу Алексѣя. Ничего болѣе подходящаго въ окрестностяхъ нѣтъ: или занято или дорого. Не дешева и эта вилла, но при контрактѣ на два года условія льготныя. Алексѣй назвалъ цифру, а адмиралъ быстро прикинулъ: какъ разъ штабъ-офицерскія «квартирныя», на всю кампанію — дешевле пареной рѣпы.

Сказалъ и самъ разсмѣялся:

— А утромъ-то было: къ квартирной рѣпѣ подошелъ бы съ другой мѣрочкой!

Одну комнату Алексѣй хотѣлъ оставить за собой на случай пріѣзда. Адмиралъ воспротивился:

— Вы всегда — дорогимъ гостемъ, или отъ этого помѣщенія я отказываюсь.

Прошли на берегъ. На берегу рѣшили судьбу черномазаго Марселя и его лодки. Пригодятся для «станціи». При двухъ годахъ работы «съ прохладцемъ» другого «флота» и не требуется.

Дѣловые разговоры исчерпаны. У адмирала — естественный вопросъ:

— Ну а вы, Алексѣй Алексѣевичъ, теперь куда же? Когда и въ какіе края? Неужели же не подождете, пока я соберу своихъ молодцовъ. Въ недѣльку мы всѣ въ сборѣ будемъ.

Алексѣй покривилъ душой въ отвѣтъ:

— У меня во Франціи наслѣдственное дѣло: домъ материнскій. Не увѣренъ, какъ долго оно меня задержитъ. Буду радъ познакомиться съ вашимъ лейтенантомъ и командой.

VII

— Куда же онъ на самомъ дѣлѣ теперь?

Черезъ недѣлю здѣсь, въ имъ созданной «гидрографической станціи» хозяиномъ-капитаномъ будетъ адмиралъ Казариновъ при лейтенантѣ Клочко, его будущемъ зятѣ. Хозяйкой-квартирмейстеромъ — «стрекоза Олюся», дочь адмирала и невѣста лейтенанта. А онъ, Алексѣй? Десятки разъ онъ мысленно провѣрялъ себя, допрашивая память: не уличилъ ли его удивленный взглядъ, не предала ли краска въ лицѣ, когда адмиралъ назвалъ лейтенанта Клочко женихомъ своей дочери? Неотвязная мысль о высокой дѣвушкѣ на береговомъ шоссе твердила Алексѣю, что вся его затѣя съ «гидрографической станціей» — только изъ-за нея, дочери адмирала. Глупо! Уѣхать?

Алексѣй наудачу заѣхалъ къ адмиралу. Засталъ его одного въ садовомъ домикѣ-сторожкѣ. Проектъ контракта готовъ, а перепишутъ его у нотаріуса. У Алексѣя—«дѣло» въ Каннахъ. Всего проще было бы туда поѣхать вмѣстѣ теперь же.

Одежда невинной лжи такъ удобно облегчаетъ каждое слово Алексѣя. Слова просты и естественны, у адмирала нѣтъ повода имъ не повѣрить. На новосельѣ «станціи» Алексѣй обѣщаетъ быть непремѣнно, доставить адмирала изъ Каннъ обратно, къ сожалѣнію, не можетъ. Придется, пожалуй, застрять тамъ дня на два. Досада!

Съ контрактомъ у нотаріуса не задержали. Съ акредитивомъ для адмирала въ банкѣ—еще меньше. Алексѣй и Казариновъ распрощались.

— Такъ до будущей пятницы, Алексѣй Алексѣевичъ? Къ пятницѣ команда вся въ сборѣ. Квартирмейстеръ мой, бѣдняга стрекоза, можетъ быть и не сразу совсѣмъ къ намъ вырвется, но на первомъ подъемѣ флага будетъ непремѣнно. И вы—непремѣнно. Молебенъ служить будемъ.

Еще проще лгало посланное изъ Каннъ адмиралу письмо.

„Не исчезъ съ горизонта, но вынужденъ обмануть, не сдержать свое обѣщаніе. Вызванъ телеграмой въ Марсель, откуда придется ,вѣроятно, съѣздить и въ Парижъ.[Но вскорѣ непремѣнно увидимся."

Въ Каннахъ тоскливая и пустая для Алексѣя суета и онъ превратилъ ложь письма адмиралу въ правду—удралъ изъ Каннъ въ Марсель, гдѣ весна спѣшитъ превратиться въ пыльное городское лѣто.

Въ конторѣ морского строительства Алексѣй насладился сухимъ удивленіемъ директора, въ первую минуту ему шумно «обрадованнаго». Безъ стѣсненія Алексѣй валилъ на своихъ нью-іоркскихъ патроновъ непремѣнное требованіе повѣрочныхъ промѣровъ въ морѣ и вдохновенно «цитировалъ» свою телеграфную переписку съ мистеромъ Гриффиномъ.

— Адмиралъ Казариновъ—находка для этой работы! На постройкѣ, я увѣренъ, тоже будутъ рады сосѣдству по работѣ съ настоящимъ джентельменомъ. А недоразумѣній не предвидится: стройка — практика, работа адмирала Казаринова—маленькій капризъ нью-іоркскихъ теоретиковъ.

Алексѣй не задержалъ директора, директоръ не задержалъ Алексѣя.

Другихъ «дѣлъ» въ Марселѣ было не больше, чѣмъ въ Каннахъ. Хоть бы Страницкій попался гдѣнибудь въ кафе! Теперь Алексѣй такъ охотно пофехтовалъ бы съ нимъ словами, а тема разговора-сраженія пусть будетъ любая, и, чѣмъ занозистѣе, тѣмъ лучше.

Былъ въ циркѣ. Потомъ ужиналъ съ перекочевавшимъ въ Европу жонглеромъ-комикомъ, негромъ, шокируя этимъ трехъ американцевъ за сосѣднимъ столикомъ. Негръ не хотѣлъ долго вѣрить, что сидитъ съ американцемъ же. Закатилъ перламутровые бѣлки и многозначительно—это другое дѣло!—кивнулъ, когда узналъ, что его собесѣдникъ не Джонсенъ и не Джексонъ, а Старогорскій.

— И все-таки, мистеръ Старогорскій, сколько бы ни появилось въ Штатахъ васъ, такихъ же Старогорскихъ, бѣлые Джонсоны и Джексоны не сядутъ дружески за одинъ столъ съ черными Джексонами и Джонсонами! Въ Европѣ на насъ, черныхъ, часто смотрятъ, какъ на диковинку, но все-таки намъ здѣсь лучше. Бѣда только съ ангажементами!..

Говорилъ только подвыпившій негръ, и было скучно. Ничѣмъ негръ не лучше ученой обезьяны изъ того же цирка, такое же вымуштрованное на трюкъ животное. А толкуетъ о любви:

У него въ Арканзасѣ—невѣста, дочь теперешняго настоятеля методистской общины. Когда негру-жонглеру будетъ сорокъ пять, а ей — шестнадцать, они повѣнчаются. Ни невѣстѣ, ни жениху не трудно подождать эти восемь лѣтъ. Она подъ вѣрнымъ надзоромъ отца, а у него нѣтъ недостатка въ поклонницахъ. Теперь на очереди — блондинка, наѣздница, и въ успѣхѣ онъ не сомнѣвается.

Алексѣй думалъ о другой любви, другой свадьбѣ. Не нужно ждать и восьми дней, чтобы повѣнчать Ольгу Казаринову и лейтенанта Клочко. Тамъ же на «гидрографической станціи» послѣ молебна можно ихъ повѣнчать. А, нужна для вѣнчанія церковь,—есть неподалеку, въ Ниццѣ. Все равно. Его недавняя спальня станетъ ихъ спальней... вотъ нелѣпыя мысли!..

На прощанье негръ долго жалъ Алексѣю руку, улыбался. Негръ пьянъ и великодушенъ: если мистеръ Старогорскій придетъ завтра въ циркъ, онъ познакомитъ мистера Старогорскаго съ блондинкой-наѣздницей, и... готово! И многозначительно причмокнули толстыя губы. Противно!

... когда-то семнадцатилѣтнимъ юнцомъ Алексѣй влюбился въ барышню изъ скромной ирландской семьи, кукольно хорошенькую, пухленькую. Онъ часами выжидалъ ирланочку на улицѣ, но такъ съ ней и не познакомился, а вѣдь очень былъ влюбленъ. Какъ онъ похожъ на себя тогдашняго! Но вѣдь ему уже не семнадцать лѣтъ. Теперь неотвязность мысли о дочери адмирала раздражаетъ Алексѣя. А глупости онъ все-таки дѣлаетъ.

Въ витринѣ эстампнаго магазина увидѣлъ коричневую открытку: какая-то молодая кино-актриса, очень похожая на Ольгу Казаринову. Зашелъ и купилъ. Спряталъ открытку въ бумажникъ и черезъ три дня поймалъ себя на мысли, что только ложный стыдъ своей мальчишеской влюбленности удерживалъ его полюбоваться красивымъ изгибомъ бровей и чуть-насмѣшливымъ взглядомъ глазъ Казариновой.

Прошла недѣля, и Алексѣй рѣшилъ перебраться изъ Марселя въ Ниццу. За рулемъ автомобиля на приморскомъ шоссе часы не такъ безцѣльны. Въ Ниццу онъ старательно не спѣшилъ. На одной изъ остановокъ набилъ автомобиль ребятами и потерялъ нѣсколько часовъ, катая ихъ. Въ другомъ мѣстѣ полъ-дня проигралъ въ шахматы съ тучнымъ, тяжело отдувающимся хозяиномъ придорожнаго кабачка, выпилъ массу вина за игрой, заночевалъ и проспалъ все утро. Мимо «гидрографической станціи» Алексѣй проѣзжалъ часовъ въ десять вечера. Въ окнахъ виллы — свѣтъ.

— Почему бы не остановиться на четверть часа? Такъ естественно.

На маленькой терассѣ, при одной свѣчѣ въ стеклянномъ колпачкѣ, надъ книгой сидѣлъ адмиралъ. Спокойное лицо и сѣдые волосы, какъ изъ слоновой кости, при этомъ свѣтѣ. Въ саду два мужскихъ голоса негромко выводили какую-то незнакомую Алексѣю, тягучую русскую мелодію.

— Гостя на минутку принимаете, адмиралъ?!

— Ааа!.. Для такого гостя никогда двери не на запорѣ. Обидѣли вы насъ, Алексѣй Алексѣевичъ, въ пятницу не пожаловали. Сегодня отъ насъ не

отдѣлаетесь! Ваша бутылка Муммъ только васъ и дожидается.

Голосомъ звонкимъ — откуда у старика взялся — адмиралъ крикнулъ въ садъ:

— Эй! Молодцы! Гостя принимать! Свистать всѣхъ наверхъ!

Изъ сада такое же звонкое, молодое:

— Есть, ваше превосходительство!

Лейтенантъ Клочко, плотный, на послѣдней границѣ зрѣлой, мужской стройности, съ открытымъ, веселымъ лицомъ, одѣтъ въ простой бѣлый китель. Бѣлобрысый, среднихъ лѣтъ матросъ, волжанинъ типичный — въ одной полосатой фуфайкѣ.

— Знакомьтесь господа. Лейтенантъ Клочко, Владиміръ Федоровичъ. Антипычъ! Тащи бутылочку, стаканы!

Двѣ крѣпкихъ руки встрѣтились, два взгляда открытыхъ.

— Надолго къ намъ?

— Машина у воротъ. На четверть часа. Я — въ Ниццу.

Адмиралъ замахалъ руками.

— Машину Антипычъ вкатитъ, а въ Ниццѣ вамъ ночью дѣлать нечего! Не одна у насъ бутылочка. Есть запасецъ! Да что это у всѣхъ «дѣла» пошли! Квартирмейстеръ-то мой, доченька родная, не хуже васъ Алексѣй Алексѣевичъ, старика надула. Такъ на подъемѣ флага и не была. И теперь жди ее, дожидайся. Цвѣты, видите ли, дѣлаютъ, такъ безъ нея обойтись нельзя. И женихи тоже пошли!.. сказалъ бы!..

Лейтенантъ виновато улыбнулся.

— Но вѣдь правда же, ваше превосходительство. Брось Ольга Дмитріевна теперь работу, у семерыхъ дамъ она сразу станетъ. Вотъ подучится горбатенькая баронесса, и она сразу же пріѣдетъ.

— Разговоры! Свѣтъ клиномъ сошелся на Ольгѣ! Тутъ капризу больше, чѣмъ невозможности. Приходила же какая-то француженка, не хуже Ольги проволоку крутитъ.

Опять вступился лейтенантъ:

— Вотъ именно, француженка, ваше превосходительство. А горбатенькая баронесса чуть не голодомъ сидитъ. Я понимаю Ольгу Дмитріевну: передавать работу, такъ своему.

— Не спорю, не спорю.

Антиповъ бѣгомъ принесъ бутылку, ведерко со льдомъ, стаканы. Заскорузлыя руки, терки, а въ движеніяхъ матросъ проворенъ и ловокъ — старый вѣстовой. Къ столу матросъ не сѣлъ, а стаканъ шампанскаго принялъ просто, вмѣстѣ съ другими чокнулся съ Алексѣемъ.

— А мы-то и молебенъ съ водосвятіемъ отслужили. Чудесный у насъ батя есть, съ бизертской эскадры. Безъ фокусовъ, а слово скажетъ — та же молитва, еще теплѣе! И шлюпку вашу окропили. Владиміръ Федоровичъ на радостяхъ чуть андреевскій флагъ на кормѣ не поднялъ..

— Какой это, андреевскій флагъ?

И адмиралъ, и лейтенантъ изумленно взглянули на гостя.

— Какъ какой?! Русскій, флотскій. Неужели же не знаете? Бѣлое поле и синій крестъ по діагонали. А еще адмиральскій внукъ. Алексѣй Алексѣевичъ!

Адмиралъ, улыбаясь, покачалъ головой. Улыбнулся и Алексѣй.

— Представьте, и это въ первый разъ слышу. Развѣ мой дѣдъ былъ морякомъ?

— Да еще какимъ! Я лейтенантомъ былъ, куда помоложе Владиміра Федоровича, когда онъ въ отставку вышелъ. Тогда у насъ, молодежи, только и разговору было, что о «Старогорѣ». Вашего дѣда кличка. Были познаменитѣе его, да немногихъ, какъ «Старогора», любили. А теперь—времена!—внучекъ о немъ, оказывается, не слышалъ. Эхъ! Время, время!..

Адмиралъ пилъ мало. Алексѣй и Клочко не отставали одинъ отъ другого. Разговоръ былъ оживленный, воспоминанія. Чувствовалось: не въ первый разъ полу-заученными словами оба моряка говорятъ о революціонномъ Севастополѣ, о комиссарѣ-звѣрѣ изъ севастопольскихъ портныхъ, объ

обидныхъ препирательствахъ съ англичанами въ дни отступленія бѣлыхъ и эвакуаціи... Но и заученныя слова для адмирала и лейтенанта по-новому волнующе при новомъ человѣкѣ.

У Алексѣя нѣтъ такихъ воспоминаній. Короткій отвѣтъ на осторожно-любопытные вопросы и довольно. Онъ всѣ эти годы былъ совершенно въ сторонѣ отъ событій, что привели сюда адмирала, лейтенанта и матроса. Антиповъ то и дѣло вставитъ свое словцо въ разсказы офицеровъ, Алексѣй только слушаетъ.

Какъ обѣщалъ адмиралъ, на «станціи» Алексѣя ждала его комната: располагайтесь, какъ у себя дома.

Утромъ Алексѣй и Клочко выѣхали въ Ниццу. У лейтенанта тамъ кое-какія покупки, у адмирала ему порученіе:

— За косы тащите сюда Ольгу! Впрочемъ, какія теперь у дѣвицъ и дамъ косы. Не ухватишь. А все-таки тащите!

По дорогѣ говорили мало. Лейтенанта интересовало, трудно ли попасть за океанъ и устроиться въ Америкѣ. Кто его знаетъ, сколько лѣтъ еще придется проторчать здѣсь, за границей! И тутъ же надежды на «близкія событія» въ Россіи... Разговоръ-обрывки.

Въ нарядной Ниццѣ лейтенантъ даетъ указанія Алексѣю. Онъ когда-то сдалъ экзаменъ на право ѣзды по городу, а устроиться шоферомъ такъ и не удалось. Зато «по образцу пѣшаго хожденія» исколесилъ Ниццу всю. И еще придется поколесить послѣ первой получки жалованія отъ адмирала. Нѣтъ кажется улицы, гдѣ бы у него не было кредитора: тутъ — франкъ, тамъ — пять, до двадцати рѣдко выгребаетъ. То-то будетъ удивленіе, когда Клочко станетъ свои должки возвращать: давали, на это не разсчитывали!

На одной изъ скромныхъ улицъ ихъ остановилъ звонкій окрикъ:

— Владиміръ Федоровичъ!

Дочь адмирала и съ ней пожилая дама подъ кокетливымъ кружевнымъ зонтикомъ. Клочко не-

ловко соскочилъ съ не успѣвшаго еще застопорить автомобиля, подошелъ къ дамамъ. Алексѣй остался за рулемъ. На минуту кружевной зонтикъ и спина лейтенанта заслонили отъ Алексѣя Ольгу Казаринову. Но вотъ она взглянула, узнала его. Алексѣй поклонился, и ставшій вдругъ суетливымъ Клочко поспѣшилъ познакомить его съ дамами:

— Господинъ Старогорскій. Ольга Дмитріевна Казаринова. Баронесса Ховенъ.

Алексѣй съ молчаливымъ извиненіемъ показалъ пыльныя безъ перчатокъ руки. Ольга привѣтливо улыбнулась. Баронесса — накрашенныя губы бантикомъ — кивкомъ отряхнула съ дряблыхъ складокъ лица пудру, приняла новую позу пятидесятилѣтняго ребенка.

Говорила за всѣхъ одна дочь адмирала:

— У васъ оригинальные способы мести! Я такъ хохотала, когда папа разсказывалъ мнѣ о вашей «мести» строительству. Боюсь, что вы мстили главнымъ образомъ дѣвченкѣ на дорогѣ за показанный вамъ вотъ-такой носъ. Но я-то чѣмъ виновата! Я же не знала, кто вы, не думала, что вы — русскій... Можетъ быть, я и слишкомъ самонадѣянна, если придаю значеніе своему злополучному носу, но только ужъ не такъ наивна, какъ наши мореходы. Вотъ чудаки!

Клочко умоляюще поглядѣлъ на невѣсту. Между ними все время—нѣмая игра рукъ: ласково-осторожныя попытки прикосновеній и едва уловимое женственно-повелительное «не надо». Теперь Ольга обѣими руками со смѣхомъ отвела предупреждающую руку моряка.

— Конечно, чудаки! Воображаю, они наговорили вамъ съ три короба о своихъ великихъ морскихъ открытіяхъ! У Владиміра Федоровича, знаете, уже какая-то тамъ мель обнажаться начала, какой-то камень на три аршина сдвинулся. Виновата, виновата! Въ морѣ не прозаическіе аршины, а кабельтовы. Съѣхалъ камень на «энное количество кабельтовыхъ». Не возмущайтесь лейтенантъ Клочко! Вѣдь даже здѣсь, въ Ниццѣ, мы съ вами «энное число разъ» ходили въ кино правымъ галсомъ,

а изъ кино — лѣвымъ. Вы думаете, баронесса, что Владиміру Федоровичу тридцать шесть лѣтъ? Это только такъ говорится, а на самомъ дѣлѣ ему такъ... около восьмидесяти: изъ стараго разсказа Станюковича выскочилъ. Признавайтесь, сколько вы тамъ съ папой и съ Антипычемъ развели всякихъ траповъ, иллюминаторовъ, брамстеньги какія-нибудь?.. «Штормяги» у васъ еще не было?!

Клочко отбросилъ смущеніе, восхищенно улыбался. Баронесса щурила глаза и играла своимъ зонтикомъ.

— Какъ же насчетъ «штормяги»? Васъ не «трепало», Алексѣй Алексѣевичъ въ вашемъ бывшемъ домѣ?

Алексѣю хочется вторить шуткамъ дочери адмирала, хочется, чтобы снова говорила она, улыбалась.

— Нѣтъ. Я—крѣпкій, Ольга Дмитріевна. Хоть и уличили меня хозяева въ томъ, что въ морскомъ дѣлѣ я полный профанъ, но отъ радушнаго пріема въ каютъ-кампаніи меня не закачало. По дорогѣ ни одной курицы не раздавилъ.

Пошутилъ и Клочко:

— «Штормяги», Ольга Дмитріевна, еще не было. А вотъ Дмитрій Петровичъ близокъ къ шторму по вашей милости! Мое дѣло маленькое, но поручено васъ тащить и не пущать. Какъ, баронесса, дѣла у Кэтъ подвигаются? Она такая мастерица. Неужели въ недѣльку не выучилась.

Каррикатурная баронесса жеманно повела плечами и бросила сквозь золото зубовъ нѣсколько словъ на отчаянномъ англійскомъ языкѣ. А Ольга вытянулась въ струнку передъ женихомъ, отдала честь и «доложила»:

— Господинъ старшій офицеръ! Доложите капитану, что его штормъ придется отложить на неопредѣленное время!

Взяла баронессу подъ руку.

— Какъ только Кэтъ выучится, мы съ баронессой загуляемъ здѣсь въ порту! Зачѣмъ мнѣ спѣшить на корабль. Жила въ Ниццѣ скромной мидинетной-цвѣточницей, теперь поживемъ, хоть не-

много, курортной дамой, адмиральской дочкой. Загуляемъ, милая баронесса, на папиныхъ казенныхъ хлѣбахъ! Ахъ, Боже мой! Я вѣдь за шелкомъ пошла. Не безпокойтесь, шоферъ, тутъ два шага. Господинъ лейтенантъ проводитъ.

Алексѣю подкинули баронессу съ зонтикомъ. Если онъ ищетъ комнату, то лучшей, чѣмъ въ пансіонѣ у баронессы, теперь въ Ниццѣ не найти. Черезъ мѣсяцъ Ницца начнетъ пустѣть, а пока въ отеляхъ все или занято или расписано. Спасаетъ конецъ сезона обѣщанная опера. На новую «англійскую» фразу баронессы Алексѣй отвѣтилъ любезной фразой на томъ же языкѣ. Баронесса навѣрное его поняла и поспѣшила перейти на довольно сносный французскій языкъ.

Простились. Пассажирка съ трудомъ одолѣла подножку автомобиля въ своей кургузой юбкѣ, сложила зонтикъ, опустила на глаза кружевную вуалетку. Каждый разъ, какъ Алексѣй по дорогѣ оборачивался къ ней, узнать, куда ѣхать, баронесса словно порывалась къ нему всей грудью и, какъ-то задыхаясь, давала нужное указаніе.

У баронессы на самомъ дѣлѣ не дурной домъ-пансіонъ съ большимъ садомъ, гдѣ въ лонгшезахъ лежатъ на солнцѣ одинокія фигуры.

— Настоящихъ больныхъ, не бойтесь, ни одного. Pas de poitrinaires! И все des gens de societé. même of the hig-life. У меня вы не будете скучать. Ваши сосѣди: une petite femme, художница изъ Парижа, и одинъ изумительный человѣкъ. Если бы не эта революція — nous souffrons tous! — онъ былъ бы свѣтиломъ психіатріи. Il pratique le hypno e. Наши дамы отъ него въ восторгѣ... вы знакомы съ systeme Koué? Нашъ милый докторъ творитъ чудеса. Et malgré sa profession, онъ — настоящій аристократъ! Pur-sang!

Въ каждой фразѣ баронессы русскій языкъ пересыпанъ французскимъ, иногда англійскимъ. Баронесса колышется, какъ блюдо желе, съ каррикатурной граціей ступая по дорожкамъ сада. Здѣсь, въ тѣни, она все-таки раскрыла свой зонтикъ.

— Mes conditions: плата every saturday, chaque samedi. Вы получите, lunch, breakfast, nous dinons à six heures.

Сказала — и густо напудренное лицо стало, какъ у мертвеца. Оно вновь ожило, когда Алексѣй отвѣтилъ, что онъ и не мечталъ о лучшемъ.

Сосѣдомъ Алексѣя по комнатѣ оказался Страницкій. Это онъ и есть «милый докторъ, который творитъ чудеса». Онъ постучалъ въ дверь и попросилъ разрѣшенія войти, когда Алексѣй еще мылся съ дороги.

— Пожалуйста!

Страницкій все въ томъ же спортсменскомъ сѣромъ костюмѣ. Улыбается, потираетъ руки, шутовски раскланивается.

— Придется мнѣ расцѣловать лишній разъ нашу прекрасную Матильду, плѣнившую васъ въ своемъ замкѣ! Я уже думалъ, что вы свистнули въ Америку. Ваше сердце еще не пылаетъ?! Очаровательнѣйшая каракатица на цыпочкахъ! И молодѣетъ бэби съ каждымъ днемъ. Но жить здѣсь у нея, какъ у Христа за пазухой. Бррр!.. какъ подумаешь о собственной, съ годами благопріобрѣтенной пазухѣ нашей баронессы! А когда-то, представьте, была недурна. Вѣрьте моему личному опыту, который я благословляю каждую субботу, день, когда вамъ будутъ представлять пансіонскіе счета. Мнѣ ихъ бэби не представляетъ. Любовь даже въ доисторическія времена творитъ чудеса! Любви всѣ возрасты покорны!.. Надолго къ намъ?

— Не знаю. Какъ поживется.

Страницкій развалился въ креслѣ. Закурилъ папиросу.

— Къ князю монакскому не собираетесь? Я — его постоянный гость.

— Быть тоже постояннымъ гостемъ не собираюсь. Посмотрѣть все-таки надо. Я въ Монте-Карло еще не бывалъ.

Щелкъ пальцами. Страницкій ищетъ тонъ. Ему навѣрное и хотѣлось бы найти тонъ попроще, но циничное балагурство для него привычнѣе:

— Вы не игрокъ, не запамятовалъ. Сама уравновѣшенность. Ну а мы изволимъ поигрывать! Не бойтесь, въ долгъ не попрошу. Я — въ ударѣ. Да здѣсь, у баронессы, и не нужны деньги. Мы съ ней, какъ сыръ въ маслѣ. Сыръ, конечно, она—женщина-команберъ! — а подмаслить урожденную дѣвицу Салотопенникову вполнѣ по моимъ талантамъ. Баронесса готова платить дань за молчаніе о купцѣ первой гильдіи въ ея генеалогіи. Пока не вернулась изъ Аргентины Нина, симпатіями бэби я гарантированъ. Надѣюсь, вамъ ясно, что безъ бурнаго финала. Не теряю невинности! Къ пятидесяти годамъ Марфуша Салатопенникова научилась млѣть и ждать! Ну и пусть ждетъ.

Нѣжный стукъ въ дверь.

— Пожалуйста!

Не вошла, впорхнула баронесса, вся въ розовомъ, подвитая, заново подмазанная и напудренная.

— Уже познакомились?

— Баронесса! Вы — чудный маленькій ангелъ, соединяющій ленточкой пріятной неожиданности двухъ старыхъ друзей. Мы вѣдь съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ — почти родня. Свойственники, во всякомъ случаѣ. Развѣ не такъ? Моя belle-soeur, графиня Браницкая, первымъ бракомъ Хитрово, а Хитрово родственники графамъ Адлербергамъ... Дальше Лили Адлербергъ замужемъ за Никсомъ Нарышкинымъ, а кому неизвѣстно, что Нарышкины и черезъ фонъ-Таленъ и черезъ Трубецкихъ свои Старогорскимъ! Такимъ образомъ Алексѣй Алексѣевичъ мнѣ... приблизительно четвероюродный кузенъ.

При каждой громкой фамиліи баронесса таяла. Пошли распросы:

Не тотъ ли это фонъ-Таленъ, который былъ чиновникомъ особыхъ порученій при виленскомъ губернаторѣ? А какъ приходится Никсъ Нарышкинъ кирасиру Нарышкину, съ которымъ баронесса танцевала у Фоминыхъ? Извѣстный сенаторъ Фоминъ...

Не было генеалогической тонкости, которой не зналъ бы Страницкій, и каждая рождала у баро-

нессы подавленный вздохъ. Она дѣвически конфузилась, когда Страницкій сыпалъ ей издѣвательскіе комплименты и, грозя пальцемъ, увѣрялъ, что она свела съ ума дьякона изъ русской церкви.

— Такъ не шутятъ, polisson! Помните, что я очень, очень религіозна.

На преувеличенно заботливые вопросы баронессы Алексѣй отвѣчалъ, что онъ всѣмъ доволенъ, ни въ чемъ больше не нуждается. Присѣдая на каждомъ шагу и краснѣя подстриженнымъ затылкомъ, баронесса ушла. Страницкій проводилъ ее комическимъ воздушнымъ поцѣлуемъ:

— У! Мамочка!

И сразу же сталъ обыкновеннымъ, бросилъ фиглярство.

— Не надоѣлъ? А то уйду. Вы не стѣсняйтесь.

— Я очень радъ. Не спѣшу никуда. Баронесса говорила, что вы — чудотворецъ-гипнотизеръ. Въ самомъ дѣлѣ?

Страницкій пожалъ плечами.

— На баронессиныхъ дуръ-дамъ, пожалуй, и чудотворецъ. А вѣрнѣе, балуюсь. Когда-то работалъ сравнительно серьезно съ питерской знаменитостью Оноре. Недурной былъ шарлатанчикъ! У меня, дай Богъ, одна пятая его способностей. Не занимаешься систематически, сила утрачивается. Но иногда номера ставлю. Это, вѣдь, какъ карты. Азартъ нуженъ. Съ вами тогда, въ вагонѣ, попытался состязнуться, и результатъ, какъ видите, нуль. За разговорчикъ съ баронессой вы, надѣюсь, на меня не въ претензіи?

— Особыхъ претензій нѣтъ. Какъ только мнѣ быть съ этими нашими сіятельными родственниками? Возобновится разговоръ и...

Страницкій захохоталъ.

— Наоборотъ! Не запуталъ я васъ, а выручилъ! Теперь вамъ ровно ничего изобрѣтать не надо. Вцѣпится въ васъ баронесса, только поддакивайте, а она ужъ сама будетъ сыпать всѣми этими Нарышкиными и фонъ-Талями. Конечно, всѣ они окажутся родственниками же и баронскому дому фонъ-Ховеновъ. Баронесса выльетъ на васъ бочку

голубой крови и сама въ ней выкупается. Безъ аристократическаго родства и знакомствъ свѣжему человѣку съ ней разговаривать трудненько!

Всталъ. Сосредоточенно пересчиталъ папиросы въ серебряномъ портсигарѣ. Подчеркнуто, обращая вниманіе Алексѣя на свою папиросную арифметику, громко захлопнулъ портсигаръ, сказалъ:

— Ого! Только двѣнадцать штукъ. Безъ четверти три. Какъ ни пріятна бесѣда, мнѣ пора.

Страницкій считаетъ время по портсигару, — понялъ Алексѣй, но не доставилъ ему удовольствія, не показалъ, что понялъ. Страницкій выждалъ мгновеніе и ушелъ.

Не спугиваемая никѣмъ и ничѣмъ, полновластна надъ Алексѣемъ мысль объ Ольгѣ Казариновой, взволнованная мысль.

Какъ не похожа она на фарфоровую красавицу съ купленной въ Марселѣ открытки! Неправильнѣе, но чудеснѣй, ея живое лицо. Возлѣ насмѣшливыхъ сѣро коричневыхъ глазъ теплота чуть замѣтныхъ веснушекъ. Ротъ, дѣтски улыбчатый, совсѣмъ не такой, — въ томъ что-то змѣиное. Непокорные, каштановые съ темнымъ золотомъ волосы... какія могли бы быть косы!.. А вѣдь казалось: то же лицо.

И убѣждаетъ себя Алексѣй:

Не во внѣшности, значитъ, зовущее его къ ней, къ дочери адмирала. Зоветъ другое, большее, что онъ услышалъ тогда, въ домѣ директора морского строительства и на шоссе, не уловивъ еще вполнѣ лица Ольги Казариновой. Голосъ Ольги слышится Алексѣю, ея шутливыя интонаціи, почти единственныя въ недолгомъ разговорѣ на улицѣ. Но такъ легко заставить себя слышать и другіе, словно заранѣе знакомые, оттѣнки любыхъ ея словъ, хотя бы даже грустныхъ или гнѣвныхъ или досадливыхъ.

Этимъ голосомъ Ольги мысль говоритъ Алексѣю:

— Шутила, конечно, но все-таки уѣхать изъ Ниццы я не спѣшу. Вы вѣдь тоже не сразу уѣзжаете?

VIII

Противъ ожиданій Алексѣя Страницкій былъ ненавязчивымъ сосѣдомъ. Часовъ съ пяти и до поздней ночи его чаще всего не бывало въ пансіонѣ. Вставалъ Страницкій поздно, выходилъ въ садъ и тамъ занималъ разговорами баронессу и дамъ. Вокругъ «милаго доктора» всегда — дамская группа. Къ Алексѣю въ комнату онъ больше не заходилъ. Какъ-то разъ, когда Страницкій оставался вечеромъ дома, Алексѣй самъ постучался къ нему въ дверь. Вошелъ.

Страницкій сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ лиловато-сѣрой пиджамѣ и писалъ. Страницкій поспѣшно всталъ и съ молодцеватымъ видомъ продѣлалъ два-три гимнастическихъ движенія.

— Кого видимъ! Кого принимаемъ! Самого Алексѣя Алексѣевича! Чѣмъ служить можемъ?!

— Пришелъ по вашу библіотеку. Баронесса говорила, вы богаты книгами. Не помѣшалъ? Надѣюсь, что въ кабинетѣ доктора Фауста найдется что-нибудь и для меня, простого смертнаго.

— Непремѣнно. Живемъ по пословицѣ: съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Не въ переносномъ, а въ самомъ прямомъ смыслѣ. Съ вами, напримѣръ, повелся, – и могу доставить вамъ удовольствіе дочитать ту французскую книжицу, которую вы тогда, въ вагонѣ, столь усердно штудировали. Тутъ—она. Припечатана точной датой превращенія изъ вашей собственности въ мою. Книжица, надо отдать справедливось, скучнѣйшая. Безъ лица. Но разъ на разъ не приходится. Иныя знакомства мнѣ, пчелкѣ, доставляютъ больше литературнаго меда. Книгъ я принципіально не покупаю. Отъ первой до послѣдней въ моемъ книгохранилищѣ всѣ онѣ «благопріобрѣтенныя».

Страницкій подошелъ къ шкафу, открылъ его. Взялъ на удачу книгу.

— Прошу убѣдиться! Отто Вейнингеръ, «Полъ и Характеръ». Украдено 18 мая 1922 года у Н. П. Кравцова. Пьеръ Люисъ, «Пѣсни Биллитисъ». 2 сентября 1926 года, ex libris Владиміра Кауфмана. Стро-

гая хронологическая очередь. Вотъ—самыя свѣженькія. Ваша. Сосѣдки вашей изъ 1-го номера, художницы—монографія о Гогенѣ. Оленьки Казариновой—Алдановъ, «Святая Елена, маленькій островъ.» Художницѣ признаюсь въ похищеніи только мѣсяца черезъ два, не раньше. Изъ-зъ вашей книженки, полагаю, мы съ вами сражаться не станемъ. Опытъ говоритъ, что почти никто изъ бывшихъ владѣльцевъ свои права возстанавливать не пытался. Прикажете выдать бывшую вашу? Кстати она наполовину неразрѣзанной осталась. Полу-дѣва А то поройтесь. Все—въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Алексѣй наудачу вытащилъ толстую книгу въ потрепанномъ рыночно-раззолоченномъ переплетѣ: А. С. Пушкинъ, Собраніе сочиненій.

— Пушкинзонъ? На поэзію потянуло? Самое время! Лягушки свое отзвонили, а человѣкамъ—самая пора. Впрочемъ мы, человѣки, существа въ любви всесезонныя. Баронессу нашу сегодня видѣли. Марфуша таетъ, какъ пломбиръ пересахаренный. Всучила комнату какому-то тенору, первой ласточкѣ оперныхъ гастролей. Яйца сырыя для прочистки голоса ему черезъ каждые два часа носитъ. Любовь идетъ сама!..

Мелькомъ Страницкій упомянулъ о Кэтъ, горбатой дочери баронессы. Мамаша разсчитала, что ей выгоднѣе держать дочь не при себѣ, а въ болѣе дешевомъ пансіончикѣ. А главное, горбуньѣ—всѣ тридцать. Вещественное доказательство невещественнаго возраста мамаши. Для непосвященныхъ Кэтъ даже не дочь, а племянница покойнаго барона.

На столѣ у Страницкаго—два портрета: знакомый вызывающій поворотъ красивой головы Нины Орловой и другая фотографія довольно миловидной молодой дамы, затянутой въ рюмочку, въ платьѣ 90-тыхъ годовъ.

— Одна не требуетъ для васъ поясненій, а эта? Знакомо? Представьте себѣ, баронесса временъ моего студенчества! Былое содержимое этой рюмашки вспоминаю не безъ удовольствія. Вовсе неплохо было. Теперь бэби принесла и сама сюда поставила.

вновь не рискуетъ сниматься, а этотъ портретъ разъ десять переснимала въ эмиграціи. Для баронессы онъ не plusquamperfectum, а вчерашній день.

Поговорили недолго, и Алексѣй вернулся къ себѣ.

Съ баронессой-хозяйкой въ первые дни было трудно. Оправдались предсказанія Страницкаго: она донимала Алексѣя разговорами о своихъ титулованныхъ родственникахъ и знакомыхъ, знакомила его съ пансіонскими дамами, втягивала въ общій разговоръ за столомъ, по нѣсколько разъ въ день заглядывала къ нему въ комнату подъ разными предлогами. Умѣнье молчать выручало Алексѣя: не прошло и недѣли, какъ баронесса ограничилась двумя-тремя «милыми словами», оставила его въ покоѣ.

Когда нѣтъ никакого дѣла, имитировать занятого человѣка трудно. Сначала Алексѣй продѣлывалъ это старательно, потомъ бросилъ создавать иллюзіи, располагалъ безконечнымъ днемъ, какъ случалось. Изъ щебетаній баронессы онъ зналъ, что Ольга Казаринова еще въ Ниццѣ. Ждалъ, что она появится въ пансіонѣ, но, если она и заходила, то въ его отсутствіе. Вѣрнѣе же, Ольга избѣгала пансіона.

— Кэтъ, ma niece, и мадемуазель Казаринова — два incéparables.

Такъ говорила баронесса, но горбатенькую Кэтъ Алексѣй уже нѣсколько разъ видѣлъ издали въ саду пансіона, Ольгу же съ ней — никогда.

Ницца въ концѣ сезона оживлена. Администрація отелей недовольна термометромъ, который подаетъ сигналы разъѣзда сезонной публикѣ, и возлагаетъ надежды на оперную антрепризу, противоядіе термометру.

Алексѣй назначилъ себѣ срокъ: если онъ не встрѣтится съ Ольгой еще въ теченіе трехъ дней, онъ ѣдетъ къ адмиралу на «станцію». Прогулочно-медленно бродилъ по городу, сидѣлъ въ уличныхъ кафе, не разъ проѣхалъ на автомобилѣ по той улицѣ, гдѣ познакомился съ дочерью адмирала. И —

ничего. Обманули и гребныя гонки. На гонкахъ была «вся Ницца», но не было Ольги Казариновой.

Въ часъ разгула ниццскаго зноя Алексѣй, помахивая палочкой, брелъ по каменистому холму Шато. На холмѣ почти никого. Выше, выше надъ городомъ и моремъ, обманно ближе къ голубоватымъ далеко надъ Ниццей горамъ.

...Раньше, чѣмъ Алексѣй узналъ Ольгу, она нервно взяла его подъ руку, взволнованнымъ голосомъ быстро быстро сказала:

— Идите такъ!.. такъ надо!.. Какъ хорошо, что вы!.. у меня дикій видъ? Только не останавливайтесь!.. будемъ болтать! Правда, красивое сегодня море!.. А не видно отсюда вашу «станцію»? Я думаю, не видно. Она — далеко за мысомъ. Говорите, говорите что нибудь!..

Ольга взволнованно оборачивалась на камни и кусты, откуда внезапно появилась, ждала кого-то изъ-за поворота дорожки.

— Прежде всего здравствуйте, Ольга Дмитріевна.

— Вы меня простите!.. такъ глупо!.. Вы часто здѣсь бываете? Это — мое любимое мѣсто и мой любимый часъ: люди жары боятся. Когда я работала у Комаровой, цвѣты дѣлала, такъ рѣдко удавалось въ это время сюда, на гору, вырваться. А теперь я здѣсь — каждый день.

Она не отпускала руку Алексѣя, но теперь это была уже игра; намѣренная поза: гулящая пара. И Алексѣй увѣренно вступилъ въ эту игру, заговорилъ о красотѣ вида съ горы, когда на дорожкѣ, громко и виртуозно насвистывая «Валенсію» показался Страницкій.

— Старъ я, Ольга Дмитріевна, въ пятнашки играть! Гдѣ же мнѣ за вами. Алексѣй Алексѣичъ будетъ лучшимъ партнеромъ. Ноги молодыя. Въ моемъ возрастѣ не полетишь, какъ пухъ отъ устъ Эола! Это изъ Пушкина, по части ударившагося въ поэзію Алексѣя Алексѣевича. Взялъ у меня на дняхъ Александра Сергѣевича. Поэзія и въ книгѣ, и въ жизни! «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье!..» Какъ-разъ къ случаю. Но я, грѣшный, сторонникъ раз-

дѣленія труда даже въ поэзіи. Оставляю «чудное мгновенье» вамъ, а самъ буду «мимолетнымъ видѣньемъ». Доброй ночи, ночи!..

Оперно-торжественнымъ жестомъ Страницкій раскланялся передъ ними, взмахнулъ незримой шляпой. Потомъ попрощался просто, спросилъ, глядя на Алексѣя:

— Теперь — къ печкѣ?

— Не понимаю.

Ольга засмѣялась:

— Докторъ называетъ моей печкой камень-компасъ, тамъ, на горѣ.

— Понимаю еще меньше.

Страницкій пояснилъ:

— Мысль Ольги Дмитріевны лучше всего танцуетъ отъ этой печки. Въ свое время надъ каменной стрѣлкой «Москва» умилялись лейкинскіе «наши заграницей», когда ѣздили въ страну, гдѣ апельсины зрѣютъ. Теперь эта стрѣлка усердно пронзаетъ истинно - эмигрантскія сердца! Впрочемъ, Ольга Дмитріевна пронзена петербургской стрѣлкой. Воображаю, что будетъ, если по договору съ большевиками и французы Санктъ-Петербургъ переправятъ на Ленинградъ! Ужасти мои! Не прикажете, Ольга Дмитріевна, взорвать тогда этотъ Ленинградъ какому-нибудь восторженному штабсъ-ротмистру, мичману или корнету? Умолкаю! Знаю, знаю: мой языкъ безъ костей. Доброй ночи!

Ушелъ. Засвисталъ:

— Гаснутъ дальней Альпухары, золотистые края...

Безъ волненія первыхъ минутъ и безъ улыбки, съ какой она слушала болтовню Страницкаго, глядѣла теперь Ольга прямо въ глаза Алексѣю. Спросила просто:

— Прикажете теперь объяснить... это?

— Какія же у меня права приказывать, Ольга Дмитріевна.

— Хотя бы право невольнаго участника всей этой... оперетки.

— Но мое участіе было самое скромное. Можетъ быть, мнѣ надо было вести себя иначе... по отношенію къ господину Страницкому?

Ольга на мгновеніе вспыхнула. Гримаса ироническая, улыбка.

— Шутъ гороховый! На его болтовню стоитъ ли особенно реагировать. А другое?... Нѣтъ. Отъ васъ большаго не требовалось. Ничего не было. Такъ... не чудное, а чудное мгновенье. Право, не знаю!.. Вы давно съ нимъ знакомы, съ Страницкимъ?

— Мой сосѣдъ по комнатѣ въ пансіонѣ у баронессы. А до этого — только вагонное знакомство. А вы?

— Меня съ нимъ познакомила теперь ваша баронесса. Я даже не знаю, какъ его зовутъ. Слышу: docteur, докторъ. Сначала онъ какъ-будто забавный, потомъ — противный! А у васъ въ пансіонѣ на него чуть не молятся. Во всякомъ случаѣ, незаурядный онъ. Ну что же мы теперь? Каждый — куда шелъ?

Сказала и взглянула вопросительно. Улыбнулась, но тотчасъ же нахмурилась, когда Алексѣй отвѣтилъ шутливо:

— Шелъ-то одинъ я. Вы бѣжали.

— Не надо объ этомъ!... Что жъ, пойдемте къ моей «печкѣ». Хотите? На многихъ дѣйствуетъ издѣвательство. Я знаю, многіе послѣ шуточекъ Страницкаго стали бы чего-то стыдиться, а мнѣ не стыдно. Для меня этотъ камень — алтарь. Побывать у него — помолиться. Это недалеко. Видите?

Словно избывая какое-то до тѣхъ поръ скрытое напряженіе, Ольга закинула руки за голову, потянулась всѣмъ тѣломъ, и это движеніе было строго-красивымъ, граціозно оправданнымъ подъ взглядомъ едва знакомаго человѣка. Стала теперь словно выше, стройнѣе, свободнѣе въ каждомъ жестѣ, тяжесть съ себя сбросила. Она теперь владѣла собой лучше, чѣмъ Алексѣй, взволнованный силой прибоя-чувства: всѣ эти дни оно набѣгало чуть-говорливой волной, теперь вздыбилось высокимъ, радужнымъ гребнемъ. Любитъ. Нѣтъ иного имени его волненію.

— Ради этого алтаря вы и не спѣшите изъ Ниццы?

— А что же! Недурной предлогъ! Только не говорите о немъ папѣ или Клочко. Владиміръ Федоровичъ «въ ноль минутъ, въ ноль секундъ» со орудитъ тамъ, у васъ на «станціи», подобіе такого же алтаря. Меня бомбардируютъ письмами, но что я могу подѣлать, если у моей Кэтъ не нашлась еще удачная жилица на вторую половину комнаты. Ради меня Кэтъ бросила выгодные уроки, а теперь и на комнатѣ ее же разорять. Найдется для Кэтъ жилица, тогда поѣду.

Говорила по дорогѣ больше Ольга. У нея довольно низкій, грудной голосъ, теплыя нотки. Слово-другое Алексѣя,—и снова для него радость вслушиваться въ этотъ голосъ, ждать новыхъ интонацій и своихъ догадокъ за ними.

... такъ ли она любитъ Кэтъ? Можетъ быть, и очень плохо любитъ, но всѣ другіе — люди, какъ люди, а Кэтъ - озлобленная, горбатая. Быть цѣлыми вечерами съ Кэтъ, по правдѣ сказать, невыносимо, а взять такъ и уѣхать—точно ударить ее. Въ концѣ концовъ Кэтъ, пожалуй, тоже предлогъ, какъ и этотъ «алтарь».

Посмотрѣла на Алексѣя, взглядомъ избавила его отъ вопроса, который просится, но немыслимъ.

— Удивляетесь? Ну такъ не удивляйтесь. Причина — вы. Я была бы такъ рада, если бы папѣ дали эту работу французы. Счастье. Удача. А ваша «станція!..» Да я уже вамъ говорила. Не думайте, что шутила. Папу я понимаю. Папа слишкомъ старъ, чтобы выбирать. Синекура, такъ синекура. Будь прежнее время, засѣдалъ бы онъ въ совѣтѣ адмиралтейства, гдѣ дѣла еще меньше, чѣмъ на вашей «станціи». Антипычъ — тоже естественно. Съ него никакого спроса. А на мѣстѣ Владиміра Федоровича я бы!.. вы понимаете?

— Простите, но не понимаю.

— Просто не хотите понимать! Отлично понимаете. Какое-то униженіе все-таки въ этомъ есть. Отказаться было бы смѣшно, но зачѣмъ онъ такъ обрадовался! Нѣсколько дней отъ меня скрывали,

«сюрпризъ» мнѣ съ папой сдѣлали: «устраивается наконецъ совмѣстная жизнь». А я сижу здѣсь и дожидаюсь, когда какая-то досада уляжется, отойдетъ. Когда-нибудь, придется, поѣду. Теперь понимаете?

— Во всякомъ случаѣ моей вины тутъ ни капли.

— Васъ я и не виню. Вообще никого не виню. Если кого винить, такъ одну меня: сама передъ собой виновата, такая родилась, вѣрнѣе, время меня такой сдѣлало. Вотъ и сейчасъ .. развѣ стоило вамъ же объ этомъ говорить?

— Безусловно стоило. Я постараюсь дать вамъ доказательства, письма изъ Америки. Работа вашего отца и Владиміра Федоровича вовсе не синекура...

Ольга засмѣялась, замахала рукой.

— Не старайтесь! Совершенно лишнее! Что — доказательство для мужчины, то для женщины только... лишнее доказательство, что никакихъ доказательствъ нѣтъ! Тяжеловато вышло, но какъ разъ то, что нужно. Нѣтъ. Ужъ вы вашу Америку не безпокойте ради меня письма писать! А вы скоро туда ѣдете?

Сколько разъ Алексѣй за послѣднія недѣли безъ смущенія придумывалъ новую ложь въ отвѣтъ на этотъ вопросъ или пользовался готовой ложью о «дѣлахъ», задерживающихъ его во Франціи. Тутъ смутился. Что-то подсказало ему: отвѣчай правдой.

— Могъ бы ѣхать, когда захочу. А, когда захочу, не знаю. Пока я вольная птица. Это и есть вашъ «алтарь?»

— Да.

На каменномъ кругу—крестомъ стрѣлки четырехъ странъ свѣта. Между ними—пучки другихъ стрѣлокъ, и каждая отмѣчена именемъ города, въ сторону котораго указываетъ ея остріе.

— Мусульмане молятся въ сторону своей Мекки, я—по этой стрѣлкѣ. Развѣ непонятно? Люблю Петербургъ! Мой Петербургъ!

— Никогда тамъ не былъ. Москву знаю.

— Неужели никогда не были! А я закрою глаза—и уже тамъ, на набережной. Кто не видѣлъ, тотъ до конца не пойметъ! Вотъ—вашъ Нью-Іоркъ. Совсѣмъ въ другую сторону. Туда не хочу. Не была, не знаю его, а заранѣе не нравится. Смѣшно... стою въ другомъ мѣстѣ, — сѣверъ не люблю, югъ люблю, и западъ какъ будто люблю больше востока, а здѣсь... сѣверъ и востокъ — самые любимые! Правда, странно?

Въ мысляхъ у Алексѣя—готовый отвѣтъ, давнее наблюденіе надъ самимъ собою:

— А я скажу, почему. Вы просто не разучились еще чувствовать страны свѣта по-русски... по-петербургски. Оттуда, съ сѣвера, тянуло на югъ, къ солнцу, и на западъ, къ новизнѣ, за границу. То или не то?

— Пожалуй, то. Это остроумно. Я вообще все по-русски чувствую .. Пошли обратно?

— Какъ прикажете

Внизъ шли быстро, а то и бѣжали по легко ускоряющимъ шагъ дорожкамъ. Чуть отставая отъ Ольги, Алексѣй любовался ею, бросалъ неслышныя ей слова восхищенія, и бѣгъ былъ удачнымъ прикрытіемъ еле сдерживаемаго волненія.

Внизу Ольга взяла его подъ руку, шутливо притворилась, будто изнемогаетъ.

— А съ вами дѣйствительно можно играть въ пятнашки! Ноги молодыя. Теперь подавайте вашу машину и ѣдемъ... куда бы намъ поѣхать?... въ Монте-Карло? Не все же вамъ вашу баронессу катать. Видѣла васъ, нѣсколько разъ видѣла!

— Почему «моя» баронесса? Скорѣе ужъ ваша. Вы меня съ ней познакомили, вы съ баронессой «загулять» собирались...

— Такъ же серьезно, какъ ѣхать съ вами въ Монте-Карло. Старая баронесса — такая же калѣка, какъ и ея дочь. Пожалуй, даже болѣе жалкая. Кэтъ, хоть злючка, а баронесса довольна сама собой. Вы слышали, какъ съ ней Страницкій разговариваетъ? Съ ума можно сойти. Я не выдерживаю. Вы только не думайте, что я такая жалостливая. Не люблю жалкихъ, а что-то есть...

какъ будто я въ какомъ-то долгу передъ ними! Потому ли, что молодая, здоровая, никому не смѣшна и не кажусь уродомъ. А всего больше сердитъ своя же собственная неискренность. Въ концѣ концовъ ни въ чемъ я передъ ними не виновата.

Двое мальчишекъ, взявшихся посторожить автомобиль Алексѣя, превратились въ цѣлую банду. У каждаго — жадные глазенки и протянутая за монетой рука. Мелочи у Алексѣя не было. Далъ одному изъ нихъ десятифранковый билетъ, и мальчишекъ, какъ волной, смыло съ машины: вотъ-вотъ разорвутъ не другъ друга, такъ деньги.

— Если Монте-Карло отмѣняется, куда прикажете?

— Куда хотите. У меня ужъ очень неинтересно. Сразу десятокъ соглядатаевъ. Если вы — домой, я сойду на набережной.

— Я домой не собирался. Хотите... къ вашимъ? Туда всего полтора часа. Не больше.

Алексѣй ждалъ шутливаго отказа. Ольга взглянула на него пристально и серьезно, не сразу отвѣтила.

— Хорошо. Если вы «свободны, какъ птица», ѣдемте. Только вы же доставите меня обратно въ Ниццу. Видите, что значитъ приглашать, не подумавъ. Воображаю, тамъ будетъ удивленіе: прикатили два «занятыхъ» человѣка! Поѣдемте.

Гдѣ только позволяло движеніе на шоссе, Алексѣй пускалъ машину со всей возможной быстротой, а Ольга, слѣдя за стрѣлкой указателя скорости, дѣтски радовалась, когда стрѣлка дрожала на большихъ цифрахъ... 100... 105... еще, еще... 108... и досадовала на встрѣчныя машины и экипажи, когда стрѣлка сникала... только 65...

Алексѣй разсказывалъ, какъ онъ участвовалъ въ автомобильныхъ гонкахъ на кругу. Сначала это увлекало, но скоро стало скучно. Кругъ убилъ азартъ. Всегда впередъ — другое дѣло. Такъ и въ жизни. Большинство людей, какъ профессіоналы-гонщики, предпочитаютъ мотаться по кругу. Побѣдить-то побѣдилъ, а оказался на томъ же самомъ мѣстѣ.

— А вамъ нужны перемѣны, новенькое? Фантазеръ?

— Какъ-разъ наоборотъ. Плохой фантазеръ. Не умѣю, болтаясь на кругу, воображать, будто покрываю живое пространство. Я знаю одного почтоваго авіатора въ Америкѣ. Два года возитъ тюки съ почтой между Нью-Іоркомъ и Филадельфіей и съ гордостью подсчитываетъ: три раза облетѣлъ вокругъ земли. Это вотъ — фантазеръ! Вы — тоже фантазерка у вашей стрѣлки на Петербургъ. Меня такая стрѣлка не гипнотизируетъ.

Ольга задумалась.

— Люди бываютъ разные. Когда вы про кругъ говорили, я была съ вами совсѣмъ согласна. Я бы тоже не могла болтаться по кругу. А стрѣлка моя.. Тутъ ужъ вы меня не понимаете. Можетъ быть, и правда, что я — фантазерка.

Ольга удивилась, когда изъ-за поворота показалась группа виллъ въ районѣ постройки мола.

— Какъ?! Уже?! А что, если я раздумала! Жаль, что шоссе не гоночный кругъ Была бы не ваша «станція», а Ницца.

Алексѣй взглянулъ на Ольгу пристальнѣе и сказалъ болѣе подчеркнуто, чѣмъ самъ хотѣлъ:

— Нѣтъ! Все впередъ!

И у Ольги взглядъ удивленно-пристальный. Она надѣляетъ эти слова особымъ смысломъ, общимъ у нея и у Алексѣя. Его полу-намекъ становится осознанной мыслью, и хочется усилить эту обѣщающую мысль новыми словами, новой понятной недосказанностью. Ольга не оставила слова Алексѣя безъ отвѣта:

— Все впередъ и всегда съ такой же скоростью? Не слишкомъ ли рискованно?!

— Думаете, голова закружится, голову разобью? При болтаньѣ на кругу такой рискъ гораздо больше. А скорость?.. Опытъ показалъ, что вы не противъ большой скорости... знаете, сколько времени мы ѣхали? Часъ восемнадцать.

Дома былъ только адмиралъ. Клочко и матросы—въ морѣ. Старикъ Казариновъ садовничалъ возлѣ терассы, убирая домъ по фасаду цвѣтами.

Увидѣлъ ихъ. Еще издали погрозилъ Ольгѣ пальцемъ.

— А вы увѣрены, милостивая государыня, что васъ здѣсь принимаютъ?! Добрый день, Алексѣй Алексѣевичъ! Руки, простите, не могу подать. Очень рады! А пассажиркѣ вашей - нахлобучка. Наконецъ-то раскачалась! Цѣлуй ужъ, такъ и быть!

Ольга завертѣла отца на дорожкѣ, а онъ, безпомощно разставивъ перепачканныя влажной землей руки, не въ силахъ ее остановить.

— Всѣмъ бы, Алексѣй Алексѣевичъ, эта госпожа была похожа на Пенелопу: заплететъ, распуститъ и опять заплететъ, а мы разбирайся въ ея хитросплетеніяхъ: гдѣ кончается пресловутая Кэтъ, и гдѣ начинаются причуды моей стрекозы! Только Пенелопа все это дома продѣлывала, а моя стрекозка какъ-разъ наоборотъ.

Адмиралъ опять въ ласковомъ плѣну дочернихъ рукъ, дѣлаетъ видъ, что сердится, но не выдерживаетъ притворно-сердитаго выраженія.

— Неудачныя сравненія, папа! У той Пенелопы былъ полонъ домъ жениховъ. Стоило сидѣть дома. А тутъ — вы, два Одиссея, съ которыми я еще успѣю насидѣться. Гдѣ же второй Одиссей? Въ далекомъ плаваніи?

— Скоро уже должны обратно быть. Да заштилѣло. Навѣрное, на веслахъ идутъ.

Безсознательно ревнивая, наблюдательная мысль Алексѣя уже не разъ ловила холодокъ къ жениху въ словахъ Ольги. Намѣренно это или искренне? Теперь ему вновь показалось: она рада, что Клочко нѣтъ дома.

Разговоромъ на терассѣ владѣла Ольга. Она предупреждала многія слова отца, уводя разговоръ въ другую сторону, словно намекала: не надо объ этомъ, «нашемъ», при постороннемъ человѣкѣ. Но Алексѣй слышалъ другое: «сейчасъ не хочу объ этомъ думать, сейчасъ не надо вспоминать объ ожидающей меня здѣсь комнатѣ, ни о чемъ здѣшнемъ.»

Когда адмиралъ заговорилъ съ Алексѣемъ о начатой въ морѣ работѣ, Ольга слушала серьезно,

не повторила своихъ шутокъ надъ «мореходами». Она не улыбнулась, когда на вопросъ Казаринова о «дѣлахъ» Алексѣй отвѣтилъ безразлично:

— Ничего. Просто ждать приходится. Это дѣла не обременительныя.

Скрывъ о своей прогулкѣ съ Страницкимъ, Ольга разсказала отцу о случайной встрѣчѣ съ Алексѣемъ на холмѣ Шато, подчеркнувъ, что это — ихъ первая встрѣча послѣ знакомства. Шутливо обѣщала посоперничать съ старой баронессой во «флертѣ» съ автомобилемъ Старогорскаго: не все же одной баронессѣ кататься. Спросила отца, сколько онъ ассигнуетъ ей на одинъ штурмъ рулетки въ Монте-Карло. Поѣздка туда обѣщана, и Алексѣй Алексѣевичъ отъ нея не отвертится. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Говорила о близкомъ оперномъ сезонѣ въ Ниццѣ: и Орлова, и Смирновъ, а можетъ быть, даже Шаляпинъ. Она непремѣнно пойдетъ.

На короткое время Алексѣй остался па верандѣ одинъ. Изъ комнаты адмирала былъ слышенъ его негромкій, ровный голосъ и ласковый смѣхъ Ольги. Самихъ словъ не слышно, но едва ли между отцомъ и дочерью серьезное объясненіе.

Потомъ втроемъ пошли на берегъ. Ждали шлюпку съ Клочко и Антипычемъ. Они дѣйствительно шли на веслахъ по солнечному маслу заштилѣвшаго моря. Съ лодки замѣтили группу ожидающихъ. Лейтенантъ на рулѣ измѣнилъ курсъ вблизи берега. Антипычъ и Марсель налегли на весла и, по сигналу лейтенанта, дружно салютовали ими по военному. Еще поворотъ—и къ пристани.

Въ глазахъ у Клочко — восторженная нѣжность, только подчеркивающая мужественность его лица.

— Ура кричать?! Совсѣмъ къ намъ на бортъ?! Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ!

— А, если не совсѣмъ, то ура не полагается? Вотъ, папа, какіе вы Одиссеи! Хорошій бы Одиссей стрѣлой на берегъ лодку швырнулъ, а они по морю пируэтами передъ Пенелопой ходятъ! Спасибо Антипычъ за службу!

Матросъ радостно ухмыльнулся, сказалъ-гаркнулъ:

— Рады стараться, Ольга Дмитріевна!

Клочко поцѣловалъ руку Ольгѣ, привѣтливо поздоровался съ Алексѣемъ. Шли къ дому группой. Общія фразы — обычный разговоръ близкихъ людей при едва-знакомомъ. Теперь уже вопросы лейтенанта Ольгѣ предупреждены адмираломъ. Адмиралъ даже на часы взглянулъ, не пора ли ей обратно, въ Ниццу.

Догналъ ихъ убиравшій шлюпку Марсель, — пошли шутки надъ французикомъ, надъ его разговорами съ Антипычемъ, надъ курьезными вкладами Антипыча во французскій лексиконъ. Не гость и не хозяева, центръ вниманія — оба матроса. Ольга и Клочко наперебой добродушно потѣшаются надъ мальчуганомъ и надъ годящимся ему въ отцы Антипычемъ, двумя пріятелями. Хотя адмиралъ и Алексѣй какъ-будто въ сторонѣ, но дальше общихъ шутокъ надъ матросами не идетъ естественная близость жениха и невѣсты въ разговорѣ.

Возлѣ дома Ольга задержала всю группу у автомобиля, не зашла больше на «станцію».

Пора ѣхать. У нея — ключъ отъ ихъ общей съ Кэтъ комнаты, не заставлять же Кэтъ ждать въ корридорѣ.

— Просите господа Алексѣя Алексѣевича еще разъ доставить меня къ вамъ и самому доставиться. Назначимъ день и часъ. Пусть пріѣздъ не будетъ экспромтомъ, какъ сегодня. Въ море пойдемъ.

Уговорились, что пріѣдутъ послѣзавтра съ утра. Недолгое прощанье. Клочко сказалъ: — До послѣзавтра! Адмиралъ:—Съ Богомъ!

Алексѣй велъ машину ровнымъ, не быстрымъ ходомъ. Долго ѣхали молча.

— Хотите быстрѣе?

— Не стоитъ. Такъ хорошо.

Опять долгое молчаніе. Его нарушила Ольга:

— Клочко очень, очень славный человѣкъ!

— Да, очень симпатичный.

Женихъ Ольги не сталъ темой для разговора. Ольга молчалива. Теперь она иногда задаетъ ко-

роткіе вопросы, а Алексѣй разсказываетъ о себѣ, о студенческихъ годахъ сначала въ Англіи, потомъ въ Америкѣ, о нью-іоркской жизни. Это—продолженіе того же разговора-знакомства, только теперь съ собой знакомитъ Ольгу Алексѣй. Ея вопросы — толчки къ понятной откровенности, къ понятнымъ параллелямъ:

... если у него и нѣтъ такого же «алтаря», какъ у Ольги, то это вовсе не значитъ, что его не можетъ быть. Онъ не считаетъ себя ни ограниченнымъ, ни тупымъ, но иногда готовъ себя признать... пустымъ человѣкомъ. Конечно, тоже не въ обидно-безнадежномъ смыслѣ. Просто не случилось стать всецѣло захваченнымъ чѣмъ-нибудь. Стрѣлки, какъ тамъ, на горѣ, ведутъ вѣдь не только къ городамъ. Могутъ вести къ большимъ, увлекающимъ задачамъ, къ искусству, къ любимому человѣку. Появится въ его жизни такая стрѣлка, – и, навѣрное, конецъ этой пустотѣ. Будетъ тоже «алтарь» на горѣ...

Ольга слушала его внимательно, склонившись въ его сторону, смотрѣла на его руки за рулемъ. Алексѣй чувствовалъ этотъ взглядъ такъ реально, будто она касалась его рукъ своей рукою. Близъ того мѣста на шоссе, гдѣ двѣ недѣли назадъ Алексѣй обогналъ ее съ отцомъ, Ольга спросила его:

— Помните тогда... на этомъ мѣстѣ... вы вѣдь хотѣли остановить машину?

— Минута была—хотѣлъ.

— Хорошо, что не остановили! Тогда бы навѣрное не было ни вашей «станціи» для папы, ни этой нашей прогулки.

— Эта мысль меня тогда и удержала.

У этого отвѣта былъ двойной смыслъ. Алексѣй чувствуетъ, что и Ольга больше думаетъ о «прогулкѣ», чѣмъ о «станціи для папы». Эта увѣренность его радостно волнуетъ, подсказываетъ, что впереди еще столько поводовъ къ такимъ же одинаково понятымъ, хоть и не сказаннымъ, словамъ. Стоитъ вернуться къ стрѣлкѣ скоростей, и такія слова будутъ...

Маленькое наблюденіе: въ ту сторону моя пассажирка была требовательнѣе къ этой стрѣлкѣ, чѣмъ на обратномъ пути. Хотите, пойдемъ быстрѣе? Машинѣ нѣтъ необходимости беречь силы на утро послѣзавтра.

Въ первый разъ послѣ «станціи» Ольга отвѣтила шуткой:

— Намекъ на то, что пассажирка надоѣла шоферу? Галантно, галантно!

— Ехидно, ехидно!—въ тонъ Ольгѣ отвѣтилъ Алексѣй.—А, можетъ быть, шоферъ освѣдомляется, не надоѣлъ ли онъ пассажиркѣ. Скорость въ такихъ случаяхъ выручаетъ именно пассажирку. Домчали, и ступай шоферъ на всѣ четыре стороны. Я зналъ въ Америкѣ даму, которая на уговоры хозяевъ дома «посидите» всегда ссылалась на своего шофера: не хочетъ его задерживать.

— Сердобольная дама!

— Но, повѣрьте, ей не было ровно никакого дѣла до ея шофера.

— Умница-дама! И уѣзжала, когда хотѣла, и репутацію заботливой о слугахъ хозяйки поддерживала. Въ первомъ я оказалась похожа на вашу американскую даму, а дальше... вы вѣдь не слуга. Сами хозяинъ вашихъ скоростей. Хотите, мчитесь, хотите нѣтъ. Я нахожу, что мы...

Она не договорила фразу, и снова мысль Алексѣя, торжествующе увѣренная въ совпаденіи съ мыслью Ольги о близости между ними, подсказываетъ:

— ...мы идемъ быстро, и мы оба рады этой быстротѣ, которая кружитъ голову. Теперь нашу растущую близость уже не остановить.

Мъ далекой еще Ниццѣ зажигались первые огни. Двумя слитыми огнями брызнулъ передъ собой и «Фіатъ». Этотъ свѣтъ вдругъ густитъ сумракъ въ темноту. Рука коснулась руки, протянувшись къ штепсельку отъ фонарей, и эта встрѣча рукъ невольно продлена и Алексѣемъ, и Ольгой.

Не сегодня.

Мчались, словно сознавая, что на-сегодня — уже предѣлъ. Мчались навстрѣчу общему завтра.

Въ городѣ Ольга указала дорогу къ своему пансіончику.

— Спасибо за прогулку! Гдѣ же условимся о слѣдующей, послѣзавтрашней? Хотите, завтра въ часъ—самая жарища – на набережной?

— Отлично. Доброй ночи!

Алексѣй поцѣловалъ Ольгѣ руку. Она улыбнулась.

— Такъ какъ же?.. это мнѣ понравилось!.. все впередъ?!

— Конечно! Всегда впередъ!

IX

На столахъ въ комнатѣ Алексѣя — цѣлый посудный магазинъ: судки, судочки, мисочки, десятокъ тарелокъ, два хрустальныхъ графинчика съ виномъ.. Такъ не бывало раньше, когда онъ пропускалъ завтраки и обѣды въ пансіонѣ. Слѣдомъ за нимъ – въ комнату баронесса въ сопровожденіи нагруженной подносами горничной. Въ рукахъ у баронессы – чашка шеколада. Баронесса шутитъ:

— A little punition! Конечно, гораздо интереснѣе de diner à deux avec la petite Olga Kazarinoff, но сегодня mon jour de naissanee, и я заставлю васъ скушать все, все, même if Jou are not hungri!

Алексѣй поздравилъ баронессу. Если бы онъ зналъ, что сегодня такой торжественный день, его бы не пришлось «наказывать». Но самого «наказанія» онъ не боится. Онъ не страдаетъ отсутствіемъ аппетита.

Баронесса погрозила пальчикомъ. Говорила о молодости, питающейся только розами и вѣтеркомъ, снова упомянула объ Ольга Казариноффъ и снова погрозила пальчикомъ.

У Алексѣя брезгливость къ ея сладко-пошловатымъ намекамъ и въ то же время неудержимая радость соединенію именъ его и Ольги.

Остался одинъ. Подумалъ о томъ, что ни онъ, ни Ольга не ѣли цѣлый день. Какъ это ему въ го-

лову не пришло раньше... Выпилъ вина. Не притронулся ни къ одному блюду.

... баронессѣ объ ихъ встрѣчѣ съ Ольгой, конечно, назвонилъ Страницкій. Ясно... что это могло быть у нея со Страницкимъ на горѣ?.. Вотъ, мерзавецъ! А у него, Алексѣя, никакихъ правъ узнать, что произошло, осадить «шута гороховаго!..» Какое чудо—Ольга, такая славная, милая!.. нѣтъ, это баронессино слово «милая». Ольга хорошая: ни слова, ни жеста лжи! Онъ въ первый разъ встрѣчаетъ такую, любитъ въ первый разъ!.. Какъ странно: кромѣ первыхъ минутъ ни онъ, ни Ольга ни разу не назвали другъ друга полнымъ именемъ. Онъ не хочетъ «Ольга Дмитріевна». Можетъ быть, и она не хочетъ «Алексѣй Алексѣевичъ». Можетъ быть, и у нея есть уже для него ласковое имя, такое же, какъ непроизнесенное имъ «Елонька...» Все впереди! Конечно же, она думала объ ихъ близости, иначе бы такъ не смотрѣла. Все впередъ! Значитъ, завтра, въ часъ...

Ворвалась и сразу же прогнала ревнивая мысль о женихѣ-лейтенантѣ. Не надо. Алексѣй не хочетъ о немъ думать.

Пусть бы пришла опять баронесса, болтала бы о «вѣтеркѣ и розахъ». Ну и пусть «розы!» Развѣ онъ не накупилъ бы для Ольги ворохъ розъ, какъ всякій влюбленный, если бы уже смѣлъ это сдѣлать. Конечно, накупилъ бы, какъ всѣ, хотя бы и пошляки. Нѣтъ пошлости, если есть Ольга! Пусть пришла бы опять баронесса... или даже Страницкій со своимъ «гаснутъ дальней Альпухары...»

Не пришла баронесса, не пришелъ Страницкій. Не приходилъ долго и сонъ...

На самомъ солнцѣ, на одной изъ скамеекъ набережной Алексѣй ждалъ обѣщаннаго Ольгой часа. Увидѣлъ ее издали, поднялся навстрѣчу.

— Вашъ шоферъ сегодня безъ машины. Она въ большой стиркѣ. Готовится къ завтрашней поѣздкѣ. Шоферъ въ отпуску.

Именно такой заранѣе представлялъ Алексѣй первую улыбку Ольги.

— Шоферъ собрался прокатиться бариномъ въ такси съ безработной цвѣточницей? Будемъ ѣсть мороженное и пить лимонадъ. А вы знаете, меня опять чуть не запрягли сегодня крутить проволоку! Кэтъ закапризничала. Кто-то сказалъ, что у меня выходило лучше, и довольно. Хоть бы замужъ кто-нибудь взялъ эту Кэтъ! Но вы, мужчины, такой народъ, что скорѣе осчастливите собой старуху-баронессу, чѣмъ горбатенькую. И горбикъ-то у Кэтъ малюсенькій! Кто полюбитъ, тотъ и не замѣтитъ. А вотъ видятъ сначала горбъ, а потомъ уже Кэтъ, и не любятъ. Полюбили бы, она была бы чудная!.. Гдѣ же мы будемъ ѣсть мороженное?

— Какая тонкая нахлобучка за вчерашнее! Явился я домой и тутъ только понялъ, какъ приморилъ я васъ голодомъ. Въ пансіонѣ за время нашей прогулки накопилось моихъ порцій на цѣлый полкъ солдатъ.

— И вы все съѣли! Хорошо все-таки жить у баронессы! У насъ въ пансіонѣ хоть бы крошечку оставили. Удостоилась даже выговора. Нѣтъ! Довольно жить бобылкой неприкаянной! Надо скорѣе къ папѣ подъ крылышко. Только и папа вѣдь не подумалъ вчера насъ накормить. Вчера все вообще вверхъ дномъ было.

— Сегодня давайте жить по расписанію? Гдѣ мы будемъ завтракать?

— А непремѣнно нужно завтракать. Пойдемте, гдѣ меньше публики.

Сегодня Ольга задумчивѣе, меньше говоритъ, не возвращается къ шутливому тону, но для Алексѣя не меньше, чѣмъ наканунѣ, внятны шаги ихъ близости. Ольга вспоминаетъ о своей матери—она умерла два года назадъ—и спрашиваетъ, живы ли родители Алексѣя. И кажется Алексѣю, что, будь на его мѣстѣ вовсе чуждый Ольгѣ человѣкъ, Ольга не говорила бы съ нимъ о своей матери такъ тепло, не соединяла бы память о ней съ признаніями о самой себѣ:

— У насъ былъ знакомый такой... Васенька съ большими усами, и всѣ его называли «Какъ мамаша». Смѣшно, когда такой усатый мужчина шагу

не можетъ безъ спроса у матери ступить. А теперь я немножко понимаю этого Васеньку! Если бы мама была жива, я бы ни о чемъ не стала думать, и такъ хорошо было бы на время стать безголовой «Какъ мамой!..» Съ папой совсѣмъ не то. Папа для меня, какъ ребенокъ. Къ нему ни съ какимъ вопросомъ не придешь. А попробуешь прійти, только еще больше запутаешься. Страннѣе всего: я отлично знаю, что папа куда умнѣе мамы. И все-таки... Одной иногда трудно!

Въ маленькій ресторанчикъ, гдѣ они завтракали, зашла съ улицы старуха-цвѣточница. Алексѣй взялъ у нея бѣлыя розы, молча протянулъ цвѣты Ольгѣ. Она молча же положила ихъ передъ собою на столъ. Отъ вина Ольга отказалась. Съ комично-виноватой улыбкой согласилась: еще мороженнаго. Если бы она была большой и богатой, она питалась бы только мороженнымъ. Для нея было праздникомъ въ дѣтствѣ, когда у нея вырѣзали гланды. Тогда ей одной принесли цѣлую форму мороженнаго отъ Берренъ. Давно это было!

— Мнѣ жаль тѣхъ людей которые не были маленькими! Понимаете?

— Да, пожалуй, понимаю. Не ваше «жаль», а то, о какихъ людяхъ вы говорите. Не задумывался объ этомъ никода, но я самъ, пожалуй, одинъ изъ такихъ людей. Все мое дѣтство для меня только маленькій комочекъ времени. Вамъ меня не жаль?

Ольга покачала головой.

— Васъ? Нѣтъ.

— Вы думаете, что я говорю неправду о своемъ дѣтствѣ?

— Нѣтъ. Думаю, что — правду. Только въ васъ я не чувствую того, что въ другихъ людяхъ безъ дѣтства. Вы не такой... не знаю, какъ сказать...

Алексѣй разсмѣялся:

— Я не безнадежный? Навѣрное, я могу еще впасть въ дѣтство?

Ольга подумала и отвѣтила серьезно:

— Можетъ быть, и такъ. Чужая душа — потемки. А вы, кромѣ того, совсѣмъ особенный.

Только не возгордитесь, Богъ знаетъ, что о себѣ не подумайте. Просто, вы ни въ одинъ нашъ здѣшній русскій ящичекъ не укладываетесь. Русскій съ собственнымъ автомобилемъ. Захотѣли, цѣлую гидрографическую станцію создали! Я уже привыкла, что всѣ здѣсь или шоферы на такси, или газетами торгуютъ, коробочки выжигаютъ, цвѣты дѣлаютъ... А вы, какъ мы ребятами говорили, «не по-правдашному» какой-то. Точно кто-то васъ только этой весной придумалъ... спеціально для папы! Вы не изъ такихъ людей, которыхъ можно жалѣть.

Алексѣй восхищается и завидуетъ легкости и простотѣ, съ какой говоритъ Ольга. Онъ впитываетъ ея русскую рѣчь, отгоняетъ всякую другую изъ языка своихъ мыслей, не всегда русскаго. Самъ онъ говоритъ мало, невольно медленно, словно учась у Ольги тѣмъ словамъ, что хлынутъ неудержимо, едва станетъ не нужно больше скрывать свою мысль-любовь.

Онъ улыбнулся.

— Не думалъ, что я для васъ «не по-правдашному». А это плохо или хорошо?

— И такъ, и такъ бываетъ. Вы не разсердитесь на сравненіе... этотъ... Страницкій тоже «не по-правдашному», только совсѣмъ иначе, чѣмъ вы. Онъ, знаете, на самомъ дѣлѣ точно угадываетъ время по папиросамъ. Я провѣряла его совершенно неожиданно, и онъ никогда не ошибался больше, чѣмъ на минуту, на двѣ. Живая машина! Страницкій тоже ни въ какой ящищекъ не укладывается. Васъ... не знаю, а Страницкаго мальчикомъ я никакъ вообразить не могу. Попробую представить и вижу: сидитъ почти такой же, какъ теперь, Страницкій, только въ дѣтскомъ костюмчикѣ, и обрываетъ мухамъ крылья! Почему такъ, не знаю. Я ничего плохого о немъ не слышала. Здѣсь, въ Ниццѣ, онъ помогъ нѣсколькимъ бѣднякамъ и такъ просто, безъ всякаго афишированія. Я только случайно, стороной объ этомъ узнала. Странный!

— Больше, чѣмъ странный. Если судить по тому, что баронесса вчера уже знала о нашей съ

вами встрѣчѣ, господинъ Страницкій не безъ фантазіи.

Ольга поморщилась.

— Одна стоитъ другого! Баронесса тоже не страдаетъ отсутствіемъ фантазіи. Ей довольно фактика, чтобы.. и не одна баронесса здѣсь такая!.. Алексѣй Алексѣевичъ, я сегодня утромъ подумала и рѣшила, что мы отложимъ нашу поѣздку туда... къ папѣ. Такъ, разныя у меня соображенія. А, чтобы тамъ не безпокоились, я съѣзжу по желѣзной дорогѣ одна. Я все равно бы не смогла вамъ точно назначить время. Хорошо?

Взяла со стола цвѣты, приблизила ихъ къ лицу, — видны только глаза.

— Какъ васъ больше устраиваетъ.

Алексѣй сначала отвѣтилъ и только тогда сталъ искать разгадку словъ Ольги въ ея жестѣ, скрывшемъ губы и словно подчеркнувшемъ глаза. Въ этихъ глазахъ не одна, а десятки разгадокъ-колебаній. Впервые глаза Ольги безпомощны, но нѣтъ въ нихъ вопроса Алексѣю. Вопросы ея — тамъ... на «станціи».

Чувствуетъ Алексѣй:

Если бы въ эти глаза смотрѣлъ сейчасъ лейтенантъ Клочко — только умѣетъ ли онъ ихъ понимать — онъ прочелъ бы приговоръ былому чувству къ нему Ольги. Лишь на моменты, не измѣняя зову сердца, эти глаза пробуютъ произнести приговоръ Алексѣю и пощадить уже нелюбимаго. Нестрашный приговоръ. Больше всего эти глаза не хотятъ неправды, и этимъ вновь отогнала мысль о возможности брака-пощады.

— Позволите?

Алексѣй налилъ вина въ пустой бокалъ Ольги.

— Какой же тостъ?

— Не тостъ... не знаю, какъ назвать... вѣрнѣе, память... вы такъ хорошо сейчасъ говорили... память вашей матери! Простите. Я знаю, что здѣсь не мѣсто...

Ольга взяла бокалъ. Поблагодарила взглядомъ.

— Почему? Для памяти о мамѣ мнѣ всюду мѣсто. Мама для меня всегда живая. Сейчасъ мы

пьемъ съ ней изъ одного бокала... Знаете, что это означаетъ? Узнать мысли другъ у друга. Какъ-разъ время!

Коснулась своимъ бокаломъ бокала Алексѣя: — Спасибо за маму! — Пила медленно, задумчиво, будто на самомъ дѣлѣ вслушивалась въ мысли матери въ налитомъ Алексѣемъ винѣ. На Алексѣя не взглянула ни разу, пока не сталъ пустымъ ея бокалъ. Подняла бокалъ. Глаза неожиданны: они смѣются. А голосъ серьезенъ:

— Теперь вы не подумайте, что я шучу не къ мѣсту... Мама вѣдь живая, маму можно потрепать обнять за шею, наговорить ей всякихъ глупостей, и она ничуть не разсердится. Сейчасъ у мамы, у самой въ этомъ бокалѣ такія какія-то... пьяненькія мысли! Ничего не поймешь! Мы съ ней слишкомъ плохо подѣлили вино: мама только пригубила, а я... весь вашъ бокалъ выпила!.. Зато я отнесу сейчасъ ей эти цвѣты. Можно?

Ольга встала. Они вышли изъ ресторанчика на слѣпящую улицу. Шоферъ распахнулъ передъ ними дверцы такси. Ольга поспѣшно встала на подножку, положила цвѣты на сидѣнье, но сама не сѣла, предупредила движеніе Алексѣя.

— Когда же мы увидимся? Безъ васъ меня папа вечеромъ не отпуститъ, — значитъ, ночуй. Не ручаюсь и за послѣзавтра. Вообще ничего не знаю!..

— Въ такомъ случаѣ хорошо, что я знаю дорогу къ вашему «алтарю» и ваше любимое время для прогулокъ — «самая жарища».

— А это такія цѣнныя знанія?

— Судите по тому, что я твердо запомнилъ и мѣсто, и время.

— Просто, хорошая память.

— Недурная.

Ольга бросила шоферу — На кладбище!, Алексѣю:

— До свиданья! Спасибо за цвѣты!

Если бы въ этотъ день, и въ этотъ вечеръ, и на другой день Алексѣй спросилъ самъ себя, о чемъ онъ думаетъ, каждую минуту отвѣтъ былъ бы одинъ: Въ четвергъ, въ полдень у ея «алтаря»!

Но онъ себя ни о чемъ не спрашивалъ, и ему казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ. Онъ выбралъ себѣ лонгшезъ въ саду пансіона, лежалъ, безразличный къ солнцу и тѣни. Не двигаясь съ мѣста, онъ отказывался то въ одиночествѣ, то по сосѣдству съ врагами солнца, то среди упорныхъ сторонниковъ загара.

Утромъ въ четвергъ Алексѣй не могъ, не сталъ ждать полдня. Еще не было десяти часовъ, когда онъ поднимался по холму Шато, къ «алтарю» Ольги. Увидѣлъ ее издали. Ольга стояла у камня, не глядя въ сторону Алексѣя, не обернулась, пока онъ не подошелъ.

— Вернулись? Какъ прокатились?

Ольга отвѣтила не сразу, не протянула руку и, лишь отвѣтивъ, въ первый разъ взглянула на Алексѣя.

— Я никуда не ѣздила... не смогла!

Кажется, около камня-компаса были еще и другіе люди, нѣсколько человѣкъ. Но не стало ни людей, ни камня, ни холма-парка... Нѣтъ и словъ.

— Да?!—Весь взволнованный вопросъ Алексѣя.

И весь отвѣтъ Ольги то же безпомощное:

— Да!

Отвела взглядъ, отвела руку Алексѣя. И Алексѣй заговорилъ не сразу. У его радости нѣтъ такого давящаго спутника, какъ у мучительнаго «да» Ольги, и Алексѣй прячетъ свою радость. Думаетъ ея мыслями. На нихъ отвѣчаетъ:

— Ольга!.. Елонька! Не вы первая «не смогли» поѣхать туда! Я тоже не посмѣлъ быть тогда... какъ это... на поднятіи флага! За меня и за васъ рѣшаетъ жизнь. Вотъ она рѣшила до конца! Елонька! Вѣдь совсѣмъ рѣшила?! Я понимаю, что вамъ тяжело...

Она улыбнулась однѣми губами.

— Ничего вы не понимаете! Ну что вы понимаете!.. Все впередъ? А какъ впередъ?! Если понимаете, объясните, зачѣмъ я туда не поѣхала. Зачѣмъ посылала сказать папѣ по телефону, что не совсѣмъ здорова? Зачѣмъ?! Какъ заяцъ трусливый! Не вчера, такъ сегодня придется. Сегодня онъ обѣ-

щалъ пріѣхать. А вдругъ и сегодня я не смогу! Я уже давно должна была сказать ему.

Рука Алексѣя на горячемъ отъ солнца камнѣ. Еще горячѣе рука Ольги въ первой ея ласкѣ-прикосновеніи.

— Онъ понимаетъ! Ничего вы не понимаете! Развѣ двѣ нашихъ встрѣчи оправдываютъ меня! Сказать «конецъ» нужно было еще задолго до нашего съ вами знакомства. Вѣдь тогда уже и былъ по-настоящему «конецъ». Онъ ушелъ, — вошли вы! И какъ легко, какъ просто было бы сказать тогда «конецъ»! Какъ чиста я была бы передъ нимъ! А я молчала, допустила... Вотъ и поймите! А передъ вами развѣ я не виновата? Радость могла бы быть, если бы я не ждала, не лгала!.. А теперь?.. Куда я такая гожусь!

Глаза Ольги и улыбаются, и готовы заплакать: научи, помоги, не оставь одну съ этими вопросами.

— Елонька, родная! Мохнатые мои глаза! Только такую Елоньку и понять! Только такую и любить! Никакой въ моей Елонькѣ лжи, никакого обмана. Зачѣмъ на себя клеветать! Будемъ теперь съ Елонькой вмѣстѣ думать, вмѣстѣ рѣшать. Разъ то ушло, а я пришелъ, значитъ со мной все и дѣлить! Никакой другой радости пока не принимаю. Обманомъ была бы какъ-разъ такая радость, прыгающая весело, безъ вопросовъ. Я бы и не понялъ такую Елоньку! Была бы не моя Елонька, а баронессина «очаровательная мадемуазель Ольга». Не хочу я такую! Хочу свою Елоньку! Пусть я многаго не понимаю, не знаю — откуда мнѣ знать! — но Елонька мнѣ все разскажетъ. Не тупикъ же все это? Пойметъ же онъ?!

— Конечно не тупикъ. Сказать — и кончено. А пойметъ ли, не знаю. Многіе, очень многіе меня поймутъ по-своему... И прыгать не нужно, чтобы обо мнѣ заговорили такъ, что.. противно! Сначала вашъ автомобиль увидятъ — правда, правда! — а кромѣ автомобиля, можетъ быть, ничего. Но вѣдь это же неправда!

— Елонька! Какъ можно такъ говорить!

— Приходится. Я даже за папу не увѣрена. Одна мама понимаетъ. Сѣсть сейчасъ въ автомобиль и убѣжать. Пусть, что хотятъ, говорятъ! Только это было бы не «впередъ», а куда-то въ сторону. Не поможетъ и автомобиль!

Алексѣй поцѣловалъ ей руку, одну, другую, обѣ.

— Теперь я уже много знаю. Хочетъ Елонька, — я за нее съ кѣмъ нужно буду говорить. Или не вѣритъ, что я сумѣю? А о баронессахъ разныхъ не смѣть и думать! Если о «баронессахъ» думать, тогда дѣйствительно лучше сейчасъ-же на автомобилѣ куда-то бѣжать. Не думалъ я, что Елонька съ ними считается.

— Конечно, не въ «баронессахъ» вопросъ. А отъ Владиміра Федоровича въ скорлупку я прятаться не хочу. Мнѣ только немного силы нужно! Чуть-чуточку! Теперь эта сила уже есть. Поговорю съ нимъ, а тамъ... будь, что будетъ!

Помолчала. Спросила съ смущенной улыбкой:

— А давно ли «Елонька»?

— Давно. Хорошая Елонька!

— Не колючая? А вы... вотъ глупая!.. все равно... Лель. Вдругъ и въ самомъ дѣлѣ вы — «не по-правдашному». Такъ, сказка весенняя: Лель мой Лель, лели-лели-лели Лель... Тамъ и про елочку поется: «кто въ кусты, а кто подъ ельничекъ»!.. Съ ума посходили весною! Такой ужъ богъ этотъ Лель!

— Неужели я для Елоньки и теперь «не поправдашному»? Вродѣ Страницкаго?

Ольга вдругъ измѣнилась въ лицѣ.

— Зачѣмъ о немъ?! Зачѣмъ такое сравненіе?! Страницкій... змѣюга какая-то очковая! Не человѣкъ. Не надо о немъ!

Полузакрыла глаза, повела головой, словно отгоняя непрошенную мысль, взглянула на Алексѣя и поспѣшила ласковыми словами вернуть улыбку и ему:

— Лель совсѣмъ по-другому «невзвпраадашный». Слишкомъ хорошо! Потому и не вѣрится.

Лель, богъ веселый, зоветъ любить, любитъ!.. вѣдь любитъ?! А я какъ Фома невѣрный!..

Встрѣтились руки, будто провѣрили правду близости. Ласковость этихъ прикосновеній говоритъ больше, чѣмъ слова. Это—первые гонцы полной слитости. Она идетъ! Она будетъ!

На рукѣ Ольги - часы. Одиннадцатый часъ.

— Мамины часики! Мы не думаемъ, а они говорятъ: пора. Онъ пріѣдетъ «больную навѣстить» въ половинѣ двѣнадцатаго. Пойдемъ!

— Пойдемъ. А что часы говорили моей Елонькѣ утромъ? Тоже позвали сюда? У меня нѣтъ такихъ говорящихъ часовъ. Просто помчалъ, увѣренный, что Елонька здѣсь или придетъ сюда скоро-скоро. Теперь и я буду жить по этимъ часикамъ, маминымъ! Гдѣ же на нихъ мое время? Тутъ? Часъ? Два? Три?.. И не три?! Когда же Елонька?! Сидѣть и знать, что Елонька!.. Сидѣть одному и ждать! Развѣ у меня уже нѣтъ права быть съ Елонькой и въ эти «половина двѣнадцатаго»? Я никому не хочу уступить нашу чудную «самую жарищу». Ни одного часа не хочу уступать!

— Надо, Лель, надо. Въ послѣдній разъ!

Ольга такъ и не назначила Алексѣю часа. Если она сама не придетъ къ тремъ часамъ въ пансіонъ баронессы, то сегодня они такъ и не увидятся. Значитъ, Ольга поѣхала къ отцу, и Алексѣй можетъ быть совсѣмъ, совсѣмъ спокоенъ. Утромъ она непремѣнно вернется. Если не вернулась, то можно уже начать безпокоиться, справляться: не было ли крушенія на желѣзной дорогѣ или землетрясенія на побережьѣ? Всего проще встрѣтить ее на вокзалѣ.

Автомобилю Алексѣя Ольга обрадовалась, какъ живому существу, говорила съ нимъ, какъ говорятъ съ любимой собакой:

— Фіатъ! Миленькій, хорошенькій! Ты что-нибудь понимаешь, Фіатъ! Ты, умница, навѣрное все понимаешь! Какой онъ важный сегодня! Совсѣмъ, какъ его хозяинъ! Ты хочешь кататься, Фіатъ? Ничего. Потомъ покатаемся! Теперь часики не позволяютъ. Ты—большая машинища, Фіатъ, а послуш-

пая. А часики—маленькіе и непослушные. Имъ не скажешь «скорѣе» или «потише»! Вчера я имъ говорила-говорила, и ничего не вышло. Какъ цѣлые сто лѣтъ былъ день! А сейчасъ торопятъ.

Обернулась къ Алексѣю.

— Не очень глупая у Леля Елонька? А мы все-таки поѣдемъ. Часики дарятъ еще полчаса. Поѣдемъ къ мамѣ. Хорошо?

На кладбищѣ солнцемъ напитанъ бѣлый мраморъ памятниковъ. Вкусъ живыхъ далъ многимъ изъ этихъ каменныхъ символовъ печали характеръ сладковатой красивости. Они - каменно-кружевная мишура, такая же, какъ позолота гробовъ въ землѣ подъ ними. Строгіе, простые кресты выразительнѣе, чѣмъ скорбно-манерныя лица склонившихся ангеловъ, чѣмъ ихъ поникшія крылья.

Могила матери Ольги въ сторонѣ отъ богатыхъ могилъ. Бѣлый восьмиконечный крестъ. Надпись: «Ольга Константиновна Казаринова». У подножія креста—букетъ бѣлыхъ розъ. Часть цвѣтовъ совсѣмъ почернѣла, часть хранитъ еще послѣднюю свѣжесть.

— Это мои совсѣмъ завяли. Цвѣты Леля еще живутъ. Я рада... Вотъ возьму и никуда не пойду, останусь здѣсь мохнатой русской елонькой надъ маминой головой! Да мама сама не позволитъ. Уже сказала: не лги, иди къ Лелю. Ну и иду!

Здѣсь, у могилы, Ольга не мѣняетъ тона словъ, не гонитъ прочь улыбку. Она не стала на колѣни, а ласково обхватила крестъ, словно покачалась вмѣстѣ съ нимъ. Обратила вниманіе Алексѣя:

— У мамы—только имя. Другіе умерли въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣсяцѣ. А мамѣ я этого написать не позволила. Мама жива!

Вдругъ рѣшительно поцѣловала мраморъ креста. Взглянула на часы.

— Теперь ѣдемъ!

Довезти себя до своего пансіончика Ольга не позволила. Они простились на бойкой улицѣ, гдѣ невольно сдержанно ихъ разставанье.

— Или въ три, какъ я сказала, или завтра утромъ на вокзалѣ.

Кивнула, не оставила Алексѣю послѣдняго слова.

... Лель, мой Лель, лели-лели-лели, Лель!..

Неслышный никому поетъ въ мысляхъ Алексѣя голосъ Ольги пѣсню Леля. У голоса – тысячи интонацій: то ласково-лукавыя, то тревожныя, почти жалобныя. Не разъ Алексѣй обернулся,—такъ близокъ этотъ голосъ: раньше условленнаго часа пришла его Елонька.

Лель—его имя! Лель—богъ веселый, весенній, зоветъ любить, любитъ!.. Спасибо, онъ уже бралъ рыбу... лели-лели-лели-Лель!.. Елонька говоритъ съ Клочко уже полтора часа. Догадывался ли онъ раньше? У адмирала въ первый день, конечно, была догадка... лели-лели-Лель!..

Послѣ завтрака баронесса поймала Алексѣя. У нея – новости:

— To morrow, depuis demain vous aurez un nouvel voisinage: двѣ миссъ изъ Лондона! Наша милая художница—petit ange—уступаетъ имъ свою комнату. Elle va se loger avec Kate. Только я не позволю, qu'elle dine la Never, never!.. Тамъ кормятъ неаппетитно! Теперь notre petite mademoiselle Olga можетъ уѣхать къ ея папа. Amiral Kasarinoff — моя большая симпатія! Vous êtes un vrai bienfaiteur, вы его такъ устроили! Молодые будутъ тамъ, line in paradis!.. А нашъ cher docteur! Dites lui, please, онъ не долженъ такъ разоряться!

Баронесса двумя пальчиками держитъ бревнышко-ручку новаго моднаго зонтика, протягиваетъ ее Алексѣю. Безвкусный целлулоидъ, подъ слоновую кость: двѣ причудливо сплетенныя нагія женскія фигуры.

— Мы — des vieux amis c
impossible такъ разоряться! ы
мекните!

Не дождавшись отъ Алексѣя слова, баронесса поцѣлуемъ остановила проходившую мимо больную даму въ драпѣ, кивнула Алексѣю величественно, ушла съ дамой въ садъ говорить о подаркѣ-зонтикѣ.

... лели-лели-лели-Лель! Съ завтрашняго дня здѣсь будетъ невыносимо. Онъ понимаетъ бѣдную

Елоньку! Здѣсь—болтливый маленькій мірокъ, онъ пока цѣпко держитъ Елоньку. Какая досада эта «станція!» Уѣхать бы съ Елонькой завтра же въ Италію. Зачѣмъ въ Италію? Въ Нюизо, въ «Старыя Горы!» Вотъ гдѣ никого нѣтъ, вотъ гдѣ было бы чудесно хорошо!.. лели-лели-лели-Лель!

Трехъ часовъ Алексѣй ждалъ уже не въ пансіонѣ, на улицѣ. Ходилъ неподалеку, такъ, чтобы видѣть, кто подойдетъ или подъѣдетъ къ воротамъ пансіона. Ни въ три, ни въ четыре Ольга не пришла.

Значитъ, поѣхала къ отцу. «Лель можетъ быть спокоенъ». Хоть въ Монте-Карло до утра!

Конецъ сдержанности - спокойствію Алексѣя. Пришло неудержимое, весело-тревожное безпокойство. Въ самомъ дѣлѣ, хоть въ Монте-Карло! Куда-нибудь, гдѣ не стоитъ на мѣстѣ время, гдѣ жизнь толкается, какъ провансальцы на овощномъ рынкѣ, гдѣ въ одиночествѣ не одинъ. Такъ съ нимъ никогда не было! Нѣтъ, было! Было въ раннемъ дѣтствѣ, когда его вдругъ переполняло что-то, огромное и непонятное, такое же веселое и тревожное. Онъ тогда кувыркался черезъ голову на атласной кушеткѣ въ угловой гостинной «Старыхъ Горъ». Сейчасъ слышитъ цѣпкій - по нервамъ—атласъ: рукой не дотронуться, а кувырнешься, — и руками о него, и лицомъ, и особенно нервными, шершавыми, мальчишескими колѣнками.

Подумалось: не безнадежный я, могу еще впасть въ дѣтство. Елонька возвращаетъ его. Даже тамъ, въ Нюизо—видѣлъ вѣдь кушетку—не вспомнилось, а теперь такъ ясно, словно снова кувыркомъ!..

Алексѣй не замѣчалъ, что онъ продолжаетъ все такъ же ходить по улицѣ, отъ угла бульвара и до bureau de tabac, хотя уже не ищетъ взглядомъ, не ждетъ Ольгу. Кто-то, догнавъ Алексѣя, схватилъ его за талію и сразу же отнялъ руку. Страницкій.

— Предполагается сеансъ шмонечки, девятулечки! Съ моей легкой руки здѣсь шмоня процвѣла. Хотите фокусъ?!

Страницкій выразительно шулерски поигралъ пальцами.

— Не такой. Этимъ не занимается. Ставка навѣрняка! Нюхомъ слышу: доигрываетъ сегодня свою полосу тотъ съ цѣпи сорвавшійся игрочекъ! Въ бумажникѣ у меня — обычные пятьсотъ франковъ на закланіе. Принциповъ своихъ не мѣняю, но противъ французика сегодня — хоть милліонъ! Битъ французикъ! Пойдемте. Это занятно.' Занятнѣе, чѣмъ рулетка. Не бойтесь: тайный притончикъ, но вполнѣ буржуазный. Не убиваютъ и не грабятъ. Облавы не чаще раза въ годъ. Рискъ подмочить вашу безупречную репутацію минимальнѣйшій. Какъ же?

— Съ удовольствіемъ. Я не пугаюсь, а при вашей протекціи и меня, очевидно, не испугаются.

— Гарантія! Тутъ недалеко.

Страницкій нѣсколько разъ со смакомъ прищелкнулъ пальцами.

Притонъ оказался обыкновенной квартирой въ обыкновенномъ домѣ съ садикомъ, гдѣ играли дѣти. Страницкій звучно хлопнулъ садовой калиткой и, медленно волоча ноги по гравію дорожки, засвисталъ серенаду Арлекина.

— Здѣшняя «Коломбина» — образецъ добродѣтели. Другая на ея мѣстѣ уже завела бы большущій отелище, а она довольствуется жиденькой пѣночкой съ каждаго банка. Сколько ни сними — ей сто франковъ. А, можетъ быть, она и права. Работай она изъ процента, поневолѣ стала бы жертвой азарта. А такъ — аптекарша.

Выждавъ немного, Страницкій позвонилъ у двери. Открыли. Въ квартирѣ тоже дѣтскіе голоса. Никакихъ признаковъ «притона». Ихъ встрѣтила хозяйка дома, дама въ пенсне на узенькомъ, лиловатомъ, но тщательно припудренномъ, носикѣ. У нея наружность старомодной классной дамы: темнокоричневое платье съ высокимъ, на косточкахъ, воротникомъ, подтянутая крѣпкимъ корсетомъ фигура, золотые закрытые часы брошкой подвѣшены на груди.

— Мой другъ, мадамъ! Изъ Нью-Іорка.

Дама кивнула и сразу же поправила пенсне, не подавъ руки Алексѣю. Страницкій объяснилъ:

— Здѣсь не здороваются и не прощаются, фамиліи не называютъ. И всѣ — «друзья», какъ всѣ массоны — братья. Коломбина больше всего боится, чтобы ея гости не стали съ ней раскланиваться на улицѣ. Шляпу съ собой берите.

Прошли черезъ корридорчикъ и дѣтскую, еще корридорчикъ. Въ концѣ его — дверь въ большую прокуреную комнату. Темныя шторы спущены. Горитъ электричество. Игроковъ — человѣкъ двѣнадцать, все мужчины. На вошедшихъ почти никто не обернулся.

— Навѣрное французикъ мечетъ. Онъ тутъ всѣхъ терроризировалъ. Ну, конечно, онъ!

Къ самому столу сразу не подошли. Молодой, розовенькій блондинъ почтительно посторонился передъ Страницкимъ, но онъ не воспользовался уступленнымъ мѣстомъ напротивъ банкомета.

— Успѣется.

Банкъ держитъ Вожель, часовщикъ изъ Нюизо. У него спокойное лицо и взглядъ какъ-будто пристально-внимательный, когда онъ обводитъ глазами сидящихъ и стоящихъ вокругъ стола, но Алексѣй видитъ, что Вожель его не узналъ. Для часовщика, навѣрное, всѣ лица здѣсь одинаковы.

— Четыре тысячи, господа! Никто, господа?

Вожель терпѣливо ждетъ сговора въ группѣ игроковъ. Банкъ покрытъ. Одинъ изъ троихъ партнеровъ медленно сдвигаетъ карту съ карты, держа ихъ передъ глазами. Вожель открываетъ свои карты быстро. Банкъ выигралъ.

— Восемь тысячъ, господа!

Банкометъ такъ же спокойно разсѣянъ. Игроки оживились. Шестая битая карта. Страницкій молчаливъ. Онъ наблюдаетъ.

— Восемь тысячъ, господа! Никто, господа?

Толстый человѣкъ безъ пиджака, въ разстегнутой жилеткѣ, отмахиваясь отъ предложеній войти въ долю, одинъ рѣшительно ставитъ восемь тысячъ.

— Посмотримъ, какъ онъ теперь не дастъ! Теперь сѣлъ! Седьмая карточка не подведи!

Вожель далъ толстяку третью карту, самъ остался при своихъ. Банкъ выигралъ. Толстякъ чертыхнулся, шлепнулъ картами о столъ, сталъ пересчитывать пачку кредитокъ

— Восемь безъ сотни. Сотня за мной!

Вожель кивнулъ. Вынулъ изъ бумажника сотенную бумажку, добавилъ ее къ банку.

— Шестнадцать тысячъ, господа!

Страницкій подмигнулъ Алексѣю — готово! — только тронулъ за плечо молодого человѣка, и блондинчикъ отскочилъ отъ стола, какъ на пружинкѣ.

— Если никто не имѣетъ противъ, шестнадцать тысячъ — мои.

Вожель сдалъ карты съ тѣмъ же спокойствіемъ, черезъ плечо показалъ Алексѣю девятку и даму, но не открылъ ихъ.

— Возьмите себѣ.

Вожель прикупилъ восьмерку. У него — «жиръ».

— Ваши.

Нѣсколько человѣкъ сразу передали Страницкому кресло. Комната зашумѣла. Теперь со Страницкимъ здоровались, предлагали взять банкъ пополамъ. Страницкій для игроковъ не пустое мѣсто, какъ Вожель. Алексѣй обошелъ вокругъ стола, сталъ напротивъ Страницкаго, за спинкой кресла Вожеля. Страницкій не торопится. У него, видимо, свой стиль игрока, безъ лишней шутки, но вовсе не сосредоточенно-молчалый.

— Для начала, господа, разрѣшите... шестнадцать тысячъ реванша. Вамъ — шестнадцать тысячъ, м-сье!

Алексѣю не видно лица Вожеля, и не уловить было движенія, которымъ Вожель молча отказался отъ реванша. Страницкій прищелкнулъ пальцами.

— Кто пожелаетъ? Шестнадцать тысячъ! Разбирайте свое, господа!

Игроки ждали. На мгновеніе взглядъ Страницкаго встрѣтился съ глазами Алексѣя. Взглядъ говоритъ: вы конечно, не желаете.

Черезъ плечо Вожеля Алексѣй положилъ на столъ акредитивъ.

— Всѣ шестнадцать. Здѣсь — три тысячи долларовъ.

Страницкій сдалъ карты, не глядя на нихъ. Чуть иронически онъ продолжалъ фиксировать взглядъ Алексѣя, пока услужливая рука не передала Алексѣю карты. Тогда спросилъ:

— Можетъ быть, довольно?

— Вполнѣ. Девять.

— Можетъ быть, по девяти?

— Возможно.

Страницкій взглянулъ на свои карты, отбросилъ ихъ.

— Бываетъ, но не каждый разъ. Ваши!

Та же услужливая рука приняла отъ Алексѣя карты, другая вернула акредитивъ, третья сгребла для него выигранныя деньги. Игра безъ дисциплины, безъ очереди кончилась. Худенькій потный человѣчекъ съ пачкой денегъ въ смуглой, волосатой рукѣ заявилъ свои права на очередной банкъ. Вожель остался сидѣть на своемъ мѣстѣ. Страницкій всталъ, черезъ столъ бросилъ Алексѣю по-русски:

— Чисто у васъ вышло! Молодцомъ!

Игра шла сравнительно мелкая, ровная. Страницкій, не принимая участія въ игрѣ, держался въ сторонѣ, не подошелъ къ Алексѣю, курилъ, облокотясь на спинку то одного, то другого кресла, тихонько насвистывалъ. Алексѣй самъ подошелъ къ нему.

— Разрѣшите васъ, на нѣсколько словъ?

— Всегда къ услугамъ дражайшаго моего названнаго кузена! Выбраться отсюда хотите? Пойдемъ, пожалуй. Мелочь пошла. А съ васъ — серьезный могарычъ!

Алексѣй отвѣтилъ безъ всякой рѣзкости въ голосѣ, рѣзкими только словами:

— Нѣтъ. Никакого могарыча съ меня не будетъ. Вы лучше скажите, хватитъ ли вашей «оригинальности» заявить этому французику, что у васъ не было шестнадцати тысячъ. Этотъ францу-

зикъ — мой знакомый. Я хочу вернуть ему эти деньги.

Страницкій усмѣхнулся.

— По началу можно было думать, что вы меня на дуэль вызвать собрались или — страшнѣе — еще шестнадцать тысячъ взаймы попросить! А выходитъ: молодцу не прибудетъ, отъ молодца не убудетъ! Да я хоть бумажникъ свой для доказательства его дѣвственности готовъ вывернуть! Большой оригинальности для этого не требуется. А кто онъ этотъ типикъ?

— Такъ я его сейчасъ позову.

Вожель заморгалъ глазами, не сразу узнавъ склонившагося къ нему Алексѣя, радостно улыбнулся, пожалъ руку. Алексѣй поднялъ его съ кресла за руку, какъ ребенка, и часовщикъ пошелъ за нимъ, не удивился, что его подвели къ Страницкому. Протянулъ Страницкому руку и, стараясь сосредоточиться, слушалъ Алексѣя:

— Этотъ господинъ выигралъ у васъ шестнадцать тысячъ. Вотъ онѣ. Но это была просто шутка. У господина не было на рукахъ отвѣтной суммы. Просто маленькій экспериментъ психолога.

Часовщикъ переводилъ взглядъ съ Алексѣя на Страницкаго и съ Страницкаго на Алексѣя, виновато, непонимающе улыбался: ну и что же? Страницкій едва замѣтно усмѣхнулся, продолжилъ объясненіе, имитируя тонъ Алексѣя:

— Затѣмъ была слѣдующая стадія того же маленькаго психологическаго эксперимента! У этого господина былъ акредитивъ на вполнѣ достаточное число благородныхъ американскихъ долларовъ. Новая шутка. Теперь очередь за развязкой. Вы получаете ваши деньги обратно.

Алексѣй протянулъ толстую пачку кредитокъ Вожелю, и часовщикъ поспѣшно сунулъ деньги въ карманъ пиджака.

— Да, да!..

Страницкій покровительственно похлопалъ Вожеля по плечу. Ехидно посмотрѣлъ на Алексѣя.

— Люблю понятливыхъ людей! Понятливыхъ и сговорчивыхъ. Великая вещь - психологія! Не стану нарушать вашу дружескую бесѣду, господа!

Алексѣй и Вожель вышли на улицу. Пошли пѣшкомъ къ морю. Говорилъ Вожель.

Онъ не думалъ встрѣтить Старогорскаго въ Ниццѣ. Въ Нюизо почему-то рѣшили, что онъ уже уѣхалъ обратно въ Америку. Вожель радъ встрѣчѣ. Теперь онъ можетъ продолжить ихъ послѣдній разговоръ въ Нюизо, на дорогѣ. А продолжить его непремѣнно нужно, иначе выходитъ, что для хозяина чуднаго дома мадамъ Старогорской этотъ домъ чуть ли не закрытъ. Конечно, это - вздоръ, который можно было придумать тогда, въ странную, больную минуту! Жанна—нервный человѣкъ. Можетъ быть, нервами ея все и объяснилось. А онъ, Вожель, обыкновенный ревнивецъ, хотя и говоритъ, что не знаетъ ревности... А теперь онъ — женихъ Жанны. Самый настоящій! Знакомые изъ Нюизо и неизбѣжный на такихъ торжествахъ мэръ пили шампанское на ихъ помолвкѣ. Если бы это было только капризомъ Жанны, помолвки бы не было, но Вожель увѣренъ: это не капризъ, а естественный переломъ. Жанна сейчасъ здѣсь, въ Ниццѣ. Въ эти часы, педантично съ трехъ до семи, она — за роялемъ, а потомъ часъ лежитъ. Въ восемь — не жарко — они выходятъ на улицу. Его и Жанну здѣсь почему-то принимаютъ за норвежцевъ. Жанна не подозрѣваетъ, что въ эти часы онъ играетъ въ карты. Для чего играетъ? У него простая цѣль —выиграть. Выиграть и поѣхать съ Жанной послѣ свадьбы, куда онъ захочетъ. Онъ много выигрывалъ и пустяки, что сегодня проигралъ...

Вожель прервалъ самъ себя, ощупалъ карманы, вытащилъ пачку кредитокъ. Остановился.

— Что же я говорю: проигралъ? Какъ же это!.. Я не совсѣмъ понялъ. Въ концѣ концовъ чьи же это деньги?

Алексѣй повторилъ:

— Ваши, конечно, Вожель. Никто не шелъ противъ васъ, а у этого господина денегъ не было. Игра просто не состоялась.

— Ахъ, такъ!..

Часовщикъ спряталъ деньги въ карманъ, но сразу же опять вытащилъ. Онъ ошеломленъ новой для него мыслью:

— Нѣтъ, не такъ! А ваша съ этимъ господиномъ игра развѣ не состоялась?! Вы же играли и выиграли! Вы за него не отвѣчаете. Вы должны взять отъ меня эти деньги, Старогорскій!

— Причемъ тутъ я, Вожель?! Даже случайный покупатель краденаго лишается купленной вещи. Вещь возвращается ея настоящему владѣльцу. А я завѣдомо зналъ, что эти деньги украдены у васъ. Наконецъ эти шестнадцать тысячъ фактически мнѣ не стоили ни сантима. О чемъ тутъ разговаривать!

Поперечная улица вела къ пансіону баронессы. Алексѣю захотѣлось вдругъ уйти и отъ города и отъ Вожеля. Онъ повернулъ къ дому. Часовщикъ растерянно шелъ рядомъ, оба молчали. У воротъ пансіона Вожель схватилъ Алексѣя за руку.

— Вы здѣсь живете, Старогорскій? Можно къ вамъ на минуту, только на одну минуту! Я понимаю, что нельзя говорить объ этомъ на улицѣ. Но я долженъ вамъ объяснить! У меня своя точка зрѣнія. Вы позволите?! Если бы вы только знали, Старогорскій, что вы мнѣ сейчасъ открыли! Мнѣ непремѣнно это нужно вамъ сказать! Сюда?

Часовщикъ быстро пошелъ по дорожкѣ къ дому впереди Алексѣя, взглядомъ спрашивая о крыльцѣ, о поворотахъ корридора, о двери: сюда?

Въ саду уже сумракъ, а въ комнатѣ Алексѣя совсѣмъ темно.

— Не зажигайте свѣтъ, Старогорскій! Лучше такъ! Поговоримъ такъ! Вы поймите только, что вы мнѣ сейчасъ про меня же сказали!..

У окна — рѣзкое движеніе стуломъ. Темная фигура поднялась, встала неяснымъ силуэтомъ на сумеречномъ фонѣ окна.

— Виноватъ!

Алексѣй узналъ голосъ лейтенанта Клочко. Рука потянулась къ выключателю, но Вожель подѣтски вцѣпился въ нее, не далъ зажечь лампу. Клочко не двинулся у окна. Только на короткое

мгновеніе у Алексѣя не нашлось выбора между лейтенантомъ и Вожелемъ. Онъ сказалъ часовщику съ той же строгостью, какъ на улицѣ:

— Вы же видите, Вожель, у меня гость! Не могу же я принимать гостей въ темнотѣ!

Вожель молчалъ, опустился на стулъ. Отозвался Клочко:

— Ничего. Меня темнота не стѣсняетъ. Я тутъ писалъ вамъ... а пришли вы, такъ лучше такъ поговоримъ. Поговорить намъ, понимаете, какъ-будто слѣдуетъ!

— Я всегда готовъ, Владиміръ Федоровичъ.

— А какъ же этотъ господинъ?..

— Онъ не понимаетъ ни слова по-русски. Я къ вашимъ услугамъ.

Клочко вздохнулъ, усмѣхнулся:

— Дуэльная фраза: къ вашимъ услугамъ. Обойдемся безъ дуэли. Авось такъ выгребемъ! Какъ говорить-то будемъ? Не въ моемъ духѣ въ такомъ случаѣ «по душамъ» разговаривать. Почвы для этого нѣтъ. Кто вы для меня, кто я для васъ. А, какъ враги, говорить... Собственно, какіе мы съ вами враги. Не пѣтухи вѣдь и не испанцы! Давайте попробуемъ все-таки вродѣ какъ враги говорить, безъ миндалю. Спрашивать васъ можно?

— Пожалуйста.

— Такъ вотъ... первый вопросъ... собственно, и не вопросъ даже... одинъ на него отвѣтъ только и можетъ быть: на Ольгѣ Дмитріевнѣ вы, конечно, женитесь. Тогда—второй вопросъ: себя-то вы провѣрили? Не блажь ли это все мужская? Въ тысячу разъ такая блажь паскуднѣе женской! Хорошая женщина и безъ блажи своей настоящее, чистое сдѣлаетъ. А нашъ братъ, простите, часто скотина! На слова мои не смотрите. Не въ выраженіяхъ дѣло. Ну!

— Простите, Владиміръ Федоровичъ. Вы сами дали отвѣтъ на вашъ первый вопросъ. Не кажется ли вамъ, что и второй въ отвѣтѣ тоже не нуждается. Кто въ моемъ положеніи допрашиваемаго призналъ бы свое чувство за блажь. И святой и скоти-

на отвѣтили бы вамъ одинаково. Скотина себя за скотину заранѣе никакъ не призналъ бы. Такъ?

— Пожалуй, такъ.

Клочко помолчалъ, хрустнулъ пальцами. Усмѣхнулся:

— Нѣтъ! Пѣтухамъ гораздо проще! И даже какъ-то умнѣе у нихъ выходитъ. Жаль, что мы не пѣтухи!

Алексѣй подхватилъ его мысль:

— Спасибо за отзывъ. Я въ вашихъ глазахъ не пѣтухъ. Это уже упрощаетъ разговоръ. Въ васъ, Владиміръ Федоровичъ, я также вижу человѣка, какимъ привыкъ считать себя.

— А позволите поинтересоваться: какимъ вы себя считаете?

— Обыкновеннымъ. Плохо ли, хорошо ли, на большой дорогѣ не граблю, подписей на векселяхъ не поддѣлываю. Ординарный человѣкъ. И въ этой ординарности на мой взглядъ нѣкоторая гарантія, что я не окажусь по отношенію къ Ольгѣ Дмитріевнѣ гнуснецомъ. Удовлетворяетъ васъ такой отвѣтъ?

Клочко опять скрипнулъ крѣпко сжатыми пальцами.

— А разрѣшите узнать, какъ ординарные люди поступаютъ, когда женщина порываетъ съ ними? Вчера любила, сегодня не любитъ. Ну какъ тутъ?!. Представьте, послѣзавтра Ольга Дмитріевна въ ноль минутъ въ ноль секундъ уходитъ отъ васъ, скажемъ, ко мнѣ?.. А?!

— Уйти—право уходящаго. Нѣтъ любви,—нѣтъ смысла удерживать. Такъ разсуждаетъ моя ординарность.

— Отлично! И моя ординарность разсуждаетъ такъ же. Есть! Но тутъ приходитъ кто-то третій, ординарный, или нѣтъ, ужъ я не знаю, и немекаетъ: право-то уйти у сторонъ обоюдное или не обоюдное. По всѣмъ логикамъ выходитъ обоюдное. Что касается лейтенанта Клочко, все, какъ говорится, при этомъ обстоитъ благополучно. Вашъ покорный слуга своимъ правомъ уйти по желанію все равно не воспользовался бы. А какая сила воспре-

титъ воспользоваться этимъ принципіально благороднымъ правомъ господину Старогорскому? Да никакая! И выходитъ эта обоюдность клиномъ! Себя я со счетовъ скидываю, отшвартовался. О васъ лично у меня, понимаете, тоже нѣтъ заботы. Если и говорю съ вами, забота моя — только объ Ольгѣ Дмитріевнѣ... Да, видно, впустую эта забота, весь этотъ разговоръ! Что тутъ говорить! Помните, тогда насчетъ «штормяги» Ольга Дмитріевна шутила? Вотъ и налетѣлъ «штормяга». На сотню балловъ! Принимай его безъ разсужденія. Было чувство, хорошее, теплое, вѣрилось въ него! Разлакомился Володенька! Теперь къ расчету стройся.

Клочко чиркнулъ спичкой, закурилъ. На мгновеніе освѣтилось его лицо, кривая усмѣшка.

— Все это не то! Сказалъ я, что самого себя прочь со счетовъ, да никакъ это не выходитъ. Будь дѣло только въ чувствѣ, вышло бы. А тутъ все еще другіе проклятые вопросы самолюбія вклинились! Работа эта ваша!... Работѣ моей, конечно, конецъ. Но костюмъ свой съ себя не скинешь, вамъ не отдашь! Вѣдь по существу вашъ костюмъ. И сапоги эти новые — ваши! И мелочь въ карманѣ — тоже ваша! Отлично знаю, что вы мнѣ скажете, только вы лучше ничего не говорите... Ушла къ вамъ моя любовь, — что подѣлаешь. А этотъ мелочный вопросъ изводитъ! Будь прежнее время, все бы по другому было, а теперь... подло: въ сапогахъ какихъ-то чуть ли не большій, чѣмъ въ любви, вопросъ! Тутъ-то настоящее униженіе и начинается!

Клочко вдругъ поднялся съ мѣста.

— Пошелъ я. Ольгѣ Дмитріевнѣ не говорите, что я у васъ былъ. Впрочемъ, ваше право. Не мнѣ вамъ условія ставить.

Пошелъ. Въ темнотѣ задѣлъ по дорогѣ за кресло. Остановился вдругъ.

— Ахъ, чортъ!.. Pardon!.. Виноватъ, гость тутъ вашъ!

Алексѣй нащупалъ лампу на письменномъ столѣ, далъ свѣтъ. Клочко стоялъ противъ Вожеля, недоумѣнно держа въ рукахъ пачку кредитныхъ

билетовъ. Пожалъ плечами, положилъ деньги на спинку ближайшаго кресла. Удивленно смотрѣлъ на худого, блѣднаго человѣка, который преградилъ ему выходъ, закрывъ собой дверь.

У Алексѣя только раздраженіе противъ Вожеля: ну что за комедія! Онъ сдержалъ себя, спросилъ спокойно:

— Въ чемъ дѣло, Вожель? Что вы еще придумали?!

Часовщикъ почти кричалъ:

— Если бы я могъ что-нибудь придумать, Старогорскій! Что придумаешь, когда ты—воръ! Вы говорите, что тотъ господинъ въ игорномъ домѣ «шутилъ», а не шутилъ! Я, значитъ, просто кралъ! У меня были сотни, а я смѣло шелъ иногда противъ тысячныхъ банковъ. Рѣшу, что сейчасъ выиграю, и играю. Значитъ, я просто кралъ! Вы безъ всякихъ шутокъ говорили, Старогорскій, что это – кража! Научите теперь, что дѣлать. Эти деньги—ваши! Ясно! А тѣ, остальныя, у меня дома, сорокъ тысячъ?.. чьи они?! Кому ихъ отдать? Кому?!

Клочко попытался выйти изъ комнаты. Вожель не пропустилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, м-сье! Вы должны держать вора, вести его куда-нибудь въ комиссаріатъ! Не хотите?! М-сье Старогорскій тоже не захочетъ. Я — воръ, а меня будутъ считать только сумасшедшимъ! Старогорскій долженъ при васъ взять отъ меня эти деньги. Никто не имѣетъ права ихъ мнѣ дарить! У Старогорскаго могутъ быть хоть милліоны, но я не беру, не хочу подарковъ!!

Клочко посмотрѣлъ на Алексѣя пристально: какъ быть съ его гостемъ. Потомъ — на Вожеля. Сказалъ:

— Я ничего не понялъ изъ того, что вы говорили, м-сье. Вижу только, что вы счастливѣе меня! Мнѣ бы тоже хотѣлось вернуть подарокъ м-сье Старогорскому, но вернуть-то пока нечего! А теперь позвольте мнъ пройти.

Морякъ отстранилъ Вожеля и вышелъ изъ комнаты. Алексѣю хотѣлось только одного: ушелъ бы Вожель, остаться бы одному.

— Вожель, слушайте! Не говорите больше пустяковъ. Какой вы воръ! Развѣ такіе бываютъ воры! Не хотите этихъ денегъ, пусть остаются у меня. Видите, я ихъ беру и совершенно спокоенъ. Никакой трагедіи во всемъ этомъ нѣтъ. Идите-ка вы гулять съ мадемуазель Мулино и не пугайте ее своимъ видомъ! Ровно ничего не случилось!

Онъ подалъ часовщику его шляпу, пожалъ руку, проводилъ до сада.

— Что же мнѣ дѣлать, Старогорскій?

— Не играть больше. Это не для васъ!

XI

Ни крушенія поѣзда, ни землетрясенія на побережьѣ не случилось. Ольга вернулась въ Ниццу на другой день утромъ, какъ обѣщала.

Она счастлива:

— Владиміръ Федоровичъ вчера все понялъ. Онъ—хорошій, славный! Папа тоже хорошій, но папа, конечно, ничего не понялъ. Для папы все это, какъ снѣгъ на голову: вчера у его стрекозы — одна любовь, сегодня—другая. Какъ объяснишь папѣ, что «настоящей любви» къ Владиміру Федоровичу вовсе и не было, что пришла эта любовь вмѣстѣ съ Лелемъ! Папа вѣдь не мама, чтобы это понять. Не понялъ, а все-таки своей стрекозѣ повѣрилъ. Что-что, а знаетъ папа, что стрекоза у него серьезная, не вѣтеръ... И все-таки ошибся папа. Настоящій вѣтеръ! Куда я теперь? Гдѣ я теперь? Сегодня къ Кэтъ въ комнату переѣзжаетъ какая-то дама отъ баронессы, а я куда прикажете?..

— Хочешь мою комнату?

Ольга въ притворномъ ужасѣ:

— Подъ вѣчное наблюденіе баронессы и стѣнка въ стѣнку съ Страницкимъ?! Спасибо! Нѣтъ, ужъ лучше къ папѣ. Буду выходить встрѣчать... тебя на дорогу, будемъ лазать на прыщики-горушки. Въ деревню бы теперь, въ настоящую русскую!..

— Хочешь, въ деревню?

— Въ русскую-то?! Я бы не знаю, что за это отдала! Да вѣдь нельзя, не поѣдешь!

Автомобиль Алексѣя ждалъ хозяина поодаль отъ вокзала, внѣ сутолоки разъѣзжавшихся такси.

— Возьму у тебя Фіатъ! Стану въ немъ жить-поживать. Теремъ-теремокъ, кто въ теремѣ живетъ?!. Зачѣмъ о деревнѣ заговорилъ! Теперь у насъ, въ «Ильинкахъ» какой-то совхозъ. Все разграблено, а если и не разграблено, то еще хуже! На маминомъ любимомъ диванчикѣ какая-нибудь бабища сидитъ! Въ гостинной навѣрное портретъ Ленина! Рояль мой сломали! Картошку въ немъ—писали они зимой держали. Растаскали всю библіотеку! Зачѣмъ, Лель, объ «Ильинкахъ» напомнилъ?!

— «Ильинки», это — прошлое. Казариновское. А у Елоньки Старогорской въ «Старыхъ Горахъ» все, какъ было тридцать лѣтъ назадъ! И рояль ее ждетъ, и библіотека, и дѣдовская мебель. Я какъ разъ вчера вспоминалъ объ одной кушеткѣ, какъ въ дѣтствѣ на ней кувыркался. Хочешь посмотрѣть? Она стоитъ на своемъ старомъ мѣстѣ. Безъ хозяйки въ «Старыхъ Горахъ» никто не посмѣетъ и стула переставить. А пріѣдетъ хозяйка, хоть весь домъ перевернетъ по своему!

Ольга смотритъ на Алексѣя серьезно, безъ тѣни улыбки. Она даже какъ-то отстранилась отъ него. Вопросъ холодный:

— А почему такая милость къ вашимъ «Старымъ Горамъ»?

— Знала жизнь, что моей Елонькѣ сегодня захочется въ деревню, въ свой домъ, ну и поберегла для Елоньки «Старыя Горы»! Я тамъ былъ меньше мѣсяца назадъ. Чудно! Хочешь, поѣдемъ?

— Вы тамъ были мѣсяцъ назадъ?! И вполнѣ легально?

— Да! Мы тамъ были вполнѣ легально! — Разсмѣялся Алексѣй.—Намъ для этого даже никакой визы не нужно! Какъ бы это намъ такъ устроить, чтобы никто не посмотрѣлъ косо па пріѣздъ въ «Старыя Горы» не мадамъ Старогорской, а пока еще мадемуазель Казариновой? А то мы хоть сегодня поѣхали!

Ольга отстранила ласковую руку Алексѣя.

— Почему вы мнѣ не сказали раньше, что вы съ ними въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ?!

— Съ кѣмъ?

— Не притворяйтесь, что не понимаете! Съ большевиками!

— Елонька, родная! Да вѣдь наши «Старыя Горы»—во Франціи!.. Ихъ сторожитъ хромоногій дядя Гильомъ. Домъ моей матери. Ѣдемъ туда! Тамъ не придется жить въ одной комнатѣ пополамъ съ Кэтъ или подъ вѣчнымъ наблюденіемъ баронессы! Тамъ и рояль и нѣсколько шкафовъ книгъ въ библіотекѣ, а большевиковъ твоихъ, съ фонаремъ ищи, ни одного не отыщешь!

Ольга при первомъ ласковомъ словѣ опустила глаза и не сразу опять взглянула на Алексѣя. Дослушала его и вновь, но уже радостно-сердито, отбросила его руку. У нея чуть ли не слезы на глазахъ.

— Глупый Лель! Господи! Развѣ можно такъ! Я уже думала: полюбила, несчастная, нэпмана какого-то американскаго! Не Лель, а что-то!.. и нашимъ, и вашимъ! Фу!.. Не хочу о твоемъ домѣ и слышать!..

— И не надо! Поѣдешь, увидишь.

— И не поѣду! Фіатъ, миленькій, куда же я поѣду съ нэпманомъ этимъ! Опять наболтаетъ мнѣ чего-нибудь, а мнѣ разбирайся. Можетъ быть, ты и на самомъ дѣлѣ, Лель, чудовище какое-нибудь! Люблю тебя, а что я о тебѣ знаю?! Ничего по-настоящему не знаю. Вдругъ ты?.. не знаю, кто!..

И разсмѣялась.

— Ничего не знаю, а люблю! Лель — ты, и больше ничего! Ничего мнѣ и не надо! Теперь вези меня... а я и въ самомъ дѣлѣ не знаю, куда ѣхать. Поѣдемъ, все равно, къ Кэтъ за ключемъ, послѣднія вещи свои соберу. А дальше ты изволь придумывать. До тебя я какъ-то все хорошо соображала, папа меня дѣловымъ человѣкомъ называлъ, а теперь, какъ птица небесная! Все—ты, нэпманъ этакій! Никогда этого разговорчика тебѣ не прощу!

Около дома, гдѣ мастерская искусственныхъ цвѣтовъ Комаровой, Алексѣй ждалъ Ольгу долго. Изъ оконъ въ нижнемъ этажѣ былъ слышенъ громкій дамскій разговоръ: въ мастерской обрадовались пріѣзду Ольги. Не глядя на окна, Алексѣй угадывалъ на себѣ любопытные взгляды дамъ-мастерицъ.

Ольга вернулась смущенно-веселая.

— Не сердишься, что я пропала?! Попробовалъ бы ты отъ нихъ скоро вырваться! Теперь пойдетъ, пойдетъ!.. Не вытерпѣла я. Спрашиваютъ: Кто это? Кто? Какой интересный! Свой автомобиль? Иностранецъ? Ну и брякнула все! Пускай теперь мои косточки перемалываютъ. А Кэтъ, знаешь, изъ мастерской ушла, больше тамъ не работаетъ. Опять какая-нибудь новая съ ней исторія.

У пансіона, гдѣ Ольга жила вмѣстѣ съ Кэтъ, Алексѣй комически взмолился:

— И здѣсь мнѣ часъ одному на улицѣ торчать?! Ты, Елонька, прямо ливрею купи. Пусть за твоего шофера принимаютъ. Твои дамы меня, какъ чучело, разсматриваютъ,—а я манекеномъ сиди! Не хочу больше!

Пансіонъ изъ самыхъ скромныхъ. Въ корридорчикахъ грубые половики и запахъ кухни. Слюнявый, кривоногій ребенокъ безъ присмотра играетъ на полу. Ольга потрепала его по головенкѣ, утерла ему рожицу, пуговицу какую-то застегнула. Ребенокъ пыхтѣлъ и не отвѣчалъ на ласковыя Ольгины слова. Ольга сказала смущенно:

— Видишь, какая обстановочка! Не привыкъ къ такой? Въ комнатѣ лучше, но, постой, я сначала узнаю, какъ моя Кэтъ.

Ольга вошла въ комнату. Ребенокъ, загребая кривыми ноженками, подползъ къ Алексѣю. Глядитъ безъ улыбки. Протянулъ Алексѣю лопнувшую по швамъ целлулоидную куклу.

— Бу!..

Алексѣй отвѣтилъ: бу-бу! Онъ думаетъ не о ребенкѣ, объ Ольгѣ, о томъ, какъ умѣло-ласково, безъ притворной нѣжности, она мимоходомъ позаботилась о малышѣ. Дѣтская въ «Старыхъ Горахъ» ему представляется, въ дѣтской — другой ребенокъ,

Елоньки и его. Счастливымъ долженъ быть этотъ ребенокъ, а Елонька мать еще лучше, чѣмъ теперь!

Ольга вернулась, изобразила изнеможеніе на лицѣ:

— Кэтъ—въ нервахъ. Шипитъ.

Вещей у Ольги было всего два небольшихъ чемодана. Алексѣй вынесъ ихъ изъ комнаты.

— Не свалишься подъ тяжестью моихъ богатствъ, Лель?! Теперь... нѣтъ, я на самомъ дѣлѣ не знаю, куда мнѣ ѣхать... Придется въ концѣ концовъ къ папѣ. Только сначала непремѣнно-непремѣнно къ тебѣ, къ баронессѣ! Пошелъ по Ниццѣ звонъ, такъ пусть ужъ во всѣ колокола, а баронесса у насъ — соборный! Ѣдемъ на самую колокольню! Вотъ будетъ здорово: позавтракаемъ съ тобой у баронессы чинными женихомъ и невѣстой! Хорошо? Непремѣнно!

— Все, какъ ты хочешь, сегодня.

— А потомъ?

— Потомъ, какъ мы оба захотимъ.

— Почему же на сегодня такое исключеніе?

— Дай мнѣ немного оріентироваться въ твоемъ ниццскомъ міркѣ! Какъ это ты, Елонька, могла съ Кэтъ ужиться, если она такая нервная?!

— Ничего. Она гораздо удобнѣе многихъ. Съ ея мамашей я бы вмѣстѣ жить совсѣмъ не могла. Знаешь, мнѣ кажется, Кэтъ влюблена въ Владиміра Федоровича. Почему она горбатая! И Кэтъ было бы не узнать, и онъ могъ бы стать счатливымъ. Ты не сердишься, что я о немъ вспоминаю? Не ревнивый, Лель?

— Не знаю, Елонька, не думаю.

— И я не знаю. Думать-то думаю, а не знаю. Въ пансіонъ къ тебѣ, къ завтраку не опаздаемъ. Непремѣнно нужно поспѣть!

Сторожъ гаража при пансіонѣ баронессы принялъ отъ Алексѣя машину, обѣщалъ отнести чемоданы Ольги въ его комнату. Они прошли черезъ дворъ, гдѣ бродили козы съ надутыми животами и большой степенный козелъ. Среди козъ—баронесса съ вѣчнымъ зонтикомъ и больная дама въ драпѣ.

— Enfin je vous vois милая мадемуазель Ольга! Вы еще не видѣли моихъ козочекъ?! La blonde, c'est «мадамъ Анго», моя симпатія! Dites à madame, м-сье Старогорскій, et vous, Olga: больныя козы n'ont jamais des airs si vivants! Never, never... А эта—«Жизель!» Жизель! My darling. Viens! Go to me!..

Бородатая Жизель не внемлетъ англійскому языку баронессы, но и баронесса занята уже не козой. Она хозяйски насторожилась на чемоданы въ рукахъ проходившаго сторожа:

— Куда?! Куда это, Жакобъ?!

— Это – мои вещи, баронесса. Бездомовная я теперь! Пока въ комнату къ Алексѣю Алексѣевичу. А тамъ... подумаемъ. Насъ можно поздравить, баронесса!

Ольга намѣренно-интимно взяла Алексѣя подъ руку, забавлялась внезапнымъ преображеніемъ баронессы. Теперь баронесса — вторая козочка Жизель. Она обнимаетъ Ольгу – vous me comblez!—грозитъ Алексѣю пальчикомъ, дѣлится съ дамой въ драпѣ «своей радостью»:

— Я съ перваго взгляда рѣшила: ça va finir par la noce! C'est romantique! У меня даръ пророка! I am very, very glade за нашего милаго адмирала! Mais... неужели вы увезете ее отъ насъ въ Америку, нехорошій?! Nous aimons tous, tous вашу маленькую невѣсту!

И баронесса опять пудритъ щеки Ольги своими поцѣлуями. Она совсѣмъ забыла о дамѣ въ драпѣ, заинтересованной въ здоровьѣ пансіонскихъ козъ. Баронесса «похищаетъ» Ольгу, идетъ съ ней подъ руку въ столовую пансіона, переставляетъ карточки у приборовъ: женихъ и невѣста должны сидѣть рядомъ напротивъ нея, для нея этотъ завтракъ—праздникъ.

«Соборный колоколъ» баронессы звонитъ!

О «радости баронессы» сообщается каждому, кто выходитъ къ табль-д-оту и восторженно громко, и шепоткомъ, съ непремѣнными поясненіями объ аристократическомъ родствѣ Казариновыхъ и Старогорскихъ. Страницкому новость извѣстна еще до его появленія въ столовой. Онъ не спѣшитъ подой-

ти къ Ольгѣ и къ Алексѣю, задерживается у другихъ группъ, но улыбается издали. Ольга и Алексѣй переглянулись, и ея взглядъ сказалъ: Ничего! Я даже рада, если онъ подойдетъ.

— Шелъ и прикидывалъ, кто же изъ насъ двоихъ былъ тогда de s ex machina? Я или Алексѣй Алексѣевичъ? Великолѣпно! Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! И побѣжденъ, очевидно! Мои нижайшія поздравленія. Надо готовить подарокъ! У меня манія дѣлать подарки, Ольга Дмитріевна!

Поцѣловалъ Ольгѣ руку, съ улыбкой раскланялся передъ Алексѣемъ, отошелъ отъ нихъ.

За завтракомъ Ольга торопитъ каждое блюдо, невнимательно отвѣчаетъ баронессѣ. Она теперь жалѣетъ, что сама же придумала для себя это испытаніе.

Только въ комнатѣ у Алексѣя Ольга опять прежняя, простая и ласковая. Они въ первый разъ одни не на улицѣ, не на людяхъ. Сидятъ рядомъ на диванѣ, не торопятъ новый шагъ близости.

— У тебя нѣтъ щетки, Лель?! Съ меня отскоблить надо всѣ эти взгляды! Какъ облипшая вся! Тебѣ не противно на меня смотрѣть?! На васъ, мужчинъ, такъ не смотрятъ.

Алексѣй говоритъ...

И онъ самъ, и Ольга чувствуютъ, что они не замѣчали до сихъ поръ его молчаливости, черты, только теперь въ немъ внятной. Алексѣй говоритъ, удивляясь даже звуку своего голоса, обилію ранѣе не свойственныхъ ему оттѣнковъ въ словахъ. Алексѣй словно въ первый разъ въ жизни говоритъ:

Не нужно никакой щетки для елонькиныхъ рукъ, для ея плечъ! Нѣтъ на нихъ и слѣда отъ всѣхъ этихъ взглядовъ, любопытныхъ и пошлыхъ, какъ взгляды мужчинъ, и завистливыхъ, какъ взгляды уродливыхъ женщинъ! Пусть смотрятъ! Пусть видятъ ихъ вмѣстѣ! Ему бы хотѣлось быть съ своей Елонькой — не сейчасъ, не теперь — тамъ, гдѣ тысячи людей, десятки тысячъ человѣческихъ взглядовъ! Онъ шелъ бы и гордился близостью къ ней. Онъ—нищій по сравненію съ Елонькой! Ему даже не вѣрится, что она можетъ его любить! Ко-

нечно, люди любятъ, просто потому что любятъ, а не «за что-нибудь». Но въ его любви къ Елонькѣ есть уже и огромное «за что». Онъ любитъ Елоньку за первыя ея слова, которыя онъ слышалъ. Это было: «Ничего, папа»! Два какъ-будто простыхъ утѣшающихъ слова, но въ нихъ — драгоцѣнность сердца! Онъ любитъ ее за то, какъ она пила изъ одного стакана съ своей матерью, за чудо вѣчной жизни, которое она творитъ своей вѣрой: нѣтъ смерти для матери! Онъ любитъ ее за «алтарь» на горѣ, за упрямо-зовущую на «алтарѣ» стрѣлку! Любитъ за чужое, жесткое «вы» ему же, Лелю, если онъ вдругъ оказался «нэпманомъ», къ которому благоволятъ разорители ея родныхъ «Ильинокъ»! Любитъ за драгоцѣнную простую теплоту, съ какой она говоритъ о Владимірѣ Федоровичѣ. Надо слышать елонькино «онъ—хорошій, славный», чтобы понять искренность этихъ словъ, большой человѣческій смыслъ. Надо слышать! Онъ любитъ ее за ея отношеніе къ Кэтъ, хотя и не совсѣмъ его понимаетъ. Не понимая еще до конца, и здѣсь онъ чувствуетъ человѣческое, безъ зернышка фальши, какъ и въ отношеніяхъ съ Владиміромъ Федоровичемъ. Пусть Елонька не улыбается, когда онъ все это говоритъ, не то онъ станетъ говорить и о другихъ елонькиныхъ чудесахъ человѣчески-женственнаго: о ея бесѣдахъ съ Фіатомъ, о томъ, какъ она застегнула пуговку ребятенку въ корридорѣ своего пансіона... да, да!.. и утерла ему другую пуговку, замусленный носъ! Каждый новый день, онъ знаетъ, будетъ дарить ему новое и новое богатство такихъ же, новыхъ, лучшихъ «за что»! Ему прямо страшно подумать, что Елонька въ отвѣтъ не могла бы сказать про него ровно ничего. Что онъ?! Конечно, у него есть «алтарь»—любовь къ ней, и на «алтарѣ» стрѣлка—къ Елонькѣ. И все-таки онъ словно пустышка какая-то!.. У него былъ вчера Владиміръ Федоровичъ. Елонька такъ и думала? Да, былъ. Говорили недолго и немного, и такъ случилось, что ему пришлось самому опредѣлить, какой онъ человѣкъ. Сказалъ: ординарный. И вѣрно, правду сказалъ, хотя говорилъ тогда полу-иронически:

«на большой дорогѣ не граблю»... Вотъ и Елонька сейчасъ улыбается этому опредѣленію. А пусть она попробуетъ сказать, какой—онъ, ея Лель! Развѣ сама Елонька нѣсколько разъ не признавалась, что представленія о немъ не имѣетъ. Приняла же она его, хоть на минуту, за «нэпмана». Говорила же ему, что онъ «не по-правдашному». Ему и самому теперь кажется, что онъ «не по-правдашнему». Философъ какой-то разсуждалъ: «мыслю, значитъ, существую». А онъ теперь знаетъ: «я—по-правдашному, потому что люблю». Онъ любитъ свою Елоньку, и она его любитъ, значитъ, онъ не пустота. Вотъ онъ обнимаетъ Елоньку, и ему радостно слышать ея довѣріе къ нему въ каждомъ ласковомъ жестѣ, въ отвѣтѣ на его поцѣлуй! И въ то же время онъ мучительно сознаетъ неравенство между ними: еленькино богатство и свою нищету. Онъ богатъ только своей любовью, Елонька богата собой! Ему хотѣлось бы дарить въ отвѣтъ на то, что самъ беретъ въ Елонькѣ. А что онъ подаритъ, кромѣ своей любви! У нихъ теперь общій алтарь-любовь, общій огонь на этомъ алтарѣ, но онъ—жрецъ съ пустыми руками. Онъ хотѣлъ бы и самъ принести какую-то жертву на этомъ алтарѣ, для котораго Елонька постоянно находитъ и цвѣты, и вино, и живую кровь своей души! Онъ хочетъ такого же равенства въ жертвѣ, въ богатствѣ душевномъ Тратить бы это богатство въ любви и, какъ Елонька, становиться отъ этого только еще богаче. Такъ должно быть! Иначе самой любви его Елонька въ правѣ произнести приговоръ «не по-правдашному»...

Ольга дослушала его, не прерывая ни словомъ. У ея любви готовъ простой отвѣтъ на слова Алексѣя, которымъ она не вѣритъ, и которыя переполняютъ ее радостью.

— Лель, глупый! Вѣдь все, что ты о себѣ говорилъ и есть большое «за что» въ моей любви къ тебѣ! Если бы ты хорошенько подумалъ надъ тѣмъ, что говорилъ, такъ, не тебѣ, а мнѣ, былъ бы приговоръ. Если бы ты былъ на самомъ дѣлѣ какимъ-то «нищимъ», значитъ, я, «богачиха»-то, просто погналась за «человѣкомъ съ автобомилемъ»! Такъ

вѣдь выходитъ! Не могу я любить «пустышку» и не люблю. Чего ты только обо мнѣ ни наговорилъ! Лель! Самые пустяки превратилъ въ мое «богатство»! Я не удивляюсь. Когда любишь, всегда такъ кажется. А себя взялъ и оклеветалъ! Только клевета твоя — такая, что послѣ нея еще больше хочется тебя любить!

Ласково, какъ ребенку, погладила его руку, улыбаясь добавила:

— И все-таки хорошо, что ты все это наплелъ! Напустилъ туману, а у меня на душѣ. . какъ-то еще и еще яснѣе стало!

— Значитъ, то, что я говорилъ, и для тебя — правда?

— Какъ разъ наоборотъ! Потому еще и яснѣй на душѣ, что неправда.

Они сидѣли и не слышали, какъ за стѣной пронзительно громко насвистывалъ, переходя отъ мелодіи къ мелодіи, Страницкій, какъ подъ окномъ — бродячіе музыканты-итальянцы — пѣли скрипка и молодой женскій голосъ, какъ въ протяжномъ перезвонѣ отбивающихъ каждую четверть часовъ уходило время... Нѣтъ сопротивленія ласкѣ Алексѣя въ отвѣтныхъ ласкахъ Ольги, каждая изъ ласкъ раздѣлена ею, и Алексѣй чутокъ къ тому, что могло бы оскорбить любимую поспѣшностью нетерпѣливаго мужского желанія. Они оба, вмѣстѣ находятъ границу для первой близости тѣла, радуясь обѣщаніямъ полноты въ томъ, что пока прекрасно недосказанностью.

Такъ же недосказанны ихъ слова уже близкихъ, но съ незнаемымъ прошлымъ людей. Обо всемъ не разскажешь, но мысль спѣшитъ къ знакомству все съ новымъ и съ новымъ, что можетъ освѣтить годы незнанія другъ о другѣ. Немного о матери, объ убитомъ на войнѣ старшемъ братѣ, о незадумывающейся жизни въ Петербургѣ, на Мойкѣ, и о жизни-бивуакѣ въ Сербіи..

Ольга отыскала въ чемоданѣ свою дѣтскую карточку, такъ странно похожую на нее, теперешнюю. Сравнить недавній ниццскій снимокъ — почти ничего общаго. Эту карточку, единственный экзем-

пляръ, Ольга не соглашалась отдать никому, даже отцу. Она отдаетъ ее Лелю и совсѣмъ не чувствуетъ, что лишается любимой фотографіи.

Они говорятъ о будущемъ. Свадьба будетъ скоро: имъ не нужно «провѣрять» себя, не нужно какихъ-то испытаній для ихъ чувства другъ къ другу. Свадьба будетъ тѣмъ болѣе скоро, что теперь Ольга знаетъ настоящую цѣну хитростямъ Алексѣя, когда онъ говоритъ всѣмъ «у меня — дѣла», а ей — «я свободенъ, какъ вѣтеръ». Ольга не хочетъ «уложиться въ жизнь Алексѣя» вмѣстѣ съ чемоданами передъ самымъ его отъѣздомъ въ Нью-Іоркъ. Они должны еще пожить, хоть немного, здѣсь, гдѣ все связано съ ихъ встрѣчей. Нью-Іорка — слишкомъ онъ чужой — Ольга побаивается, не говоря уже о томъ, что ея англійскій языкъ немногимъ лучше, чѣмъ у баронессы...

Въ дверь постучались. Голосъ пансіонской горничной:

— М-сье разрѣшитъ войти?

— Пожалуйста.

Горничная вошла, торжественно неся пакетъ, пузырь розовой бумаги съ большимъ бумажнымъ бантомъ. Подала пакетъ Алексѣю, пояснивъ:

— Отъ нашего доктора! Вамъ, м-сье. Подарокъ.

Любопытная горничная подождала минутку, но Алексѣй не развернулъ пакетъ при ней, поставилъ на столъ. Горничная ушла. Ольга насторожилась:

— Навѣрное, какая-нибудь гадость! Это было бы въ его стилѣ. Ты не хочешь раскрыть при мнѣ? Ничего. Мнѣ ничѣмъ нельзя теперь испортить настроеніе, Лель. Покажи!

Алексѣй осторожно разорвалъ розовую бумагу. Въ пакетѣ было чучело длинноносой птицы на черной, деревянной подставкѣ. Въ клювѣ — визитная карточка Страницкаго съ какой-то надписью.

— Какая славная птица! Но почему птица? Что онъ пишетъ?

Алексѣй, не читая, протянулъ визитную карточку Ольгѣ, прочелъ вмѣстѣ съ нею:

«Покорителю женскихъ сердецъ на память о разговорѣ въ вагонѣ. Пусть бодрый видъ этой птицы напоминаетъ о хирургѣ, который при всѣхъ обстоятельствахъ готовъ къ услугамъ вашимъ.»

Ольга нахмурилась. Алексѣй пошутилъ:

— Кто сейчасъ говорилъ: мнѣ ничто не можетъ испортить настроеніе?!

Ольга еще разъ прочитала надпись на карточкѣ, положила ее на столъ.

— А почему птица?

Алексѣй взялъ въ руки чучело. На брюшкѣ — бороздка выщипанныхъ перышекъ и ниточный швъ, слѣдъ ненужно-жестокой «операціи». Алексѣй показалъ швъ Ольгѣ, разсказалъ о первомъ трюкѣ, какимъ еще до знакомства рѣшилъ его поразить Страницкій. Ольга повела плечами, какъ отъ холода.

— Птица все-таки умерла. Бѣдненькая! Подлый человѣкъ! И намеки какіе-то подлые: «къ услугамъ вашимъ»! Зачѣмъ такіе люди бываютъ! Не оставляй у себя эту птицу. Я не хочу!

Она взяла со стола карточку, разорвала ее на мелкіе кусочки.

— Зачѣмъ ты такъ смотришь, Лель! Настроеніе онъ мнѣ все-таки не испортилъ. Такъ, на минуту, пожалуй... А что онъ сказалъ сегодня въ столовой, я не поняла: ты или онъ какой-то «деусъ»... «деусъ»... не запомнила, какъ?

— Deus ex machina. Богъ изъ машины. По латински. Не знаешь? Въ старину въ театрѣ, когда авторъ не зналъ какъ ему вывернуться изъ положенія, появлялся такой deus ex machina, и все устраивалось, какъ нужно. Страницкій и спрашивалъ: онъ или я?

Ольга задумалась.

— Конечно, не онъ. И безъ него была бы наша любовь, наша встрѣча.

— Значитъ, я?

— Пожалуй ты на дорожкѣ — Богъ... Не «изъ машины» какой-то, а, понимаешь... Богъ!

Тѣнь тогдашней взволнованности вновь увидѣлъ Алексѣй въ лицѣ Ольги, спросилъ:

— Это было такъ серьезно?

— Не говори объ этомъ, Лель. Не сейчасъ! Ты вѣдь тоже пока не все мнѣ говоришь... А Богъ — всегда, во всемъ, серьезно или не серьезно! Такъ вѣдь, Лель?!

XII

Алексѣй остался ночевать на своей когда-то виллѣ, гдѣ теперь хозяиномъ адмиралъ. Прошлую ночь почти не спала, всю напролетъ проговорила съ отцомъ Ольга. Поздно она ушла въ приготовленную ей комнату и сегодня, радостно утомленная за день и за долгій вечеръ общей бесѣды съ отцомъ и Алексѣемъ.

У адмирала, какъ онъ говоритъ, «стариковская безсонница», но Алексѣю не надо и подсказывать, — онъ самъ ждалъ этого разговора съ адмираломъ наединѣ, безъ Ольги. Они сидятъ на крыльцѣ. Говоритъ больше адмиралъ, теперь не скрывающій своихъ опасеній, которыми — признается — не хотѣлъ смутить дочь.

... онъ человѣкъ стараго закала. Мѣняться ему поздно, но по временамъ онъ самъ не узнаетъ себя. Время такое! Адмиралъ хорошо знаетъ, что, произойдя «вся эта исторія» въ прошломъ, не оказалось бы все такъ просто: разъ-два и готово. Былъ Владиміръ Федоровичъ, сталъ Алексѣй Алексѣевичъ. Не сидѣли бы они въ первый же день на крылечкѣ и не разговаривали бы. Была бы его отцовская амбиція. Можетъ быть, были бы какіе-то запреты, соображенія чуть ли не о семейной чести. Вѣдь съ отцомъ Клочко они были сослуживцы, однокашники. А теперь нѣтъ никакихъ соображеній! Есть отцовскіе страхи, которые будутъ всегда, какъ ни мѣняйся порядки въ мірѣ. Но, можетъ быть, и къ лучшему, что все мѣняется. Даже эта вакханалія браковъ и разводовъ, разводовъ и браковъ, и она, можетъ быть, къ лучшему. Бьетъ это по неустойчивымъ, по слабымъ. А за Олюсю свою онъ увѣренъ. Если эта современная упрощенность во

всемъ избавляетъ Олюсю отъ ненужныхъ трагедій, такъ и слава Богу! Отцу, видно, лучше спрятать въ карманъ свои стариковскія философіи. Такими философіями въ старину многіе отцы коверкали жизнь своихъ дѣтей. Теперь дѣти — сами себѣ хозяева. Олюся для адмирала — ребенокъ. Старогорскій — согласенъ, не согласенъ — мальчикъ. Но нѣтъ у старика къ нимъ требованій, нѣтъ для нихъ совѣтовъ, какъ поступать, какъ жить. Вѣроятно все дѣлается именно такъ, какъ и должно быть въ нынѣшнее время. Володю Клочко адмиралу жалко. Адмиралъ чувствуетъ свою вину передъ нимъ: былъ грѣхъ, онъ самъ невольно содѣйствовалъ сближенію Ольги съ лейтенантомъ, хотѣлъ изъ Клочко каменную стѣнку сдѣлать, чтобы быть за этой стѣнкой спокойнымъ за дочь. А вышло?... плохо вышло! Мечтаетъ адмиралъ только объ одномъ, чтобы ни Ольга ни Старогорскій въ себѣ самихъ не ошиблись. Началось по - современному, дальше-то пусть идетъ по - старинному, для него, человѣка прежняго поколѣнія, понятному...

Адмиралъ пожалъ Алексѣю руку, ушелъ спать.

На другой же день Алексѣй съ Ольгой были въ Ниццѣ у священника. Свадьба можетъ быть черезъ три воскресенья, послѣ трехъ оглашеній. Дѣлается теперь иногда для скорости такъ, что не только за обѣдней, но и за всенощными оглашаютъ, только священнику не хотѣлось бы отступать отъ стараго церковнаго правила.

— Женихъ-то вѣдь не нашъ прихожанинъ.

И такъ это было сказано, что сразу чувствовалось: до старичка-священника дошла болтовня баронессы и ей подобныхъ. Не о женихѣ его рѣчь, а о невѣстѣ. Вѣдь только вчера взятъ изъ церкви заказъ о другомъ оглашеніи, гдѣ имя Ольги Казариновой стоитъ рядомъ съ другимъ мужскимъ именемъ.

— Конечно, батюшка. Разъ нужно три воскресенья, такъ пусть и будетъ черезъ три недѣли.

Отъ священника они шли пѣшкомъ. Останавливались у магазинныхъ витринъ. Смотрѣли на огромную сине-коричневую карту міра въ окнѣ

бюро путешествій, изъѣздили по гибкимъ бороздамъ пароходныхъ рейсовъ и по колѣнчатымъ чертамъ желѣзныхъ дорогъ оба полушарія. Не поѣхали только въ Россію — пока туда нельзя — и въ Австралію — туда почему-то не тянетъ Ольгу. Не тянетъ ее и въ Сѣверную Америку, но, разъ нужно, такъ нужно.

У одного изъ магазиновъ Ольга обратила вниманіе на дамскую шляпу: правда красивая? Алексѣй, не отвѣчая, открылъ передъ ней двери магазина.

— Господи! Я и забыла, что женихъ у меня такой Крезъ! Пойдемъ, пойдемъ дальше.

Вмѣсто Алексѣя дверь уже держалъ передъ ними мальчикъ-грумъ съ золотыми пуговками.

— Не хочешь примѣрить, я куплю, какая есть. И не буду виноватъ, если велика или мала.

Ольга съ дѣтски-обиженнымъ лицомъ вошла въ магазинъ и вышла оттуда уже въ той, что ей понравилась, шляпѣ. Больше она не будетъ останавливаться около магазиновъ, не зайдетъ ни въ одинъ. Къ ювелиру все-таки пришлось зайти и безъ споровъ: у ювелира заказали только обручальныя кольца.

Обѣдать скрылись въ тотъ же маленькій ресторанчикъ, гдѣ уже были одинъ разъ тогда еще чужими людьми. Говорили объ адмиралѣ: одинъ онъ будетъ, когда они уѣдутъ въ Америку. Хорошо, что при немъ Антипычъ, вѣрный человѣкъ. Не говорили, но оба подумали о лейтенантѣ Клочко: какъ-то онъ теперь будетъ?

Въ пансіонъ къ Алексѣю все-таки пришлось зайти. Пришлось и выслушать восторги баронессы передъ новой шляпой Ольги. У баронессы новость: сегодня въ Ниццу пріѣхала Орлова. Для нея были заказаны комнаты въ Hôtel des Anglais, но какъ только въ пансіонѣ у баронессы освободится комната, Орлова переѣдетъ къ ней.

Баронесса съ улыбкой взглянула на Алексѣя и многозначительно подняла пальчикъ, погрозить ему, но удержалась. Ольга замѣтила это, переглянулась съ спокойнымъ, но выдавшимъ себя, Але-

ксѣемъ. Онъ мысленно рѣшилъ избавить себя отъ неизбѣжныхъ намековъ баронессы и Страницкаго, сказать Ольгѣ о своей связи съ Орловой въ прошломъ, и теперь нарочно подчеркнулъ передъ Ольгой свое знакомство съ оперной знаменитостью:

— Я готовъ уступить свою комнату Нинѣ Владиміровнѣ по вашему первому желанію, баронесса.

Въ комнатѣ у Алексѣя Ольга спросила первая:

— Ты развѣ знакомъ съ Орловой?

— Былъ знакомъ. А что?

Алексѣй сразу же пожалѣлъ объ этомъ вырвавшемся «а что?» Ольга отвѣтила: «Ничего». Угадала, или уже слышала что-нибудь большее отъ Страницкаго? Подошла къ зеркалу снять шляпу, на мгновеніе закрыла глаза руками и тотчасъ поймала взглядъ Алексѣя въ зеркалѣ, спросила:

— Поняла, Лель? Да?! Она интересная, Орлова. Интереснѣе Владиміра Федоровича! А я, кажется, не ревнивѣе, чѣмъ ты. А все-таки есть что-то!.. Ничего, Лель

Алексѣй быстро подошелъ къ ней, цѣловалъ ей руки.

— Я бы не сталъ скрывать, Елонька! Не объ этомъ, не о прошломъ у меня всѣ эти дни мысль.

— И не надо! И у меня не о прошломъ! И не будемъ говорить!

Ольга смотрѣла улыбаясь, гладила руку Алексѣя, но ласка все-таки была сдержанной, поцѣлуй не сталъ поцѣлуемъ. Въ первый разъ ищутъ словъ, чтобы не длилось легко набѣгающее молчаніе. Наконецъ оно побѣждено, — и слова снова просты, ласка снова ласка.

Дверь распахнулась неожиданно. На порогѣ лейтенантъ Клочко и съ нимъ Вожель. Клочко пошатнулся входя, онъ пьянъ. Пьянъ и Вожель. Клочко улыбнулся виновато, опустился на ближній стулъ.

— Вы здѣсь, Оленька? Вотъ штука! Не подумалъ... Все равно, положимъ. Вы не сердитесь на меня! А это мой другъ - м-сье Вожель, французъ извѣстный! Емельянъ Павловичъ. Подцѣпилъ-таки я, Алексѣй Алексѣевичъ, у васъ пріятеля. Вотъ

вмѣстѣ ходимъ! Удивительный человѣкъ, точно и не французъ. Личность! Чудачина! Миляга!

— C'est toi—miliaga!

Вожель похлопалъ Клочко по плечу и тоже опустился на стулъ.

— А вы знаете, зачѣмъ мы пришли къ вамъ, Алексѣй Алексѣевичъ? За тѣми деньгами, за кованой свободой, какъ у Достоевскаго сказано. Что миляга ни говори, это—его деньги! Да онъ и самъ теперь понимаетъ. Чьи тѣ деньги, Емельянъ Павловичъ?

Вопросъ былъ заданъ по-русски. — по-русски же, какъ ученый попугай, отвѣтилъ Вожель:

— Мой шишнацать тищъ. Я понимай!

Клочко смотрѣлъ на Ольгу, оправдывался:

— Ничего тутъ нѣтъ, Оленька—выпили. Скандалъ, что на васъ нарвались, на даму, а остальное —пустяки! Съ милягой этимъ, съ Емельяномъ Павловичемъ, здѣсь, у Алексѣя Алексѣевича, познакомились. Мы разговоры разговаривали, а онъ въ темнотѣ сидѣлъ Чудакъ такой! Такъ какъ же шестнадцать тысячъ, Алексѣй Алексѣевичъ? Вы простите меня, что я вродѣ-какъ адвокатствую. Безъ меня онъ къ вамъ ни за что не шелъ. «Понимай», а одинъ не идетъ. Вотъ и явились вмѣстѣ, привелъ бычка на веревочкѣ!

Алексѣй вынулъ изъ ящика письменнаго стола пачку кредитокъ, подалъ ее Вожелю. Вожель спряталъ деньги въ карманъ. Ольга слушала пьянаго Клочко, слѣдила за происходящимъ, ничего не понимая, подавленная, смущенная больше всего этимъ требованіемъ денегъ, огромной—ей казалось —суммы. Холодное спокойствіе, съ какимъ Алексѣй выслушалъ требованіе и отдалъ пачку кредитокъ, какъ будто говорило противъ него, въ чемъ-то его обвиняло. Но Алексѣй такъ и не сказалъ ни слова.

Клочко поднялся.

— Allons enfants!.. Дмитрію Петровичу не говорите, Оленька. Надо же было такъ нескладно попасть, на васъ нарваться! Не сообразишь,—и глупо!

Вожель вдругъ рѣшительно подошелъ къ Алексѣю. Онъ говоритъ съ обычной живостью, горячо:

— Вы сказали «играть не для меня», Старогорскій. Вы правы! Я не буду играть! А онъ, маде-

муазель, Володя не будетъ пить! Но это завтра. Завтра мы не будемъ играть и пить! А сегодня будемъ! Эти деньги должны сегодня сгорѣть въ игрѣ или стать милліонами! Кто-нибудь изъ насъ двоихъ непремѣнно будетъ счастливъ. Я — если сгорятъ эти деньги! Онъ, мой новый другъ — если тысячи станутъ милліонами! Я не терплю людей, которые мечтаютъ о милліонахъ! Но за него я не боюсь. Я ему вѣрю! Милліоны нужны ему для его Россіи!

Клочко, не глядя на Ольгу, смущенно бросилъ:

— Не слушайте его, Оленька! Никакихъ милліоновъ мнѣ не нужно. Такъ-себѣ я говорилъ, брехалъ. . Знаете, слова старыя, всегдашнія : былъ бы милліонъ, отправился бы въ Россію.

Вожель съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ тонъ русскихъ словъ Клочко, уловилъ въ немъ отрицаніе сказаннаго имъ самимъ. Обратился къ Ольгѣ:

— Онъ, мадемуазель, говорилъ, что ему не нужно милліоновъ? Конечно, не нужно! Для Россіи — меньше всего! Если онъ говорилъ, что не поѣдетъ въ Россію, тоже правда. Ему нужно помечтать о милліонахъ и о Россіи, и этого довольно! Вы, русскіе, всегда должны о чемъ-нибудь мечтать, и этимъ вы сильнѣе жизни. Это очень, очень хорошо, мадемуазель! Добрый вечеръ, мадемуазель! Добрый вечеръ, Старогорскій!

Часовщикъ подалъ руку лейтенанту. Клочко качнулся.

— Всего хорошаго. Удивительно! Ерунду онъ говоритъ, Емельянъ Павловичъ, а безъ него въ тысячу разъ глупѣе было бы вотъ это... приходъ мой!.. Такъ я — первымъ шаферомъ, Оленька? Всего хорошаго.

Они ушли. Ольга сидѣла молча. Алексѣй гладилъ ея волосы, не сразу спросилъ:

— О чемъ Елонька думаешь? О Владимірѣ Федоровичѣ?

— Нѣтъ... Немножно и о немъ? Кто этотъ французъ? Очерь милое у него лицо. Онъ много пьетъ?

Алексѣй пожалъ плечами.

— Мнѣ думается, онъ никогда не пьетъ. Кто онъ? Я его едва знаю. Работаетъ, какъ часовщикъ,

а вообще философъ большой руки, вполнѣ культурный человѣкъ. Онъ—изъ Нюизо, гдѣ домъ моей матери.

— А эти деньги?

Алексѣй разсказалъ объ игрѣ въ тайномъ карточномъ домѣ. Ольга слушала внимательно, много разъ переспрашивала, ставила Алексѣю вопросы о правилахъ игры, нѣсколько разъ возвращалась къ вопросу о допустимости ставки, не имѣя денегъ.

— Теперь понимаю. Значитъ, это были все-таки твои, Лель, деньги. Ты же игралъ честно!

Алексѣй улыбнулся.

— Естественно, честно. Не могъ же я бить Страницкаго, выигрывая по его способу. Проигралъ, ничего не вышло бы.

Ольга опять задумалась.

— О чемъ ты опять, Елонька?

— Теперь уже о Владимірѣ Федоровичѣ. Онъ вѣдь играетъ вообще, долженъ правила знать. Я поняла — твои деньги — а онъ почему-то не понялъ! Навѣрное французъ что-нибудь ему не такъ объяснилъ. Отвратительная вещь эти деньги! Онъ могъ подумать, что ты спокойно оставилъ себѣ чужое! Такъ въ разговорѣ получалось. Мнѣ обидно за тебя, а жалко почему-то ихъ обоихъ, Владиміра Федоровича и француза.

Улыбнулась:

— Такіе они разные и словно одинаковые! У француза ты не отнялъ тоже невѣсту?

Улыбка сразу же ушла, когда Алексѣй отвѣтилъ шутливо:

— Наоборотъ. Вожелю я подарилъ невѣсту.

— Не понимаю. Какъ... подарилъ?

У Алексѣя нѣтъ сразу отвѣта. Ольга чувствуетъ, что онъ подыскиваетъ слова на границѣ правды и фальши:

— «Подарилъ», конечно, громко сказано. Мой пріѣздъ въ Нюизо какъ-то ускорилъ помолвку Вожеля съ дочерью тамошняго нотаріуса. Я бывалъ у него въ домѣ по дѣламъ. Когда я уѣзжалъ оттуда, Вожель и Жанна Мулино были... ну... больше, чѣмъ друзьями. Теперь они — женихъ и невѣста.

Ольга спросила:

— И это все?.. Добавь еще, что эта дочь нотаріуса влюбилась въ моего Леля, я увѣрена, и этотъ французъ для нея — противоядіе! Тогда будетъ все. А я все таки ревнивая, Лель! Вижу теперь, что ревнивая. Только для тебя это не страшно. Поди сюда, ближе, обними! Мнѣ надо только немножко подлечиться, Лель. Мы съ тобой какънибудь пойдемъ слушать Орлову. Хорошо? А гдѣ теперь эта Жанна? Тутъ? Вмѣстѣ съ своимъ французикомъ?.. Не сердись на меня, Лель! Если бы было можно, мы пошли бы съ тобой въ гости и къ этой Жаннѣ.

Комната давитъ Ольгу. Вышли.

Въ саду пансіона къ нимъ подошелъ Страницкій. Онъ фиглярски поводитъ бедрами, имитируетъ баронессу съ зонтикомъ, держа въ рукахъ гибкій камышевый стекъ: то положитъ его на плечо, то прижметъ къ груди, то повѣситъ на руку и «изящно» покачиваетъ имъ.

Страницкій преградилъ имъ путь на дорожкѣ и, недурно подражая тону баронессы, протянулъ Ольгѣ свой «зонтикъ»:

— C'est un chef-d'oeuvre, милая мадемуазель Ольга! Настоящая подъ-слоновая кость и настоящая имитація брюссельскаго кружева. Regardez, ma petite Olga! Очаровательно!

Ольга молчала. Страницкій пересталъ быть баронессой, хлестко взмахнулъ стекомъ, легко присвистнулъ.

— Какъ вамъ понравилась моя паціентка-пичуга? Возмутительно? Шарлатанъ? Извергъ? И все это только потому, что къ птицѣ я, какъ врачъ, примѣнилъ ту самую мѣрку, которая для врача обязательна, если передъ нимъ распоротый человѣкъ. Не зашиваю человѣка, — извергъ. Зашиваю птицу, — тоже извергъ. Судите послѣ этого, кто правъ, логика ли культурнаго общества, или шарлатанъ Страницкій. Въ оперу собираетесь, Ольга Дмитріевна?

— Непремѣнно. Я люблю музыку.

Страницкій церемонно раскланялся.

— Имѣлъ пріятную возможность судить объ

этомъ по вашимъ лестнымъ отзывамъ о моихъ талантахъ свистуна. Теперь обучаюсь свистать по воздуху симъ волшебнымъ инструментомъ. Новое увлеченіе. «У насъ пойдетъ ужъ музыка не та!..»

Нѣсколько свистящихъ взмаховъ стекомъ. Испытующій взглядъ на Алексѣя.

— А вы, Алексѣй Алексѣевичъ, не изъ любителей музыки? «Мнѣ все здѣсь на память приводитъ былое!..» Тотъ самый стекъ съ перламутровой рученькой! О! Тяжела ты шапка мономаха! Нѣтъ вижу, мнѣ сегодня не везетъ! Мой репертуаръ не производитъ впечатлѣнія. Работай я въ циркѣ, лишился бы ангажемента. Не смѣю задерживать.

По дорогѣ домой, къ отцу, Ольга была молчалива. Понятно: и «червячекъ», и пьяный Владиміръ Федоровичъ съ этими глупыми деньгами, и вѣчный Страницкій съ его репертуаромъ-намеками. Говорить объ этомъ — только растравлять себя, а не думать трудно. Ольгѣ больше не хочется ѣздить въ Ниццу, но и на «станціи» у отца ей не по себѣ. При отцѣ, какъ ни при комъ другомъ, она неестественна съ Лелемъ, и это ее тяготитъ.

— Что это за хлыстъ у Страницкаго, Лель? Еще что-нибудь новое?!

— Мы же условились, Елонька, не нужно больше никогда объ этомъ господинѣ.

— Но онъ появляется снова и снова, Лель! Онъ не вычеркивается самъ по себѣ. Скажи мнѣ только про хлыстъ. Больше ничего не нужно.

— Ахъ, Елонька! Тебѣ хочется, чтобы его «репертуаръ» все-таки произвелъ впечатлѣніе! Хорошо! Я скажу. Это—хлыстъ Орловой. Довольно?

— Довольно.

— Молодецъ, если довольно!

— А все-таки не совсѣмъ довольно, Лель! Твой хлыстъ? Ты ей подарилъ?

— Нѣтъ. Она ему подарила.

— Теперь довольно. Спрашивать во всякомъ случаѣ довольно.

— Значитъ, я самъ долженъ говорить?

— А развѣ не долженъ, Лель! Со стороны Страницкаго—явный вызовъ. Вы, мужчины, почему-то считаете такія вещи своимъ частнымъ дѣломъ. Я

отлично вижу, что ты не хочешь меня вмѣшивать во что-то. Прости Лель, но это не заботливость обо мнѣ, а совсѣмъ наоборотъ. У тебя — красивое мужское хладнокровіе. Многіе на твоемъ мѣстѣ вели бы себя иначе, и мнѣ нравится, какъ ты себя держишь со Страницкимъ. Но онъ-то не такой, какъ ты! Онъ—наглый! Онъ идетъ дальше и дальше! Онъ-то хочетъ... не знаю... скандала какого-то! Разъ ты меня любишь, Лель, это не можетъ быть твоимъ и его частнымъ дѣломъ. Такъ вѣдь, Лель?! Этотъ хлыстъ предназначенъ для тебя?

— Елонька! Мало ли что болтаетъ Страницкій.

— Значитъ, для тебя, Лель? И ты?!.

Алексѣй пожалъ плечами, улыбнулся.

— А что мнѣ прикажешь, Елонька, дѣлать. Я —ничего. Мнѣ даже не нужно особаго хладнокровія, о которомъ ты говорила. Не прятаться же мнѣ.

Ольга спросила поспѣшно:

— А ты думаешь, Лель, что я просила бы тебя прятаться! Ты меня совсѣмъ не знаешь, Лель! Я тоже не зайчиха какая-нибудь! Но, согласись, мы должны быть вмѣстѣ. Теперь, куда ты, туда и я! У меня найдется не меньше хладнокровія. Не хотѣла больше въ Ниццу,—теперь каждый день буду туда ѣздить!

— Елонька!

— Елонька можетъ быть и колючей! Нехорошій былъ сегодня день, а сейчасъ мнѣ снова весело! Я, навѣрное, азартная. Поѣду въ Монте-Карло... шестнадцать тысячъ выиграю!

Адмиралъ ждалъ ихъ съ ужиномъ. Ольга была веселая, шутила, объявила отцу, что завтра ѣдетъ въ Монте-Карло и вернется оттуда на собственномъ аэропланѣ. Про Алексѣя сказала, что вчера онъ былъ гостемъ, а сегодня будетъ ночевать подъ арестомъ. Антипычу сторожить, чтобы не сбѣжалъ. Продолжала называть Алексѣя по имени и отчеству, но напѣвала за столомъ: «Ахъ, Лель, мой Лель!..»

На другой день Ольга рѣшила непремѣнно ѣхать въ Монте-Карло. На люди, въ самую толчею, туда, гдѣ всего больше курортной публики. Надо заѣхать въ пансіонъ къ баронессѣ переодѣться,

тѣмъ лучше. Одно только условіе: Лель ни шагу безъ нея.

— Когда, въ которомъ часу въ Монте-Карло самый разгаръ?

— Безсиленъ сказать. Никогда тамъ не былъ. Страницкій ѣздитъ около пяти.

— И мы поѣдемъ около пяти!

— Какъ хочешь, тигрица моя!

— Почему— тигрица?

— Ты же сказала «не зайчиха».

— Ахъ, такъ! И еще какая лютая тигрица!

Въ комнатѣ у Алексѣя Ольга отыскала бумажный мѣшокъ съ ея старой шляпой, надѣла старую вмѣсто купленной Алексѣемъ: «Не обижайся, Лель, только на-сегодня». Пересчитала деньги въ сумочкѣ: «Триста франковъ кровныхъ, заработанныхъ,—поиграемъ!» Удивилась, что Алексѣй рѣшилъ надѣть фракъ: «Неужели такъ, въ бѣломъ не пускаютъ?»

Изъ сада, куда она вышла, пока переодѣвался Алексѣй, Ольга вернулась торжествующая:

— Мнѣ везетъ, Лель! Разговору у васъ въ пансіонѣ только объ Орловой!.. Боже, какой ты шикарнѣйшій, Лель! Покажись, покажись! Прямо изъ Холливуда! А я въ такой шляпчонкѣ.. Ничего. Такъ даже здоровѣе! Поздравляю васъ: Орлова и баронесса ѣдутъ сегодня въ сопровожденіи notre cher docteur въ Монте-Карло! Всѣ здѣсь съ ума сошли отъ «львицы». «Тигрица» точитъ коготки!.. Я смѣюсь же, Лель! Но мы непремѣнно, непремѣнно поѣдемъ! Надо такъ. Съ тобой сейчасъ только танцевать. Приглашай меня на вальсъ! Чарльстоновъ я не умѣю.

Ольга положила ему руку на плечо и стала напѣвать вальсъ, но изъ вальса ничего не вышло. Алексѣй не умѣетъ ни чарльстонить, ни вальсировать.

Въ Монте-Карло ѣхали на автокарѣ, въ большой компаніи туристовъ. По дорогѣ обогнали застрявшій—лопнула шина—автомобиль. Около него Страницкій съ папироской, внутри—двѣ дамы въ шарфахъ и въ очкахъ: баронесса и Орлова. Ольга смѣется:

— Началось съ того, что мы имъ пыль въ глаза пустили!

Въ Монте-Карло Ольгу не интересуетъ ни паркъ, ни зданіе казино. Она идетъ прямо туда, гдѣ играютъ: хорошо, что есть время подучиться, какъ это дѣлается. Проходя мимо большихъ зеркалъ, Ольга оглядываетъ въ нихъ себя и Алексѣя, смѣется: Лель по-фрачному измѣнилъ походку, а она «труситъ», какъ всегда, словно къ Комаровой на работу опаздываетъ.

Около столовъ рулетки много народа, но Ольгѣ уступаютъ мѣсто. Смотрящихъ пока больше, чѣмъ играющихъ. Алексѣй коротко объяснилъ правила игры. Ольга поставила мелочь на «16» и проиграла. Нѣсколько разъ выигрывала на черномъ. Дѣлала ставку не каждый разъ, ждала Орлову и Страницкаго.

— Что это они такъ долго свою шину чинятъ?!

Она весело переглянулась съ Алексѣемъ, когда издали показалась группа: Страницкій во фракѣ, баронесса, увѣшанная поддѣльными жемчугами, не отнимающая лорнета отъ глазъ, и Нина Орлова въ огненно-палевомъ манто и съ крупными бриллiантами въ ушахъ. У Орловой напряженная, качающаяся походка. Она смотритъ кругомъ, чуть прищуривъ глаза, манерно-высоко держитъ красивую голову. Опередивъ баронессу, пѣвица идетъ къ тому же столу, гдѣ играетъ Ольга. Нужна большая увѣренность въ себѣ, чтобы, не глядя ни на кого, итти въ толпѣ окружавшихъ столъ игроковъ и зрителей, но эта увѣренность оправдана: передъ Орловой все разступается, и она торжественно доходитъ до стола, опускается въ освобожденное сѣденькимъ господиномъ кресло.

— Моя касса, Сандро!

Подавая золотой мѣшечекъ, Страницкій увидѣлъ неподалеку Ольгу и Алексѣя, раскланялся. Орлова взглянула сначала на него, потомъ черезъ столъ на Алексѣя. Протянула дѣланно-иронически:

— Здѣсь навѣрное играютъ только по-мелочамъ. На rouge, Сандро!

Лишь изрѣдка Орлова бросаетъ взглядъ въ сторону Ольги и Старогорскаго, и наблюдающій за ней

Алексѣй чувствуетъ, что пѣвица владѣетъ собой только внѣшне: увидѣть его или Ольгу, остановить на нихъ взглядъ, Орловой никакъ не удается.

— Rouge проигрываетъ? Поставьте на impair!

Страницкій почтительно склоняется къ Орловой, негромко говоритъ ей что-то, навѣрное смѣшное, но ему не удается подсказать смѣхъ-успокоеніе пѣвицѣ. Она говоритъ намѣренно громко, вызывающе.

— Нѣтъ, это не для меня, Сандро! У меня — своя система. Ставьте противъ счастливыхъ въ любви,—будетъ счастье въ игрѣ! Будьте моими глазами. На что ставятъ голубки?!

Страницкій опять склоняется къ ней. Природа истерички и выучка актрисы подсказываютъ Орловой величественно-спокойныя мимику и движенія. Интонація ея вызывающихъ словъ какъ-будто капризно-лѣнивы, равнодушны. Для иностранцевъ, сосѣдей Орловой по столу, она—флегматичнѣйшій изъ игроковъ.

— У голубковъ — pair и noir?! Остальное меня не интересуетъ. Ставьте на impair и на rouge! Ваше остроуміе, Сандро, оставьте при себѣ!

Лощеный крупье лопаточкой продвигаетъ знаменитой пѣвицѣ выигрышъ Ей первой. Голосъ Орловой возбужденнѣе, звучнѣе, покрываетъ говоръ другихъ игроковъ:

— Превосходная система, Сандро! Что у нихъ теперь?

Страницкій, не отвѣчая, ставитъ на impair и на rouge.

— Голубки клюютъ все въ ту же точечку! Трогательно! Прибавьте, Сандро. Не жалѣйте косточекъ! Я не противъ большого выигрыша!

Крупье уже любезно улыбается. Легкій поклонъ въ сторону знаменитости. Взмахъ лопаточки. Орлова опять выиграла на обѣ ставки.

— Не вижу ставки, Сандро! Заснули наши голубки?! Я спою имъ «баю-бай»!.. Оно когда-то имѣло успѣхъ въ Нью-Іоркѣ!

На блѣдномъ лицѣ Орловой непрошеныя багровыя пятна. Она чувствуетъ это, все меньше владѣетъ собой. Дыханіе пѣвицы перестаетъ ей под-

чиняться, срывается голосъ. Пальцы нервно играютъ по столу.

— Теперь rouge? У голубковъ пошло на розовенькое?! Пойдемъ безъ грусти на траурное noir! И больше ничего? Четъ-нечетъ уже брошенъ?! Еще трогательнѣе! Голубки уже не знаютъ: двое ихъ или они уже слились въ одно!

Крупье произнесъ свое rien ne va plus! повернулся къ Орловой, и вмѣсто прежней готовой улыбки у него изумленно-вытянутое лицо. Пѣвица откинулась на спинку кресла. Она задыхается. У нея закушены губы. Истерика.

Среди игроковъ движеніе. Всѣхъ спокойнѣе Страницкій. Онъ сильной рукой поднимаетъ Орлову съ кресла, ведетъ прочь отъ стола. Ихъ окружаютъ любопытные. Къ нимъ спѣшатъ внимательные фраки изъ администраціи Казино, съ озабоченными лицами. Взволнованная баронесса о чемъ-то умоляетъ одного изъ нихъ...

Игра продолжается.

Нѣсколько разъ крупье удваивалъ не снятую ставку Ольги, потомъ равнодушно сгребъ груду косточекъ со стола.

— Пойдемъ, Лель!

— Пойдемъ, Елонька.

Возвращались не въ автокарѣ, одни. Ольгѣ было холодно, несмотря на жаркій вечеръ. Алексѣй снялъ съ себя пальто, и она закуталась въ него.

— Боже! Какъ это страшно! На Владиміра Федоровича тяжело смотрѣть. А это... ужасъ! Какая она должна быть несчастная! Горбатая Кэтъ — счастливица передъ ней! У Кэтъ нѣтъ никого. У нея нѣтъ... тебя! Мнѣ стыдно самой себя, Лель! «Тигрица»! Противно вспомнить! Неужели каждая... и я... можемъ стать такой же?! Жалкая! Бѣдная!

Въ Ниццѣ Ольга дала Алексѣю только полчаса: взять вещи отъ баронессы и разсчитаться за комнату. Дѣло не въ «зайцахъ» и «тиграхъ», не въ «зайчихахъ» и «тигрицахъ». Оставаться въ Ниццѣ недопустимо: не палачи же онъ и она, не палачество ихъ любовь!

XIII

— Дай опомниться, Лель! И не смѣй надо мной смѣяться! Боже, какъ чудно! Въ какой мы губерніи, Лель? Въ Орловской? И какая тамъ, за окномъ, рѣка? Прядва?! Вижу, вижу! По берегу — ивы и ольха съ черными прошлогодними шишечками! Шишечки хрустятъ подъ пальцами, разсыпаются, остается одинъ шершавенькій стерженекъ. А за рѣкой — лѣсъ! Въ лѣсу есть малинникъ, и всѣ говорятъ, что въ малинникѣ — гадюки, но никто никогда гадюкъ не видѣлъ!

Ольга съежилась, взвизгнула по-дѣтски, вскочила на большой диванъ.

— Ой! Боюсь гадюкъ!

Спрыгнула съ дивана прямо въ объятья Алексѣя.

— Драть меня надо, Лель, какъ сидорову козу! На диванъ съ ногами!

— Ну и пусть. Твой диванъ!

—Нѣтъ, не пусть! Кэтъ, миленькая, возьми тамъ, въ дѣтской розгу и, если я, противная дѣвченка, еще разъ на диванъ съ ногами заберусь!..

Обнимала Кэтъ.

— Кэтъ, родненькая! Правда, удивительно здѣсь! Удивительно! Поразительно! Чудесно! Все не тѣ слова. Здѣсь... здѣсь немыслимо! Пиши пропало, Лель, свадьба черезъ двѣ недѣли. Никуда я отсюда не поѣду! Такъ и буду сидѣть! Вы, господа, думаете, что я въ садъ когда-нибудь выйду! И не подумаю! Ни ногой въ вашъ садъ! Я хитрая. Въ саду, говорите, смородина поспѣваетъ, — и пусть поспѣваетъ! Я и отсюда это хорошо знаю. На рѣкѣ, на Прядвѣ — лодка, — и пускай лодка! Я вчера уже накаталась, сегодня мнѣ не хочется. Я лучше на роялѣ поиграю. Въ дѣтской могу — въ игрушки. А если научатъ, на билліардѣ. Научишь меня, Лель, на билліардѣ? Господи!..

Передъ портретомъ камергера Старогорскаго Ольга сдѣлала реверансъ, увѣряла камергера, что она и не подумала бы ходить стриженой, просто у нея недавно былъ тифъ, а къ Рождеству она уже сможетъ сдѣлать себѣ первую послѣ болѣзни прическу.

Ольгу было трудно увести даже изъ кухни. Сѣла и сидитъ.

— Подожду, когда Марфуша вернется. Не Марфуша, такъ Настя. А-то, подумайте, забрался въ домъ какой-то сумасшедшій, лопочетъ, увѣряетъ, что онъ французъ и здѣсь служитъ! Не спорь съ нимъ, Лель! Я говорю: сумасшедшій! Откуда здѣсь въ деревнѣ французу взяться. За нимъ скоро пріѣдутъ и увезутъ его въ земскую больницу.

Руками всплеснула и склонилась съ табуретки со смѣхомъ:

— Марфуша-то!.. вотъ дурища!.. француза съ деревянной ногой испужалась! Навѣрное, со страху гдѣ-нибудь на сѣновалѣ сидитъ... Ой, не могу! Сама я дурища!

Въ залѣ присѣла къ роялю, наиграла вальсъ. Оборвала.

— Не могу! Сейчасъ зареву! Лучше, ты, Кэтъ, играй, а я ужъ откровенно ревѣть буду. Ты не играешь, Лель?

— Нѣтъ. Теперь не играю. Совершенно разучился.

— Не танцуетъ, не играетъ! Значитъ, и намъ съ Кэтъ повальсировать по-настоящему не удастся. Вели, чтобы намъ закладывали лошадей, мы къ сосѣдямъ куда-нибудь поѣдемъ, гдѣ танцуютъ! А пока опять въ библіотеку.

— Пощади, Елонька! — взмолился Алексѣй. — Екатерина Эдуардовна съ голоду умираетъ. Дядя Гильомъ тамъ кофе приготовилъ. Сливки какія-то замѣчательныя досталъ! Двѣсти разъ въ библіотеку успѣемъ. Никуда не убѣжитъ.

Ольга съ притворнымъ отчаяніемъ сдалась:

— Есть сливки, ничего не подѣлаешь! Пойдемъ кофе пить.

Кэтъ - находка для этой поѣздки Ольги и Алексѣя въ «Старыя Горы». Алексѣй не понимаетъ, какъ Ольгѣ удалось уговорить горбатенькую: четверть часа «исповѣди», и Кэтъ согласилась. Кэтъ не слышно и не видно. Но Кэтъ — въ домѣ, и кумушки Нюизо могутъ спать спокойно. Съ дядей Гильомомъ—зачѣмъ онъ французъ! — Ольга примирилась быстро. Морякъ тоже не изъ надоѣдливыхъ.

Пусть дурища Марфуша такъ ужъ и сидитъ на сѣновалѣ.

Книги въ библіотекѣ умиляли Ольгу своимъ запахомъ, кожанными переплетами, вышитой крестиками закладкой. А дверцы у книжнаго шкафа поскрипывали для Ольги по-особенному, — такъ не умѣетъ никакой французскій шкафъ. Гдѣ ему! Книгу она возьметъ вечеромъ, когда пойдетъ спать. Удастся ли только заснуть. Какъ заснуть, если и сейчасъ Ольга уже во снѣ! Спитъ и видитъ, будто она гдѣ-то совсѣмъ близко отъ «Ильинокъ». Въ «Ильинки» отсюда можно доѣхать на тройкѣ, — такое здѣсь все русское, свое!

Удивительный человѣкъ этотъ Лель! Ольга наблюдаетъ за нимъ и поражается:

— Какъ ты можешь быть такимъ спокойнымъ! Я бы на твоемъ мѣстѣ бросалась цѣловать каждый стулъ. Съ ума схожу, а будь я ты, и не такъ бы еще съ ума сходила. Вѣдь для тебя-то здѣсь каждая пылинка родная! Ты какой-то безчувственный, Лель!

Она еще больше удивилась, узнавъ, что только этой весной Алексѣй впервые попалъ въ эти «Старыя Горы» во Франціи, а раньше здѣсь не бывалъ.

— И сколько же времени ты здѣсь пробылъ?

— Дней пять... шесть.

— Только?! И отправился отсюда, изъ своихъ «Старыхъ Горъ», на сладенькую Ривьеру?!

— Какъ видишь.

— И собирался вернуться въ свой Нью-Іоркъ?!

— Надо же.

— Ничего не надо! Я бы бросила всѣ Нью-Іорки, всѣ молы. Я бы не стала «просыпаться», если заснула и увидѣла такой счастливый сонъ. Проснуться, — тогда ужъ только для настоящей Россіи, для малинника и муравейника въ лѣсу, для русской рѣки, поля!.. Это, конечно, больше, чѣмъ только домъ. Но и здѣсь все такъ много говоритъ... мѣсяцами слушай, не дослушаешь всего! Твой отецъ былъ гораздо большимъ фантазеромъ, чѣмъ ты, американецъ мой несчастный!

Алексѣй смѣется:

— Вотъ и попалась! Отецъ мой здѣсь никогда и не былъ. Этотъ домъ — выдумка матери уже послѣ его смерти. Мать моя дѣйствительно была большая фантазерка.

— Женщина! Какъ я ее понимаю!

Они обходили снова весь домъ, и Ольга, торопливая при первомъ знакомствѣ со «Старыми Горами», теперь удерживала Алексѣя возлѣ каждой вещи. Онъ обо всемъ долженъ разсказывать. Если ему нечего было разсказывать, разсказывала она сама о какой-нибудь похожей вещи въ «Ильинкахъ», о своемъ дѣтствѣ.

— А здѣсь что? Здѣсь мы, кажется, не были.

Дверь оказалась на запорѣ. Позвали дядю Гильома. Ему не надо подбирать ключъ, онъ каждый ключикъ знаетъ. Голосъ у дяди Гильома торжественный:

— La chapelle russe!

Комнатка подъ ключемъ — молельня. Въ ней нѣтъ окна. Солнце вошло въ дверь, обагрило темный, тяжелый бархатъ стѣнъ, зажгло вѣнчики серебряныхъ ризъ на иконахъ. Въ углу одѣтый въ скромную парчу церковный аналойчикъ. Передъ большой иконой Божьей Матери, Скоропослушницы —паникадило съ неровно обгорѣвшими восковыми свѣчами.

Ольга перекрестилась. Молчала. Алексѣй удивленъ открытiю:

— Объ этомъ я и не зналъ! Раньше здѣсь, помнится, была кладовая. Да, конечно, кладовая. Я изъ нея изюмъ таскалъ.

— Не надо, Лель!..

Алексѣю показалось, что Ольга молилась. Дядя Гильомъ — осторожный, едва ступаетъ на деревяшку — удалился. У Алексѣя мысли о раннемъ дѣтствѣ, о томъ, какъ когда-то молился и онъ. Помнитъ даже обрывки дѣтскихъ молитвъ... Утѣшителю, Душе Истинный... а дальше не помнитъ, забылось.

— Лель!

— Что, Елонька? Что, маленькая?!

— А ты... ты вѣруешь?

У Алексѣя нѣтъ сразу отвѣта. Слишкомъ хо-

тѣлось бы ему найти въ себѣ увѣренное «да», котораго ждутъ глаза Ольги. Но странно-неловкимъ, чужимъ кажется само слово «вѣрую». Алексѣю не хочется обмануть ни Ольгу, ни себя.

— Не знаю, Елонька. Какъ-то не думалъ объ этомъ. Вѣрнѣе, думалъ, конечно, но... Сейчасъ вижу, что мнѣ это не совсѣмъ безразлично. Я радъ, что у моей Елоньки есть Богъ. Въ этомъ — елонькина красота. Могу ли я не любить твою красоту!

Ольга ничего не отвѣтила. Она заперла молельню иа ключъ, взяла его себѣ. Не глядя на Алексѣя, взяла его подъ руку, ласково погладила по рукѣ. Когда Алексѣй хотѣлъ повернуть изъ зала въ садъ, она покачала головой, не хочетъ.

— Я серьезно, Лель, еще долго никуда изъ дома не пойду. Выйдешь въ садъ, спугнешь домъ. Разсыплется что-то, водицей разбавится. Знаешь, Лель, меня сердитъ, что пришлось взять сюда Кэтъ. Я ревную къ ней твой домъ, «Старыя Горы». Зачѣмъ для чужой Кэтъ приготовлена здѣсь комната! Я и сама-то какъ будто еще не въ правѣ сдѣлать здѣсь своей одну изъ комнатъ. Я тоже пока чужая. «Старыя Горы» должны ко мнѣ привыкнуть, и я должна въ нихъ все, все понять! Тебя, Лель, должна понять лучше... понять такъ же до конца, какъ люблю.

Опять погладила по рукѣ, словно успокаивая Алексѣя. Шумная радость, восторгъ первыхъ удивленій ушли. Ольга слушаетъ «Старыя Горы», спрашиваетъ ихъ не словами, легкимъ прикосновеніемъ къ клавишамъ рояля, едва похожимъ на музыку. Алексѣй сидитъ рядомъ и смотритъ на нее, говоря себѣ о прекрасной радости, которую ему даетъ Елонька въ свои задумчивыя, какъ-будто даже грустныя минуты. Не меньшая въ этомъ радость, чѣмъ слышать ея смѣхъ, видѣть ея улыбку.

...Господу-Богу помолимся, древнюю быль возвѣстимъ...

Въ намекахъ рояля Алексѣй слышитъ знакомую мелодію, узнаетъ и не узнаетъ ее. Слышалъ какъ-то въ Нью-Іоркѣ на сборномъ русскомъ концертикѣ: теноръ въ черкесскѣ, еврей-скрипачъ и «народная пѣвица» въ бальномъ платьѣ. Пальцы

Ольги поютъ другое, созвучное старому дому и этому томительному предвечернему часу яснаго лѣтняго дня.

— Что ты играла, Елонька?

— А развѣ я что-нибудь играла? Я думала...

Алексѣю казалось, что портретъ его отца въ билліардной долженъ привлечь особенное вниманіе Ольги. Это не оправдалось. При первомъ знакомствѣ съ домомъ даже молчаливая Кэтъ больше оцѣнила мастерство портретиста, подчеркнула сходство сына съ отцомъ. Ольга же спѣшила дальше, въ другія комнаты. Когда они вернулись къ портрету уже одни, Ольга сказала:

— Гдѣ это Кэтъ нашла поразительное сходство? Ты, правда, похожъ на него, но все-таки ты совсѣмъ другой, Лель. Хорошій портретъ. Живой.

И больше ничего. Ольга дольше разсматривала какую-нибудь табакерку на столѣ, въ библіотекѣ, или силуэтъ дамы въ гостинной: просто дама или чей-нибудь портретъ. Объ этой дамѣ-силуэтѣ у Ольги было больше догадокъ, чѣмъ объ отцѣ Алексѣя. Она надѣляла даму мыслями и вкусами, подобрала дамѣ «любимый романсъ» и собаку: непремѣнно борзая. Камергеръ съ вѣеромъ и дамской бальной сумочкой, казалось, могъ бы дать воображенію больше. О немъ — ни слова.

Изъ всѣхъ комнатъ дома Ольга меньше всего задержалась въ спальнѣ матери Алексѣя и въ кабинетѣ отца. Портретъ Старогорской на столѣ, въ кабинетѣ Ольга не замѣтила. Уже подъ вечеръ спросила какъ бы случайно:

— А есть здѣсь портретъ твоей мамы?

— Я развѣ не показалъ.

Алексѣй отвѣтилъ и невольно улыбнулся, пояснивъ:

— Какъ-то странно слышать про мою мать «мама». У меня это какъ-то не выговаривается. А у моей Елоньки — хорошо, просто!

— Развѣ ты не любилъ свою мать?

— Я почти не зналъ матери, Елонька. Для меня «мама» превратилось въ пустой титулъ первыхъ словъ письма къ матери. Мы вѣдь не видѣлись съ ней съ моего дѣтства. Я воспитывался внѣ

дома. Мнѣ было около семи лѣтъ, когда я въ послѣдній разъ былъ въ «Старыхъ Горахъ» еще въ Россіи.

— Какъ странно!

Ольга ждала другихъ, разъясняющихъ словъ. Алексѣй не далъ ихъ.

— Хочешь посмотрѣть ея портретъ? Есть только фотографія, и по моему не удачная.

— Конечно, хочу!

Передъ портретомъ Старогорской Ольга сидѣла долго. Молчитъ Лель, такъ пусть говоритъ старая фотографія его матери. Но и фотографія молчитъ. Для Леля какъ будто и нѣтъ никакихъ вопросовъ въ томъ, что занимаетъ Ольгу при мысли о немъ, о его матери, объ ихъ странныхъ отношеніяхъ. Лель, пожалуй, не умѣетъ, — портретъ не хочетъ говорить. Молчаніе портрета намѣренное. Эти глаза скрываютъ. Эти губы отказываются отъ словъ-отвѣтовъ.

— Знаешь, Лель, тебѣ навѣрное часто говорили, что ты похожъ на отца. Да? А ты гораздо больше похожъ на нее. Если бы она улыбнулась, еще больше было бы сходства... Какъ странно!

Алексѣй поцѣловалъ ее въ волосы, повернулъ къ себѣ ея голову, въ глаза посмотрѣлъ, увидѣлъ въ глазахъ: такъ она и не спроситъ. Спросилъ самъ:

— Поняла что-нибудь, разгадчица моя?

— Нѣтъ, Лель. Ты разскажешь? Вѣдь, правда же, для незнающаго странно. Ты — хорошій, и она, вижу, хорошая. И это вовсе не любопытство, если, любя тебя, я не хотѣла бы оставаться незнающей. Такъ?

— Конечно, Елонька. Я вѣдь не дѣлаю никакихъ тайнъ изъ моего прошлаго. Представь себѣ, что для меня самого моя мать, ея отношенія съ отцомъ и даже отношеніе ко мнѣ до этой весны были совершенно неясными. Не скажу, чтобы въ этомъ для меня были какія-то загадки. Я такъ привыкъ быть не дома, жилъ себѣ, не задумываясь объ этомъ. Пріѣхалъ сюда и узналъ. Ты удивляешься, что я молчу, не разсказываю? Мнѣ просто очень трудно было бы разсказать. Думается, я не-

вольно взялъ бы невѣрный тонъ. Разгадка всего — въ моей матери. Она сама тебѣ все и разскажетъ, какъ разсказала мнѣ, письмо оставила. Скорѣе не письмо, а цѣлый романъ, сказка.

— Ты мнѣ дашь прочитать?

— А то какъ же, Елонька! Плохо было бы, если бы я сталъ отъ тебя какіе-то секреты заводить. Моя мать была дѣйствительно странный человѣкъ, съ больной, навязчивой идеей, которая отравила ей всю жизнь. Можетъ быть, психіатръ даже призналъ бы ее не совсѣмъ нормальной, — я этого сказать не хочу. У нея была тяжелая жизнь, Елонька, а меня — теперь я только и узналъ — она очень любила. Хочешь сейчасъ, Елонька, прочитать?

— Нѣтъ, Лель, потомъ. Дай мнѣ письмо вечеромъ, когда спать погонишь.

Только вечеромъ, когда дядя Гильомъ зажегъ въ домѣ лампы, пришла изъ сада Кэтъ съ книжкой. Ольгѣ довольно ласково обнять горбатенькую, поцѣловать, чтобы уже было сказано: не удивляйся, Кэтъ, что мы о тебѣ совсѣмъ забыли. Алексѣй говоритъ о томъ же, подбирая шутливыя слова, изображая себя тюремщикомъ, который заманилъ Екатерину Эдуардовну въ ловушку и послѣ веселой Ниццы держитъ ее въ «Старыхъ Горахъ», какъ въ монастырѣ.

У Кэтъ — естественный тонъ. Она разговорчивѣе, чѣмъ была при первомъ ихъ знакомствѣ или въ вагонѣ по дорогѣ. Кэтъ, оказывается, нашла въ библіотекѣ интересную, нужную ей книгу. Въ Ниццѣ ее никакъ было не достать. А здѣсь, какъ нарочно, именно эта книга одной изъ первыхъ на глаза попалась.

За ужиномъ — оживленный общій разговоръ.

Алексѣй улыбнулся догадкѣ Ольги, сколько вагоновъ понадобилось, чтобы перевезти сюда изъ Россіи разобранный въ прежнихъ «Старыхъ Горахъ» домъ. Конечно, все строилось заново здѣсь: путешествовали двери, рамы и подоконники оконъ, ставни, столбы балкона, гдѣ найдешь иниціалы и даты давнихъ лѣтъ. Этого достаточно, чтобы

сдѣлать домъ старымъ. Остальное — въ строгой точности прежняго плана, въ архитектурныхъ линіяхъ, въ мебели.

Кэтъ спросила съ едва уловимымъ упрекомъ:

— И онъ такъ и стоялъ много лѣтъ пустымъ? Грѣшно! Такой иллюзіей русскаго надо было бы подѣлиться со многими, кто безъ Россіи буквально боленъ. Такихъ немало.

Ольга насторожилась. Ей и хотѣлось бы отвѣтить Кэтъ, но не она хозяинъ «Старыхъ Горъ».

— Да. Въ домѣ никто не жилъ послѣ смерти моей матери, а мать жила одиноко.

Кэтъ продолжала настойчиво:

— Этотъ домъ могъ бы служить санаторіей для тѣхъ бѣженцевъ, на которыхъ я, къ счастью, не похожа, но которыхъ все-таки понимаю. Ностальгія — ужасная болѣзнь! Не каждый, кто ею страдаетъ, но нѣкоторые здѣсь, пожалуй, воскресали бы. Я не изъ сантиментальныхъ, но мнѣ это ясно.

Алексѣй хотѣлъ отвѣтить, оправдывая себя:

— Если бы я зналъ, Екатерина Эдуардовна...

Ольга не дала ему договорить. Ольгѣ не хочется, чтобы и Кэтъ показалось страннымъ то, что Алексѣй до этой весны не зналъ о существованіи «Старыхъ Горъ» во Франціи: въ этомъ столько поводовъ для вопросовъ, которыхъ не должно быть для Кэтъ.

— Кэтъ, голубушка! Ну какъ можно говорить такія вещи! Напустить сюда постороннихъ людей!.. Ахъ, Кэтъ, ты прости меня за ужасное сравненіе, но ты почувствуешь, что я права. Ты говоришь совсѣмъ какъ Іуда, когда онъ хлопоталъ о нищихъ. Помнишь: лучше продать это масло и раздать нищимъ. Вспомни, что Самъ Христосъ отвѣтилъ: нищихъ всегда имѣете съ собою! Большевики тоже во дворцахъ и въ церквахъ пріюты устраиваютъ, а кому отъ этого легче?! Никому!

Ольга говоритъ возбужденно, горячо. Не вникая въ смыслъ ея словъ, Алексѣй любуется ею. Такой онъ еще никогда не видѣлъ Елоньку. Новая въ ней красота. Кэтъ не обижена «ужаснымъ сравненіемъ», но въ ней проснулся озлобленный спор-

щикъ, та же придирчивая Екатерина Эдуардовна, которая не переноситъ, чтобы ее называли «баронессой».

— А ты думаешь, Ольга, что этотъ барскій домъ съ кружевными салфеточками на столикахъ и подушечками на диванахъ анологиченъ маслу на ноги Христа! Не слишкомъ ли сильно сказано!

— Ничуть пе сильно! Гдѣ ты такой другой домъ видѣла? Гдѣ?! Вовсе не нужно сантиментальной быть, чтобы почувствовать: этомъ домъ не прихоть. Когда американскій милліонеръ строитъ у себя, гдѣ-нибудь въ Чикаго, точную копію венеціанскаго Палаццо Дожей, это — прихоть. Карманная, безвкусная прихоть! А тутъ... нельзя такъ говорить!

— И все-таки драгоцѣннымъ масломъ этого дома здѣсь, кажется, некого умасливать. Христосъ былъ тогда на порогѣ Голгофы. Здѣсь никакой Голгофы никому не предстоитъ.

Эти слова ударяютъ Ольгу, какъ бичемъ. Даже Кэтъ взволнованно смотритъ на нее: Ольга постукиваетъ побѣлѣвшими косточками сжатыхъ рукъ по столу.

— Такъ не шутятъ, Кэтъ! Довольно, Кэтъ! Именемъ Христа не играютъ!

— Прости, Ольга! Но ты сама первая произнесла это Имя въ примѣненіи къ дому Алексѣя Алексѣевича. Игра начата не мной. Я во всякомъ случаѣ охотно ее кончаю.

Вошелъ дядя Гильомъ. Ради него разговоръ переходитъ на французскій языкъ. У дяди Гильома предложеніе: въ Нюизо у ребятъ портного можно купить живую молоденькую бѣлку, а здѣсь, въ дѣтской есть колесо для бѣлки. Можетъ быть, мадемуазель это понравится.

— Лель. А у васъ жили бѣлки, когда ты былъ маленькій?

— Да, Елонька. Одно время была бѣлка. Какъ-то звали смѣшно ее... вспомню, вспомню... что то вродѣ «Кустикъ», только не «Кустикъ»...

— Возьмемъ бѣлочку, Лель! Пусть живетъ. Купите бѣлочку, дядя Гильомъ. Пусть живетъ!

Вставъ изъ-за стола, Ольга ласково обняла

Кэтъ, пошла съ нею плечо къ плечу, щека къ щекѣ. Ни словъ примиренія, ни попытки вернуться къ тому досадному разговору смягчающими споръ словами. Съ Кэтъ онѣ слишкомъ близки. Слова нужны только ради Алексѣя:

— Мы всегда такъ, Лель. Поцапаемся, какъ двѣ кошки, и опять съ одного блюдца рядомъ лакаемъ! Сейчасъ пойдемъ, запряжемъ Кэтъ на роялѣ играть, а сами будемъ слушать! Нѣтъ, кажется на свѣтѣ другой такой ломаки, какъ Кэтъ, а я спокойна, изучила ее: будетъ сегодня играть! Будешь вѣдь?

Если ты такъ меня изучила, такъ зачѣмъ же провѣряешь. Хотите, буду играть. Только въ твоихъ рекомендаціяхъ я—ломака.

Въ тонѣ Кэтъ – благодарность за простоту ольгиной ласки, за теплоту, рѣдкую въ людяхъ, когда они – съ горбатенькой баронессой.

Алексѣй зажегъ двѣ свѣчи на роялѣ, подалъ Кэтъ тетради нотъ. Она перебрала ихъ, спросила:

— Что-нибудь твое любимое, Ольга? Или здѣшнее?

Алексѣй отвѣтилъ: Любимое. Ольга: – Здѣшнее. Переглянулись съ улыбкой, и Ольга шепнула неслышно для Кэтъ:

— Здѣшнее вѣдь тоже — любимое. Самое любимое!

Въ игрѣ Кэтъ, технически мастерской, техника не первое. Но и то, что въ исполненіи піанистовъ называютъ «душей», у Кэтъ не становится раскрытіемъ музыкальной мысли, не вмѣстимой до конца въ нотную запись. Кэтъ не ищетъ авторскихъ подсказокъ, а словно намѣренно вступаетъ съ ними въ споръ, противорѣчитъ имъ. «Душу» вещи она искажаетъ даже не ради своей души исполнителя. Кэтъ не хозяинъ, раба своихъ противорѣчій, точно нѣтъ у нея въ душѣ ничего, кромѣ больного протеста.

Алексѣй не слышитъ оттѣнковъ игры Кэтъ. Онъ обнялъ Ольгу, слушаетъ музыку въ пальцахъ ея рукъ: вздрогнули, напряжены, сами касаются невидимыхъ клавишей, торопятъ ритмы Кэтъ, сдерживаютъ ихъ. Только это нѣмая борьба Ольги съ

музыкой Кэтъ внятна Алексѣю. Не вѣритъ звукамъ, они побѣждены движеніями любимыхъ рукъ, лучшей, родной красотой ихъ подсказокъ. Для самой Ольги нѣтъ этой борьбы. Въ ней—привычныя поправки мысли и сердца на привычный тонъ Кэтъ, говоритъ ли горбатенькая о чемъ-нибудь или играетъ.

Кэтъ играла долго. Потомъ долго сидѣла молча. Встала.

— Я пойду спать, господа. Спокойной ночи.

— Спасибо, Екатерина Эдуардовна!

Кэтъ ушла. Медленная, словно хочетъ продлить пытку нестерпимыхъ для нея провожающихъ взглядовъ-уколовъ въ обезображенную горбомъ спину.

— Нравится тебѣ, Лель, какъ она играетъ?

— Нашла кого и когда спрашивать, Елонька. Мнѣ нравилось, какъ играла ты, а игра Кэтъ прошла мимо.

— А мнѣ теперь жаль, что я попросила ее играть. Зло она играетъ! Себя мучаетъ. Мужчина такъ не сталъ бы. Мужчина напился бы, какъ Владиміръ Федоровичъ или тотъ французъ. Жаль, что у такихъ, какъ Кэтъ, нѣтъ такого же выхода! Куда было бы проще и легче. Пойдемъ отсюда, Лель. Пойдемъ шарики покатаемъ.

Ольгѣ хочется только одного: скорѣе прочесть то письмо матери Алексѣя. Она притворяется, будто ее занимаетъ билліардъ, сердятъ ея непослушные, скользящіе по шару, покорному подъ ударомъ Алексѣя. Алексѣй играетъ удачно, увлекся игрой. Ольга не хочетъ испортить ему настроеніе, какъ взрослый мальчику.

Онъ бросаетъ игру самъ. Цѣлуетъ. Изобрѣтаетъ ласковыя имена. Алексѣй благодаренъ «Старымъ Горамъ» за сегодняшній день, день—шагъ въ ихъ близости: давно родная, Елонька сегодня ему роднѣе вдвое. Смѣется:

— Въ первый разъ ты меня сегодня ругнула: американецъ ты несчастный! Это—тоже шагъ впередъ. Непремѣнно нужно, хоть немного, поругаться. Это сближаетъ, Елонька, глубокая, хорошая моя! И ночь у насъ будетъ особенная: первая ночь подъ одной крышей. А утромъ... на утро я заказалъ дя-

дѣ Гильому такихъ сливокъ, чтобы ложка въ нихъ торчкомъ стояла! Будетъ моя Елонька кофе пить и увѣрять, что тамъ, за садомъ есть хлѣвъ, а въ хлѣву—корова «Машка», и сливки эти именно отъ Машки. Родная моя придумщица!

Для Ольги постель приготовлена въ прежней спальнѣ Старогорской.

— Можно къ тебѣ на минуту, Елонька?

— Почему же нельзя. А... обѣщанное, Лель?

— Оно какъ-разъ тамъ. Гдѣ случайно нашелъ, тамъ и оставилъ. А могъ бы, представь, и не найти. И ломала бы моя Елонька головку надъ загадкой. Никогда, родная, не стоитъ ломать голову напрасно.

Въ спальнѣ Алексѣй изобразилъ себя маленькаго: за пряникомъ полѣзъ въ материнскій ночной столикъ. Вынулъ пакетъ.

— Вмѣстѣ, Елонька, прочитаемъ!

— Нѣтъ, Лель. Съ своей мамой я лучше всего говорю, когда я совсѣмъ одна. Дай такъ же одна поговорю и съ твоей.

— И скорѣй спи спокойно!

Ольга обняла Алексѣя, поблагодарила взглядомъ.

— До утра, Лель! Буди. Я боюсь, что засплюсь здѣсь, какъ сурокъ. Лель мой, Лель!..

XIV

Алексѣй всталъ рано. Въ садъ вышелъ. Порадовался свѣжести утра. Ночью прошелъ дождь, подарокъ дядѣ Гильому: можно обойтись безъ утренней поливки.

— Бѣлку, дядя Гильомъ, еще не достали?

— Когда же было, м-сье.

— Сегодня же непремѣнно достаньте! Сейчасъ съѣздили бы, дядя Гильомъ. Вамъ на велосипедѣ—пустяки. Не слонъ вѣдь бѣлка! Довезете. На станцію за-одно позвоните: не пришелъ ли автомобиль?

Дядя Гильомъ обѣщалъ быть быстрѣе вѣтра, и Алексѣю даже хочется, чтобы Елонька спала какъ сурокъ. Проснется,—а бѣлка уже тутъ. О бѣлкѣ въ колесѣ Алексѣй говоритъ съ Кэтъ за кофе:

— Варварство? Немного, пожалуй, и варварство. Въ лѣсу бѣлкѣ, конечно, лучше, чѣмъ въ комнатѣ, въ колесѣ. Но въ жизни вообще столько варварства, Екатерина Эдуардовна. Сколько людей въ положеніи, гораздо болѣе худшемъ, чѣмъ бѣлка въ колесѣ.

— Люди сами въ этомъ виноваты. А бѣлкя развѣ виноваты?

Алексѣя забавляетъ этотъ споръ, его первый разговоръ съ «колючей» Кэтъ одинъ-на-одинъ.

— Отсюда, Екатерипа Эдуардовна. недалеко и до тѣхъ благотворителей, которые даютъ умирать дѣтямъ, а откармливаютъ десятки кошекъ. Бѣлки, конечно, ни въ чемъ пе виноваты, но онѣ и не страдаютъ такъ, какъ люди. Вы навѣрное никогда не видѣли бѣлку въ колесѣ. Колесо въ этомъ случаѣ не орудіе пытки, а облегченіе для подвижнаго звѣрька. Безъ колеса бѣлкѣ куда хуже.

— Послушать васъ, какъ будто вы сами побывали въ бѣличьей шкурѣ!

— Просто я помню веселую мордочку бѣлки въ колесѣ, которое теперь пусто. Увѣренъ, что въ гостяхъ Ольги Дмитріевны, въ «Старыхъ Горахъ» новой бѣлкѣ будетъ не хуже, чѣмъ въ рукахъ у ребятъ портного. Какъ спали, Екатерина Эдуардовна?

Кэтъ поблагодарила: она всегда хорошо спитъ.

— Мягко только очень. Отвыкла отъ такихъ постелей. Ольга навѣрное блаженствуетъ. Она любительница мягко спать. Славная дѣвочка! Я, было время, радовалась за Клочко... Васъ не удивляетъ, что я у васъ въ домѣ о немъ говорю? Впрочемъ, вы меня уже немного знаете. Кривить не умѣю. Хорошо, что это случилось теперь, не потомъ. Когда вы появились на горизонтѣ, я боялась, что можетъ случиться худшее, и были бы они оба мучениками. Для такихъ церковниковъ, какъ Ольга и Клочко, бракъ — нерушимое, какъ-будто любовь — одно, а бракъ — другое. Вы ей больше подходите, чѣмъ Клочко. Если бы я этого не чувствовала, вы бы нажили во мнѣ врага.

— Радъ, что я вамъ не врагъ, Екатерина Эдуардовна. Въ друзья не напрашиваюсь, но цѣню вашу дружбу съ Ольгой Дмитріевной.

Кэтъ повела плечами.

— У меня друзей нѣтъ. Друзей вообще не бываетъ. Выдуманное слово. Елоньку вашу, если подыскивать слово, я скорѣе люблю. Какъ и во всякой любви, въ нашихъ съ Ольгой отношеніяхъ много недоговоренности и фальши. Это не дружба. Дружбу я себѣ иначе представляю.

— Вы не слишкомъ высокаго мнѣнія о любви, Екатерина Эдуардовна. Развѣ такъ ужъ непремѣнны въ ней фальшь и недоговоренность?

— А развѣ нѣтъ! Счастливая любовь, это — такая, гдѣ недоговоренности и фальши больше, и онѣ тоньше. Больше откровенности, меньше и такъ называемаго счастья. Иллюзій меньше.

У Алексѣя больше нѣтъ желанія состязаться съ Кэтъ въ спорѣ. Онъ молчитъ. О бѣлкѣ говорить согласенъ, о любви — нѣтъ. Кэтъ выждала минуту, добавила:

— Желаю вамъ счастья съ Ольгой, хотя она изъ неумѣющихъ фальшивить. А бѣлку все-таки отпустите. Бѣлка счастья не прибавитъ!

Нѣсколько разъ Алексѣй осторожно прошелъ мимо комнаты, гдѣ спала Ольга. Тихо. Возвращался на крыльцо поджидать изъ Нюизо дядю Гильома. Разбудитъ Елоньку, когда привезутъ звѣрка.

Хромоногій морякъ катилъ подъ горку быстро, легко спрыгнулъ съ велосипеда. Ящикъ обвязанъ пестрой тряпкой, прыгаетъ тряпка. Осторожно рукой дядя Гильомъ поймалъ въ ящикѣ бѣлку, посадилъ въ приготовленную клѣтку съ колесомъ. Звѣрекъ мечется, задѣлъ колесо, оно завертѣлось. Заинтересовался, успокоился.

— Привыкнетъ! Совсѣмъ молодая бѣлка. Самочка. Мадемуазель будетъ довольная!

Съ клѣткой въ рукахъ Алексѣй пошелъ наконецъ будить Ольгу. Ему не нужно фальшивить, какъ воображаетъ Кэтъ, чтобы звать спящую ласково, говорить, какъ говорятъ дѣтямъ:

— Елонька! Бѣлочка пріѣхала! Вставай знакомиться!

Ольга не отозвалась. Спитъ еще.

— Сурокъ! Что заспался! Стыдно! Бѣлки уже

прыгаютъ. Вставай Елонька! День-то какой чудный! Ночью дождь прошелъ. Суро-о-къ!

Подождалъ. Постучалъ въ дверь. Дверь открылась.

Въ солнечномъ полумракѣ отъ закрытыхъ въ спальнѣ ставень — Ольга. У нея словно вдвое потемнѣвшіе глаза, лицо нѣмое. Не понимаетъ сразу ея лица Алексѣй. И, когда подумалъ, понялъ, — не хочетъ вѣрить:

— Елонька! Что за глупости! Да неужели же изъза этого?.. Зналъ бы, сжегъ письмо. Брось, Елонька! Бѣлочку дядя Гильомъ привезъ. Бѣлочка «Кустикъ»! Я такъ и не вспомнилъ, какъ ту въ дѣтствѣ звали. Пусть эта будетъ «Кустикъ»... Елонька!

Ольга прислонилась къ двери, не отвѣчаетъ, смотритъ невидящими, какъ кажется Алексѣю, глазами, смотритъ-впитываетъ въ себя его лицо. Онъ не лжетъ, онъ на самомъ дѣлѣ не ждалъ увидѣть ее такой, онъ ничего не хочетъ прикрыть этой бѣлкой. Если такъ, у нея есть силы съ нимъ говорить.

— Бѣдная твоя мать!

Сказала, а больше не можетъ. Себѣ самой приговоръ произнесла и ждетъ, пойметъ ли онъ. Не понялъ.

— Елонька! Чудная, чуткая, хорошая! Зачѣмъ же растравлять себя! Зачѣмъ безъ конца!.. Она успокоилась, поняла.

Зачѣмъ онъ далъ Ольгѣ это ужасное письмо! На самомъ же дѣлѣ ужасное. Надо было объ этомъ раньше подумать. Ольга понимаетъ несказанныя имъ мысли:

— Напрасно мучаешься! Долженъ былъ дать прочитать. Не могъ не дать. Ужасно теперь, а лучше, что далъ. Ты хочешь меня увѣрить, что ты не вѣришь въ это? Да? Можетъ быть, и не вѣришь вообще, но каплю-то все-таки вѣришь. А капли, самой маленькой уже довольно, Алешенька!

Имя ему новое, материнское «Алешенька» изъ письма, вошедшаго въ душу Ольги. Это ласковое имя прогоняетъ едва сознанный страхъ: конецъ. Алексѣй хватается за «Алешеньку», пытается улыбнуться:

— А Лель гдѣ же, Елонька? Лели-лели?!.

— Не надо! Страшное имя, Лель!

— Почему страшное, Елонька? Можетъ быть, и «Елонька» теперь отмѣняется?

— Зови, какъ хочешь! А почему Лель—страшное, все равно не поймешь. Потомъ когда-нибудь скажу. Психіатрамъ твоимъ лишній штришокъ давать не хочу. Къ психіатрамъ меня не отправишь, Алешенька?

— Елонька!

— Лучше скажи: какъ же капелька? Есть?

Алексѣй смотритъ на нее растерянно, не хочетъ вѣрить, что э т о уже завладѣло Ольгой, какъ долгую жизнь владѣло его матерью. Нѣтъ у него словъ, чтобы убѣдить. Онъ отбрасываетъ мысль Ольги, какъ нелѣпость, которая не должна быть долго ея мыслью:

— Удивительныя вы, женщины! Мать двадцать лѣтъ старалась, что бы у меня — ни капельки, а тебѣ, Елонька, капелька понадобилась! Пожалуйста, Елонька! Море цѣлое! Возьму влюблю въ себя голландскую королеву и до престола съ моимъ всемогуществомъ — два шага. Довольно тебѣ, Елонька?!. Только пойдемъ отсюда. На солнце пойдемъ, въ пятнашки по саду бѣгать! Проклятый домъ! Ставни еще позакрывали! Тьма какая-то! Елонька, родная моя! Нельзя же повторить все снова, какъ у моей матери и у моего отца. Ну, пусть вѣрно э т о, пусть попали мы съ тобой въ сказку какую-то, — давай жить, какъ въ сказкѣ! Вотъ у меня и бѣлочка сказочная, щелкаетъ орѣшки... зерна не простыя, — такъ что ли въ сказкѣ говорится? — а скорлупки золотыя!

Долгимъ разгадывающимъ взглядомъ посмотрѣла Ольга на Алексѣя. На мгновеніе — будто волосы поправила — закрыла глаза руками, скрыла непереносимую муку на своемъ лицѣ. Овладѣла собой.

— Славная бѣлочка! Отпусти ее Алешенька. Пусть на волѣ живетъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ въ садъ и отпустимъ.

— Пойдемъ.

Ольга дала обнять себя, пошли въ садъ. Въ

саду Кэтъ и дядя Гильомъ бесѣдуютъ. Алексѣй кричитъ издали:

— Екатерина Эдуардовна! Вашего полку прибыло! Отпускаемъ звѣря на свободу! Приказъ хозяйки.

Въ глазахъ Кэтъ Алексѣй читаетъ, какъ измѣнилось лицо Ольги. Самъ на нее онъ взглянуть не смѣетъ. Поставилъ клѣтку на траву, открылъ дверцу. Не выходитъ бѣлка.

— Не торопится. Не поняла еще. Дурачина «Кустикъ»!

Бѣлка осторожно вышла изъ клѣтки на стриженый газонъ, пригнулась къ землѣ, потомъ граціозно распрямилась, парусомъ хвостъ. Нѣсколько прыжковъ, — и бѣлка на ближайшемъ букѣ, въ солнечной его листвѣ.

— Умница, Ольга! И дѣти будутъ, — дѣтямъ не уступи! Пусть лучше разломаютъ клѣтку, играя. Вчера, Алексѣй Алексѣевичъ, для меня была первая радость въ вашемъ домѣ, книга та. Сегодня вторая радость -- бѣлкѣ свобода. Не жалѣю, что согласилась съ Ольгой поѣхать!

Кэтъ явно говоритъ для Ольги, любя ее, хочетъ увести ея мысль отъ чего-то, что отняло вчерашнюю радостность. Ничего дѣланнаго, неестественнаго въ тонѣ Кэтъ. Допытываться, въ чемъ дѣло, утѣшать, успокаивать — не въ натурѣ горбатенькой. Когда она видитъ Ольгу грустной, она только перестаетъ быть угловато-придирчивой, а для этого стоитъ лишь забыть о самой себѣ. Это трудно для Кэтъ, когда Ольга весела, и пустякъ, когда она грустна или разстроена.

Ольга невольно сравниваетъ простоту Кэтъ съ неестественной веселостью Алексѣя: зачѣмъ онъ восхищается тѣмъ, какъ вспыхиваетъ солнцемъ хвостикъ бѣлки, зачѣмъ хлопнулъ по плечу дядю Гильома и подмигнулъ ему.

...Лель, веселый и бездумный богъ! Улыбнется, — и тянутся къ нему дѣвушки. Бери любую! Захочетъ и возьметъ. Чудесный и страшный своей чудесностью. Любимый и чужой... богъ сказочный и американецъ!..

Изъ-за бѣлки дядя Гильомъ позабылъ объ автомобилѣ, съ искреннимъ испугомъ спохватился:

— Машина-то ваша, м-сье, уже на станціи. Хоть сейчасъ получить можно.

У Алексѣя — проектъ: пойти сейчасъ всѣмъ втроемъ на станцію пѣшкомъ. А со станціи до обѣда кататься.

Кэтъ поддержала:

— Вчера изъ вашего проекта ничего не вышло бы. Домъ помѣшалъ бы. Сегодня Ольга уже оскоромилась, въ садъ вышла. Можно въ садъ, — можно, значитъ, и на станцію. Я пройдусь пѣшкомъ съ удовольствіемъ.

— Елонька! А ты какъ? «Фіатъ» встрѣчать?

— Хорошо.

На станцію все-таки не пошли. У себя въ комнатѣ — за шарфомъ зашла — Ольга безъ силъ опустилась въ кресло, закрыла лицо руками.

— Елонька!

— Пойди, скажи Кэтъ, что я не иду никуда. Скажешь, — сюда вернешься.

Алексѣй вышелъ. Нашелъ Кэтъ на крыльцѣ. Въ самомъ дѣлѣ «удобная» Кэтъ: не удивляется, не разспрашиваетъ, и лишнихъ, «любезныхъ» словъ для нея не нужно. Вернувшись въ спальню, Алексѣй сѣлъ на коверъ къ ногамъ Ольги, голову положилъ ей на колѣни. Онъ ничего ей не скажетъ, онъ не умѣетъ...

Рука Ольги ласково гладитъ его волосы. Понять бы: къ лучшему, или нѣтъ, ея долгое молчаніе. Не понимаетъ

— Встань! Сядь тамъ, Алешенька! Надо поговорить. Ты сказалъ: нельзя намъ съ тобой повторить твоего отца и мать. Нельзя! Чудовищно было бы повторить! Для нихъ это началось, когда они были уже мужъ и жена. Для насъ, къ счастью, раньше этого. У насъ больше выбора. Недопустимо это, Алешенька! Немыслимо!

— Уйдешь отъ меня, Елонька?

— Не знаю! Сейчасъ ничего не знаю! Въ одну ночь этого не осилить.

— Всю ночь не спала?

— Да.

— Такъ тебѣ прежде всего заснуть надо, Елонька! Я останусь здѣсь въ креслѣ, а ты засни. Кэтъ будетъ думать, что мы разговариваемъ.

Ольга грустно улыбнулась.

— Не все ли равно, что будетъ думать Кэтъ. Не могу я спать! Мысль не заснетъ. У твоей мамы всю долгую жизнь она не спала. У меня только теперь разбужена. Не жди, что скоро заснетъ!

— Разбужена ли, Елонька?! То ли слово, которое нужно?!

— Какъ-разъ то, то самое! Спала я, въ чудесномъ снѣ тебя видѣла. Проснулась,—и на яву тоже ты. Но сна бездумнаго уже не вернуть. Самъ ты, Алешенька, не долженъ хотѣть, чтобы сонъ этотъ вернулся. Вѣчно же спать нельзя! Вдругъ опять проснусь,—и опять, и опять во мнѣ будетъ мамы твоей мука! Вѣдь не хочешь этого? Или «сказку» въ ея письмѣ увидѣлъ, а муку ея проглядѣлъ? Отвѣть мнѣ прямо, Алешенька: за глупую ты меня не считаешь? Въ сумасшедшій домъ, знаю, не отправишь. А тайкомъ къ психіатру на мой счетъ совѣтываться не побѣжишь?

— Зачѣмъ ты... Елонька!

Алексѣй вскакиваетъ, ходитъ по комнатѣ, снова бросается въ кресло. Голосъ Ольги будто спокоенъ:

— За человѣка разумнаго, значитъ, ты меня все-таки считаешь. А если такъ, то, и на разныхъ языкахъ говоря, мы другъ друга все-таки убѣдить въ чемъ нибудь одномъ сможемъ. Попробуемъ, Алешенька. Мыслью ты, вижу, отказываешься меня понять. Но не... безчувственный же ты! Письмо это читалъ. Не могъ же не думать о немъ. Что же ты думалъ о своей матери?

— Жалость была къ матери, Елонька. Муку ея понялъ. Но еще лучше, Елонька, понялъ другое: напрасная была эта мука! У меня прощенья она проситъ. Ни въ чемъ, конечно, передо мной она, бѣдная, не была виновата...

Ольга рукой махнула. Улыбка у нея печальная.

— Тутъ, значитъ, ровно ничего ты не понялъ, Алешенька! А самомъ-то э т о м ъ что тебѣ подумалось? Всего и мысли: сказка? Но какъ ты съ тво-

имъ здравымъ смысломъ—такой ли онъ здравый!—отбросишь эту «сказку», если для меня она—правда! Въ моемъ сознанiи ты именно такой, любимый и... страшный, Алешенька! Я такъ понимаю твою мать, когда она увела тебя, ребенка, отъ другихъ дѣтей, отъ той голубоглазой крестьянской дѣвочки!

— Пусть я для тебя такой, изъ сказки-картинки вырѣзанный, па картовку наклеенъ и среди обыкновенныхъ людей чучеломъ хожу. Пусть, Елонька! Но вѣдь не ребенокъ я. Теперь-то зачѣмъ тебѣ меня за руку куда-то уводить! Пусть это – правда, но не превращаетъ же это меня въ Донъ-Жуана какого-то! Не обижай меня, Елонька, любимая! Хочешь, я отвѣчу тебѣ на вопросъ, который задавала въ письмѣ моя мать: вѣрь, въ моей жизни ни до Орловой, ни послѣ разрыва съ ней не было другихъ женщинъ. Суди, Елонька, такъ ли ужъ я похожъ на отца. Самаго ничтожнаго повода къ ревности не будетъ знать моя Елонька!

Опять горько улыбнулась Ольга.

— И тутъ ничего не понялъ, Алешенька! Не въ ревности дѣло. О ревности такъ мало въ этомъ страшномъ письмѣ, а у меня и вовсе ея нѣтъ. Оставь всѣхъ другихъ женщинъ, мужчинъ. Взгляни только на насъ. Что у насъ съ тобой? Любовь?!

Спокойствiе словъ измѣнило Ольгѣ, не сказала, —выкрикнула этотъ вопросъ. Съ мѣста встала, издали отмахнулась отъ Алексѣя: не вставай.

— Ты же знаешь, Елонька, что я люблю.

— Знаю! Иначе бы я не говорила съ тобой. Не было бы меня здѣсь. Но у меня-то... любовь?! Твоя мать назвала это рабствомъ. А это куда страшнѣе рабства. Помнишь, какъ мы встрѣтились на горѣ Шато... Помнишь «чудное мгновенье». Не хотѣла тебѣ разсказывать, теперь какъ-разъ къ мѣсту разсказать. Нравится тебѣ Страницкiй? Омерзительный! Лягушку лучше потрогать, чѣмъ ему руку пожать! Ты чувствуешь это, Алеша. А что было?!. Шли мы съ нимъ, разговаривали о чемъ-то, о пустякахъ какихъ-то, ни намека не было на «ухаживанiе» съ его стороны, ни выходки какой-нибудь, ни наглости, и вдругъ я... бѣжала отъ него. Бѣгу и знаю, понимаешь, Алеша, знаю, что, еще минута, и Стра-

ницкій могъ бы сдѣлать со мной все, что хочетъ! Понимаешь? Рѣшительно все, до конца!

Алексѣй молчалъ.

— Понялъ, Алеша? Все могъ бы! Помимо меня, помимо моей воли, несмотря на то, что онъ для меня хуже лягушки. Чудное мгновенье! Но только мгновенье! Власть только надъ тѣломъ! И не вся власть вѣдь я все таки убѣжала. Пойми теперь, Алешенька, что твоя любовь-власть не на мгновенье, на всю жизнь! И не надъ тѣломъ только, надъ душей, надъ каждымъ помысломъ. Будь у Страницкаго побольше власти, сломи онъ меня,—и душа, и мысль, и само тѣло потомъ кричали бы не любовь это! Ужасно, но ясно. А пришелъ ты съ твоей страшной властью Старогорскихъ, и провѣрить мнѣ себя не на чемъ. Любовь или не любовь? Ты страшнѣе Страницкаго, Алешенька. Страшныя есть тамъ, въ письмѣ, слова, одно всѣхъ страшнѣе: не надругательство ли надъ самымъ великимъ и святымъ въ человѣческой жизни твоя власть надо мной... надъ каждой?! Не знаю, не знаю, не знаю... Страшнѣе всего, что не знаю, смогу ли когда-нибудь узнать. Какіе же могутъ быть отвѣты у моей къ тебѣ любви! Слѣпая она, Алешенька! Глухая она ко всему! Воли у нея никакой!

Ольга подошла къ ночному столику, взяла письмо Старогорской къ сыну, перелистала его.

— Много тутъ еще. Слишкомъ много! Не отними отъ меня этихъ страницъ, Алеша. Не бойся, что отъ этого только хуже будетъ. Хуже не можетъ быть! А помощь, можетъ быть, и найдется... Убитый ты, Алешенька! Не надо пока. Вѣдь еще ничего не извѣстно, что будетъ. Помоги и ты!

— Какъ я могу помочь, Елонька! Люблю тебя... и все. Ты свою любовь слѣпой и глухой назвала. Теперь и моя не меньше слѣпа и глуха. Что же тутъ страшнаго, сверхъестественнаго, Елонька?! Настоящая любовь и должна быть такой!

— Въ томъ-то и ужасъ, Алешенька, что нѣтъ ничего сверхъестественнаго! Вѣдь и про силу Страницкаго раньше сказали бы «сказка». Теперь о ней господа ученые серьезно говорятъ и пишутъ. Смысла, правда, не знаютъ, а ярлычекъ нашли,

приклеили: гипнозъ. Вашу силу Старогорскихъ когда-нибудь тоже объяснятъ, научный ярлычекъ ей дадутъ. Пусть даже разгаданъ будетъ способъ насилія, но само насиліе останется. Не проще и не легче отъ этого! Вотъ ты, Алешенька, «позитивный» человѣкъ, а скажи: естественность «чуднòго мгновенья» съ Страницкимъ тебя успокаиваетъ, примиряетъ съ нимъ? Ужасъ! И моя къ тебѣ «любовь» — ужасъ. Что, если и она тоже надругательство надъ настоящей, простой любовью. Мама твоя пишетъ: узнала она объ этомъ. — и ревность была, и униженіе. Весь вопрось въ униженіи. Нестерпимо оно. Много ли у тебя «невольницъ», мнѣ все равно. Для себя одной я не хочу такой унизительной неволи! Умомъ, гордостью своей говорю, не хочу, а все равно — невольница. Отъ тебя какъ отъ Страницкаго не убѣжишь. «Рабыни не бунтуютъ»... Раньше не бунтовали, теперь — другое время: бунтуютъ. А какъ бунтовать-то, любя!

Ольга подошла къ Алексѣю, сѣла на локотникъ кресла, обняла его голову, позволила цѣловать руки. Думала о томъ, какъ непостижимы для нея должны быть теперь его мысли, тѣ же мысли, которыя вчера — вѣрилось ей — она легко читала. И сотой доли того, что она хотѣла бы сказать Алексѣю, она такъ и не сказала. Стоитъ ли? Мать свою не понялъ, ее пойметъ ли? Не стоитъ.

— Алешенька! У Владиміра Федоровича я не просила позволенія: отпусти, освободи. Сказала «конецъ», и — все. У тебя тоже не спрошу, если выберу какое-нибудь рѣшеніе. Одна казнь, другая казнь. Какую-нибудь выбрать нужно. Потерпи, Алешенька, прости мнѣ! Трудно тебѣ, я знаю, но все-таки тебѣ легче, чѣмъ мнѣ, какъ твоему отцу было легче, чѣмъ мамѣ. Я недолго тебя помучаю: или такъ, или такъ. Ты бы мнѣ могъ очень, очень помочь, Алешенька!..

— Елонька! Только намекни, помогу! Только скажи!

Въ глазахъ Алексѣя — надежда. Онъ уже представляетъ лицо Ольги по-вчерашнему радостнымъ: это ушло, исчезло, и опять жизнь — праздникъ. «Фіатъ» изъ своей мысли прогналъ, гонку

весело-бѣшенную съ улыбающейся Елонькой. Не забавы онъ хочетъ, не такого праздника. Хочетъ большаго, непонятнаго еще, заревнаго счастья хочется.

— Однимъ можешь помочь, Алеша. Провѣрь себя, скажи, что не Богъ вѣсть какъ сильна твоя любовь ко мнѣ. Скажи это, и я уйду безъ колебаній. Поможешь? Чуть-чуточку не крѣпко любишь, отпусти меня, Алешенька, какъ бѣлку отпустилъ! Мое колесо куда безвыходнѣе!

Алексѣй вскочилъ.

— Самъ, Елонька?! Я же самъ и оттолкни тебя отъ себя?! На себя наклевещи, на свою любовь! Ворвалось что-то безсмысленное, жизнь коверкаетъ, а я еще подбавь! Еще больше наковеркай! Что хочешь, Елонька, только не это! Если я и нищъ мыслью въ отвѣтъ на твои страшныя слова, то хоть этой лжи отъ меня не требуй. Уходишь ты — ты уходишь, а я не толкаю, не могу толкнуть тебя на это!

— Лгать на себя и не надо, Алеша. Можетъ быть, правда, не такъ я тебѣ нужна.

— Опять, Елонька! Дай, дай сюда это проклятое письмо! Читать такъ читать все, Елонька. Зачѣмъ выдергивать самое страшное и нелѣпое, когда есть въ письмѣ и другое. Нѣтъ, не тутъ... постой, постой, Елонька. Вотъ! Читай сама: «Какой счастливой могла бы быть моя жизнь, если бы я послушалась Хворостининой и рѣшила: все это — выдумка». Эту строчечку надо читать и перечитывать. Въ ней — смыслъ письма! Рѣши такъ, Елонька, вотъ и выходъ.

— И еще разъ ничего ты не понялъ, Алешенька. Ничего. Строчечку ту я не проглядѣла. Хорошо ее помню. Не тѣмъ меня пугай, что радость жизни съ тобой я могу проморгать. Упустить возможное счастье еще не такъ страшно, какъ всю жизнь бороться съ своимъ несчастьемъ, если борешься такъ же страшно, какъ боролась твоя бѣдная мама. Нѣтъ, ее несчастную я себѣ въ примѣръ никакъ взять не могу. Мука у насъ общая, но путь ея не для меня. Вѣрно, мудрить нельзя. Самое страшное — мудрить. Не хочу, не могу придумывать. И ты не придумывай, не мудри Алешенька. Будь, что будетъ. Вотъ

спать мнѣ надо. Теперь — поговорили—смогу заснуть. Сходи одинъ съ Кэтъ на станцію. Она умница, Кэтъ. «Фіатъ» приведи. Ну что ты такъ смотришь. Я на самомъ дѣлѣ спать хочу. Меня сторожить не надо. А къ обѣду разбуди. Непремѣнно.

Поцѣловала. Закрыла глаза и покачалась: видишь, сонная. Въ дверяхъ задержала, сказала съ ласковымъ упрекомъ:

— Алешенька! Если меня любишь, не говори больше такъ: проклятое письмо. И еще сказалъ: домъ проклятый. Не надо!

Кэтъ охотно согласилась итти на станцію, хотя солнце побѣдило уже утреннюю свѣжесть, и день былъ парниково-душный. У Кэтъ привычка много и быстро ходить, ради нея не надо умѣрять шагъ. Она чутка къ состоянію Старогорскаго, не заставляетъ его говорить, сама разсказываетъ о книгѣ, наконецъ неожиданно найденной въ «Старыхъ Горахъ». Какая, о чемъ книга, до Алексѣя не доходитъ. Онъ слышитъ только голосъ Кэтъ, успокаивающе ровный, мягкія интонаціи, словно созвучныя съ его мыслью: «Не мудри, Алешенька!»

На обратномъ пути, въ улицахъ Нюизо, которыя нельзя миновать по дорогѣ со станціи въ «Старыя Горы», имъ встрѣтился нотаріусъ Мулино. Можетъ быть, онъ даже нарочно прогуливался здѣсь. Замахалъ платкомъ. Пришлось остановить машину.

— Нюизо вѣрно себѣ, м-сье Старогорскій: дѣйствуетъ наше «радіо»! Мадемуасель! какъ нравится вамъ въ нашихъ краяхъ, мадемуазель? Васъ вѣдь можно поздравить...

— Васъ тоже можно поздравить, м-сье Мулино. Вожель въ Ниццѣ сообщилъ мнѣ вашу семейную новость.

— Спасибо! Для Жанны и Эмиля это — реализація стараго. Передайте мои поздравленія вашей невѣстѣ, м-сье Старогорскій! А мой домъ, напоминаю, стоитъ все на томъ же мѣстѣ. Буду радъ поздравить васъ своимъ виномъ. До свиданья, м-сье Старогорскій Дня я не назначаю. Со мной не стѣсняйтесь. Когда настроеніе будетъ.

Алексѣй тронулъ машину, давъ старику что-то

похожее на обѣщаніе побывать у него. Неловкая, короткая фраза.

Кэтъ пошла разбудить Ольгу къ обѣду. Онѣ вышли обнявшись, и не вчера шумная Ольга, а молчаливая обычно Кэтъ говорила за обѣдомъ: Бываютъ же такія придиры, какъ Ольга! У любой музыкальной пьесы могутъ быть тысячи толкованій. Кэтъ можетъ играть и по-ольгиному, «безъ изюминки». Сегодня же вечеромъ попробуетъ. Наслаждайтесь водицей!

Такъ говорила горбатенькая, словно обѣщала Старогорскому: буду играть-успокаивать, музыка моя будетъ такая же, какъ и я сама сегодня, только бы Ольгѣ не было почему-то тяжело.

И Кэтъ сдержала обѣщаніе. Она играла, выбирая не примитивно-веселыя вещи, — не въ этомъ успокоеніе. Играла серьезное, большое, но тепло, надѣляя и грустно минорное согрѣвающимъ свѣтомъ. Алексѣй хорошо уловилъ это въ игрѣ Кэтъ, былъ ей благодаренъ.

Поднялась Кэтъ, поднялась и Ольга. Разставались у двери въ спальню Ольги, не возобновили дневного разговора.

... не мудри, Алешенька!.. Онъ не мудритъ. Меньше всего Алексѣй теперь хочетъ и умѣетъ мудрить. Но и спать не можетъ. Книгу взялъ и читалъ. Удивился: семьдесятъ страницъ книги прочитано, а что въ нихъ, не помнитъ. Книга заглушила мысль, а мысль заглушила книгу. Не лучше ли все-таки думать, мыслью искать выхода?

... не говори про домъ: проклятый... Онъ не будетъ такъ говорить. Ни про домъ, ни про письмо матери. Это—просто пустое вырвавшееся слово. Но и смягчить своей мысли о письмѣ онъ не можетъ. Что бы онъ только не отдалъ, чтобы не было этого письма! И дома, «Старыхъ Горъ» пусть бы не было. «Старыя Горы»—часть нелѣпаго наслѣдства, грозящаго теперь измучить, отнять Елоньку!

Еще не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ, Алексѣй надѣлъ отцовскій пестрый халатъ, оставленный дядей Гильомомъ на спинкѣ кресла у постели.

Куда онъ идетъ? Идетъ послушать у двери, спитъ ли Елонька.

Шаги Алексѣя неслышны. Остановился у двери Кэтъ: можетъ быть, Елонька пришла къ Кэтъ, разговариваютъ? Нѣтъ, тихо. Къ двери материнской спальни подойти все-таки не рѣшился: еще разбудитъ Елоньку. Въ садъ выйти, взглянуть, есть ли въ комнатѣ свѣтъ?

Обошелъ вокругъ дома: свѣта нѣтъ нигдѣ, и въ саду никого нѣтъ. При лунѣ все ясно видно. Въ домъ вернулся успокоенный: всего лучше, если она, бѣдненькая, спитъ. Шелъ по корридору.. вздрогнулъ. Полоска свѣта — по полу. Не сразу понялъ: изъ молельни свѣтъ. Открылъ дверь.

Передъ образомъ Богоматери догораютъ свѣчи. Ольга на колѣняхъ, руками закрыла лицо.

— Елонька!

Ольга вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Какъ дверь открылась, она не слышала, очнулась только отъ зова Алексѣя, вскочила. У Ольги заплаканные глаза. Въ первый разъ Алексѣй видитъ ее плачущей, и эти тайныя слезы любимой вызываютъ въ немъ меньше сочувствія, чѣмъ обиды: почему тайкомъ отъ него, почему не раздѣлить и слезы!

— Зачѣмъ, Алешенька?!.

— Вѣрнѣе мнѣ спросить: зачѣмъ, Елонька! Самоистязаніе какое-то! Ты же сама, Елонька, говорила «нельзя мудрить». А это какъ называется?!

Въ голосѣ Алексѣя раздраженный упрекъ. Такъ говорятъ взрослые съ дѣтьми, забравшими въ голову что-нибудь, вздорное для старшихъ.

— Это называется «молиться», Алешенька!

— Какъ бы ни называлось, не въ названіи дѣло! Довольно, что моя мать искалѣчила себѣ жизнь. Надо знать мѣру, Елонька! Твоя молитва — напряженная мысль все о томъ же и томъ же. Это—еще хуже, чѣмъ мудрить!.. Нельзя такъ, Елонька! Опять не спишь! Всѣ силы потерять хочешь?! Ты думаешь, передъ иконой свѣчки зажгла,—ты въ самой себѣ пожаръ зажигаешь! Не надо, Елонька, родная себя растравлять! Сказала «не мудрить», и будемъ «не мудрить». Спать, спать, Елонька!

Ольга молча вышла изъ молельни.

Алексѣй погасилъ передъ иконой свѣчи, заперъ дверь и ключъ оставилъ себѣ.

XV

Дни безъ лица. Дни на ключъ запертой души.

Сколько ихъ прошло? Можетъ быть, всего три дня, а можетъ быть, недѣля или больше.

Каждый изъ первыхъ дней любви оставлялъ по себѣ мысль-памятку, общую у Алексѣя и Ольги. Эти дни не дарятъ ничѣмъ, что позволило бы отличить одинъ отъ другого. И Алексѣй, и Ольга, и Кэтъ нашли каждый для себя манеру притворства и вѣрны этой манерѣ.

Алексѣй старательно мальчишествуетъ: клеитъ бумажнаго змѣя съ трещеткой, играетъ съ дядей Гильомомъ въ чехарду, ѣздитъ верхомъ на балконныхъ перилахъ, имитируя посадку и жесты наѣздника высшей школы изъ цирка, ходитъ на кухню воровать пирожки передъ обѣдомъ...

Ольга изображаетъ отдыхающую: лежитъ въ плетеномъ креслѣ въ тѣни липъ, проситъ принести ей гитару, перебираетъ струны, иногда, какъ головоломкой, увлечется вязаніемъ салфеточки, копіи съ ювелирно-тонкихъ работъ бабушки Алексѣя. Начнетъ и броситъ, примется за другую. Рано уходитъ спать и поздно встаетъ...

Кэтъ вошла въ роль домовитой хозяйки: собираетъ совѣтъ для рѣшенія важнаго вопроса, что положить въ завтрашнюю окрошку, учитъ дядю Гильома дѣлать квасъ, заставляетъ Ольгу тереть желтки для ея любимаго мороженнаго, пишетъ и торжественно представляетъ Алексѣю счета: сколько за день истрачено. Кэтъ всѣхъ естественнѣе. И Алексѣю, и Ольгѣ хотѣлось бы взглянуть на эти дни глазами Кэтъ, представить, что она думаетъ о нихъ обоихъ. Догадка напрашивается: Кэтъ считаетъ виновницей «ссоры» Ольгу и, даже не зная, въ чемъ дѣло, убѣждена, что правда на сторонѣ Алексѣя.

Едва уловимы попытки Кэтъ примирить ихъ. Ея намекъ не понятъ,—и Кэтъ не настаиваетъ. Каж-

дый вечеръ она играетъ для нихъ, и это единственное время, когда Алексѣй и Ольга сидятъ рядомъ, когда встрѣчаются ихъ руки.

Кэтъ нарочно напомнила Алексѣю о старомъ господинѣ изъ городка и о его приглашеніи. Алексѣй предложилъ Ольгѣ съѣздить къ нотаріусу Мулино, вовсе не увѣренный, что она согласится. Ольга не отказалась ѣхать, если поѣдетъ и Кэтъ.

— Я то при чемъ!

— Вмѣстѣ такъ вмѣстѣ.

Кэтъ рукой махнула. Кэтъ рѣшила говорить прямо:

— Кажется, вся бѣда отъ этого «вмѣстѣ»! Надо мнѣ обратно въ Ниццу ѣхать. Господа изволятъ дуться другъ на друга, а я только мѣшаю помириться. Если я нужна, то дайте хоть разсужу васъ! Навѣрное, пустяки какіе-нибудь!

Алексѣй ждалъ отвѣта Ольги. Кэтъ словно пріоткрыла нѣсколько дней наглухо запертую дверь изъ его мыслей въ мысли Ольги. Ольга отвѣтила:

— Не удалось бы, Кэтъ! Человѣкъ тутъ не разсудитъ! Разсудитъ только... жизнь.

— Тогда и живи! Смѣялась Кэтъ.—Тогда иди какъ-то навстрѣчу жизни! Жизнь предлагаетъ ѣхать въ гости,—поѣзжай въ гости.

— Что жъ, поѣдемъ.

Алексѣй ожилъ. Ольга ѣдетъ къ Мулино, какъ его невѣста. Въ этомъ шагъ къ тому, чтобы укрѣпить ее въ счастливомъ для Алексѣя рѣшеніи. «Фіатъ» чисто-начисто вылизанъ дядей Гильомомъ. Старикъ Мулино не Кэтъ, не будетъ осторожничать въ разговорѣ: одна-другая его фраза можетъ стать толчкомъ къ иному настроенію. Права Кэтъ: если разсудить можетъ только жизнь, то надо итти навстрѣчу жизни.

Мулино встрѣтилъ гостей радостью человѣка, уже рѣшившаго, будто онъ почему-то непріятенъ Старогорскому, и теперь убѣдившагося въ своей ошибкѣ. Алексѣй съ веселой улыбкой крѣпко пожалъ нотаріусу руку, бросилъ шутливую фразу Луи.

У Мулино «все мобилизовано»: сигналъ сыну— и на столѣ бутылка вина, конфекты, фрукты.

— Какъ нравится вамъ у насъ, мадемуазель?

Развѣ здѣсь не чудный воздухъ! Не въ одной Ниццѣ онъ цѣлебенъ. Поживите въ нашихъ краяхъ мѣсяцъ, и вы увидите, мадемуазель, какъ вы окрѣпнете! Здѣсь у насъ не хуже, чѣмъ на патентованныхъ курортахъ.

Мулино говоритъ объ Ольгѣ, какъ о больной: такъ ему подсказало «радіо» Нюизо, передатчикъ досужихъ наблюденій дяди Гильома. Взгляда на невѣсту Старогорскаго достаточно, чтобы убѣдиться: не лжетъ «радіо». Ольга сильно похудѣла за эти нѣсколько дней. Она уже не веселая ниццская Елонька. Фраза-подсказка нотаріуса спасаетъ Ольгу, мучившуюся тѣмъ, выдержитъ ли она роль «невѣсты» въ чужомъ домѣ. Роль «больной» такъ удобна.

Откупорить вино довѣряется старательному Луи. Разливаетъ вино по бокаламъ самъ Мулино. Для «виновниковъ счастливыхъ событій» бокалы особенные: изъ нихъ пили только два раза, на свадьбѣ самого нотаріуса тридцать два года тому назадъ и недавно, на помолвкѣ его дочери и Вожеля. Расчувствовался старикъ:

— Бокалы счастья! Есть обычай разбивать такіе бокалы. Неумный обычай. Людей много, а счастье—одно! Мнѣ всегда кажется, что, разбивая бокалъ, откалываютъ и кусочекъ отъ общаго счастья, даннаго всему человѣчеству, и счастья на землѣ становится меньше! Хранить много мудрѣе, чѣмъ разбивать. Вѣроятно, моя профессія нотаріуса и мой возрастъ порождаютъ во мнѣ такую философію. И все-таки мое пожеланіе вамъ, мадемуазель, и вамъ, м-сье Старогорскій: храните и молодость жизни, и молодость любви, и!.. не учить молодыхъ мнѣ, старику!

Мулино чокается, не глядя въ глаза Алексѣю и Ольгѣ. Онъ и хотѣлъ бы этого, но у него — легкія слезы, и онъ съ ними борется.

— Мадамъ Старогорская въ высокой степени обладала умѣньемъ хранить. Я не разъ позволялъ себѣ маленькій, невинный опытъ: переставлялъ пустячки въ гостинной, въ кабинетѣ, — и не было случая, чтобы въ другой разъ я не нашелъ вещь на ея старомъ мѣстѣ. Не называйте это педантиз-

момъ. У меня было и другое наблюденіе: мадамъ въ моемъ присутствіи возвращала вещицы на свое мѣсто совсѣмъ машинально. Эмиль — мой будущій зять, мадемуазель — не разъ говорилъ, что только мадамъ Старогорская умѣла возвращать на прежній путь его мысли, когда онъ свернетъ въ сторону въ своихъ любимыхъ философскихъ разговорахъ. Это тоже не педантизмъ. Эмиль разбивалъ бокалы мысли, мадамъ ихъ хранила. Они были большими друзьями.

— Счастливый! Я ему завидую, м-сье Вожелю!

Больше Ольга ничего не сказала, но слова ея такъ понятны: она тоже скоро станетъ Старогорской. Для одного Алексѣя въ словахъ Ольги иной смыслъ: мысли Ольги мало письма его матери, у нея самой, въ живомъ разговорѣ Ольга хотѣла бы найти отвѣтъ на общій для нихъ страшный вопросъ.

У Мулино посидѣли недолго — настоящій визитъ — и прокатиться на автомобилѣ не поѣхали. Вернулись домой: Ольга — въ плетеное кресло подъ старыми липами, Алексѣй — прилаживать въ саду гамакъ, Кэтъ — къ домашнимъ хлопотамъ.

Все было такъ же, но еще тяжелѣе.

И Ольга, и Алексѣй теряли силу притворяться спокойными, не оставляя притворства. Кэтъ теряла изобрѣтательность третьяго между «поссорившимися», ея способность создавать общій разговоръ притупилась. За обѣдомъ и ужиномъ чаще было только молчаніе.

Какъ-то вечеромъ постучались въ комнату Алексѣя. Думалъ Ольга, — оказалось, Кэтъ.

— Пришла поговорить съ вами, Алексѣй Алексѣевичъ. Можетъ быть, мнѣ всего лучше уѣхать? Я только мѣшаю вамъ объясниться. Тогда, при Ольгѣ, вы этого не хотѣли сказать. Теперь прямо скажите. Что между вами, я знать не хочу, но нужно же найти какой-нибудь выходъ!

— Милая, Екатерина Эдуардовна, если у васъ есть, хоть немного, симпатіи ко мнѣ, потерпите, останьтесь здѣсь! Я понимаю, что трудно вамъ, но вы и представить не могли бы, какъ для меня все это чудовищно!

— Можетъ быть, мнѣ стоитъ поговорить съ Ольгой? До сихъ поръ не говорила. Рѣшите вы. Мнѣ думается, вы разумнѣе, чѣмъ она.

— Не берусь рѣшать, Екатерина Эдуардовна! Разумнѣе?!. Иногда разумности — грошъ цѣна! Разумнѣе всѣхъ здѣсь, конечно, вы. Только остались ли бы и вы разумной въ нашемъ положеніи! Врагу такого положенія не пожелалъ бы!

— Хорошо. Я останусь.

Съ Ольгой Кэтъ не хотѣла говорить, но на другой же день ей пришлось говорить съ ними обоими, построить наконецъ свою догадку объ ихъ размолвкѣ. Поводомъ было письмо отъ Страницкаго на имя баронессы Е. Э. фонъ-Ховенъ. Страницкій писалъ:

Многоуважаемая баронесса!

Заранѣе прошу прощенія въ томъ, что безпокою Васъ щекотливой просьбой, но обращаюсь къ Вамъ вынужденно, въ виду того, что по нѣкоторымъ причинамъ не могу разсчитывать на особое ко мнѣ довѣріе А. А. Старогорскаго и мадемуазель Казариновой. Помогите мнѣ предупредить ихъ обоихъ о возможныхъ непріятностяхъ, связанныхъ съ рѣшеніемъ г-жи О. (Старогорскій знаетъ о комъ рѣчь) нарушить ваше уединеніе втроемъ въ домѣ Старогорскаго. Онъ освѣдомленъ о характерѣ этихъ непріятностей. Смѣю рекомендовать, чтобы ни Старогорскаго, ни мадемуазель Казариновой нѣкоторое время по-настоящему не было дома. Чтобы для Васъ, баронесса, моя роль спутника г-жи О. въ предстоящей поѣздкѣ не казалась двусмысленной, прошу принять искреннѣйшія увѣренія въ томъ, что, какъ человѣкъ и врачъ, я безсиленъ противорѣчить больной женщинѣ, для нервнаго состоянія которой эта поѣздка является извѣстнымъ выходомъ.

Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Вашъ Александръ Страницкій.

Кэтъ выбрала подходящую, какъ ей казалось, минуту, вслухъ прочла письмо Страницкаго Алексѣю и Ольгѣ и добавила холодно:

— Вы—взрослые люди, а я такъ мало въ этомъ поняла... не судите, если я оказалась не на высотѣ высоко-дипломатической задачи. Думаю, что моя роль довѣреннаго господина Страницкаго на этомъ и кончается.

Оставила письмо на столѣ и ушла. Алексѣй

молча перечиталъ письмо, передалъ его Ольгѣ. Она сказала спокойно:

— Не надо. Я и такъ, Алеша, поняла. Что же ты думаешь дѣлать?

—Въ данномъ случаѣ у меня нѣтъ основаній не довѣрять Страницкому... Я думаю, что мой долгъ оградить тебя, Елонька, отъ этой встрѣчи. До Ліона нѣсколько часовъ ѣзды. Тамъ недурные отели. Когда все кончится, Екатерина Эдуардовна дастъ намъ телеграмму, и мы вернемся.

— Передо мной – долгъ. А передъ ней у тебя, Алеша, развѣ нѣтъ долга?!

— Если хочешь, есть и передъ ней. Вѣрю свидѣтельству Страницкаго: Орлова - больной человѣкъ. Преступно было бы взвинчивать ее, оставаясь здѣсь. Ты же сама, Елонька, убѣдилась, въ какомъ она состояніи, пожалѣла ее тогда, въ Монте-Карло.

Ольга улыбнулась:

— На меня тогдашнюю теперь не ссылайся! Была одна, стала другая. Къ чему пользоваться этими .. медицинскими словами Страницкаго! Вовсе она не больной человѣкъ! А, если и больной, то ея болѣзнь ты, Алеша! Не будь этого, дѣлай, что хочешь. А я теперь скажу, что ты не имѣешь права уѣзжать. Страницкій пишетъ о грозящихъ непріятностяхъ. Знать не хочу, какія именно непріятности, хлыстъ или похуже, только не въ правѣ ты отъ нихъ уклоняться! Для Орловой любовь къ тебѣ — ядро на ногѣ каторжника. У такого ядра нѣтъ права прыгать по собственному желанію! Нельзя оторвать, такъ пусть и волочится ядро, куда каторжникъ его тащитъ! По-моему ты не долженъ бѣжать отъ этой «больной» даже по самому серьезному докторскому рецепту. А впрочемъ, поступай, какъ хочешь!

Алексѣй молчалъ.

— Ты, Алеша, думаешь, что хочешь добра несчастной? Напрасно. Зла любви къ тебѣ все равно этимъ не уничтожишь, не уменьшишь ни на песчиночку! Принимай жизнь, какая есть. Зачѣмъ отъ жизни бѣгать'

— Хорошо. Останемся.

— Ты просто уступаешь мнѣ, Алеша, или согласенъ со мною? Уступокъ не нужно.

— Это не уступка. Такъ на самомъ дѣлѣ, кажется, будетъ лучше.

— Не удивило тебя, Алеша, какъ Страницкій пишетъ? Совсѣмъ не въ его обычномъ тонѣ. Что онъ? Любитъ Орлову?

— Не знаю, Елонька. Я меньше всего задумываюсь о Страницкомъ! И безъ Страницкаго голова пухнетъ! Елонька, родная! Начали мы наконецъ разговоръ, давай поговоримъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, Алеша! Говори съ Кэтъ, съ дядей Гильомомъ, ходи къ этому французу-нотаріусу —симпатичный старикъ – со мной говорить пока не стоитъ. Я еще—ходячая путаница. Можешь еще немного потерпѣть?

Дала поцѣловать руку, ушла въ домъ. Почти цѣлый день Ольга не отходила отъ рояля. Ея музыка — пустяки: романсы, русскія, итальянскія пѣсенки. Начнетъ, оборветъ... Играетъ, чтобы не думать.

Кэтъ не удивилась, когда Алексѣй сказалъ ей, что ни онъ, ни Ольга никуда не уѣдутъ, но въ горбатенькой перемѣна: не видитъ больше Алексѣй той теплоты, которую до сихъ поръ чувствовалъ въ Кэтъ все время. Кэтъ нашла объясненіе «ссорѣ» Ольги и Старогорскаго, и недавнее ея сочувствіе Алексѣю ушло.

Въ письмѣ Страницкаго не указанъ срокъ пріѣзда Орловой въ «Старыя Горы». Алексѣй взглянулъ на почтовые штемпеля, справился съ расписаніемъ поѣздовъ, рѣшилъ, что они могутъ пріѣхать только на другой день. И ошибся. Подъ вечеръ съ проселка изъ Нюизо къ «Старымъ Горамъ» донесся ревущій гудокъ автомобиля. Черезъ нѣсколько минутъ большая запыленная машина остановилась у воротъ. Изъ автомобиля выскочилъ Страницкій, подалъ руку Орловой. Страницкій громко и весело насвистываетъ. Алексѣй поспѣшно прошелъ въ залу.

— Елонька. Они пріѣхали.

— Пусть пріѣхали. Я здѣсь не хозяйка, такая же гостья, какъ и они. Не встрѣчать же мнѣ ихъ.

Въ саду громкіе, какъ будто веселые, голоса. Страницкій балаганитъ съ Кэтъ. Орлова дѣланно

говорить о восторгахъ такой прогулки: она любитъ такіе эскапады-экспромты.

Алексѣй рѣшилъ выйти въ садъ, оставивъ Ольгу въ залѣ, но она заиграла что-то бравурное, словно нарочно привлекла вниманіе Орловой.

— У васъ музицируютъ! Мы не помѣшаемъ, милая баронесса?

Пѣвица растягиваетъ слова, играетъ перчатками и сумочкой, направляется въ домъ. Страницкій, поднимаясь вслѣдъ за ней, насвистываетъ едва слышно: «Тореадоръ, смѣлѣе въ бой!..»

— Къ мѣсту ли тутъ, Сандро, ваше тореадорство?! Вдругъ вмѣсто быковъ телята! Я, кажется, пришла въ благодушное настроеніе отъ этой старосвѣтской идилліи!

Алексѣй поклонился издали, когда они вошли. Страницкій сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой. Ольга оборвала игру, но не поднялась съ мѣста.

— Не ждали гостей, Аликъ?! Вы простите, что я называю Аликомъ вашего жениха. Старая дружба! Вы похудѣли, Аликъ. Представьте, это вамъ идетъ. Вы уже не такой славненькій мальчишечка, какъ на той нью-іоркской карточкѣ... Вы не догадываетесь, что я пріѣхала каяться передъ вами на мѣстѣ преступленія?! Говорятъ, преступника всегда тянетъ на мѣсто преступленія. Вотъ и меня потянуло туда, гдѣ я въ первый разъ въ жизни стала воровкой. Я вѣдь побывала здѣсь и украла карточку гладенькаго мальчика изъ гладенькой яхточки!.. У васъ здѣсь садятся, въ этомъ музеѣ?!

Алексѣй опять поклонился. Орлова сѣла. Она улыбается. Алексѣю кажется, что она прекрасно владѣетъ собой.

— Только я нераскаянный воръ! Мое маленькое право на эту карточку должна признать даже ваша невѣста, Аликъ. О васъ ужъ и не говорю. Чудесное было время тогда, въ Нью-Іоркѣ! Пляжъ помните?! Вы не подѣлились своими воспоминаніями съ невѣстой, Аликъ? Это иногда бываетъ поучительно! Какіе мы всѣ здѣсь молчаливые!.. Царство Спящей Красавицы? Сандро, въ этомъ домѣ вообще разговариваютъ, или въ музеяхъ полагается хранить благоговѣйное молчаніе?!

Неожиданно громкимъ показался Алексѣю голосъ Ольги, когда она отвѣтила:

— Алексѣй Алексѣевичъ говорилъ мнѣ о васъ, Нина Владиміровна. Мнѣ извѣстно о вашихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Орлова улыбнулась.

— Какъ это благородно! Вы — джентельменъ, Аликъ! По моему скрывать свое прошлое отъ слѣдующаго изданія любви — негодяйство. Я, напримѣръ, тоже во всемъ, en toutes lettres, призналась своему Сандро, и это намъ нисколько не мѣшаетъ! Не мѣшаетъ, Сандро?!

— Чтобы не засиживаться у Алика въ музеѣ, въ мумію не превратиться, перейдемъ къ дѣлу! Портретъ украденный я возвращать не собираюсь, но ѣхала сюда не напрасно: кой-что другое мнѣ все-таки хочется вамъ, Аликъ, вернуть. Не догадываетесь, что?!

— Простите, Нина Владиміровна, не догадываюсь.

Орлова, видимо, готовитъ какой-то эффектъ. Она увидѣла заглянувшую въ двери Кэтъ, звонкимъ сопрано окликнула ее:

— Пожалуйста, милая баронесса! У насъ никакихъ секретовъ нѣтъ!

Выждала, пока Кэтъ вошла и сѣла рядомъ съ Ольгой у рояля.

— Неужели у васъ такая плохая память, Аликъ? Я ее цѣнила выше! Я пріѣхала вернуть вамъ вашу клятву... Опять не догадываетесь, какую клятву? Удобная у васъ память, Аликъ! Мнѣ не трудно напомнить: клятву не жениться ни на комъ, кромѣ меня. Гладенькій мальчикъ раздавалъ свои клятвы опрометчиво!

Алексѣй взглянулъ на Ольгу. Лицо ея хранило все то же ровное, холодное выраженіе. Изъ-за плеча Ольги—жесткіе глаза «колючей» Кэтъ. Орлова наслаждалась долгимъ молчаніемъ Алексѣя, взяла въ обѣ руки руку Страницкаго, игриво прижалась къ ней, улыбаясь.

— Вы ошибаетесь, Нина Владиміровна. Этой клятвы я не забылъ. Вы правы, укоривъ меня мальчишеской опрометчивостью и напомнивъ мнѣ о

долгѣ чести. Теперь воля Ольги Дмитріевны принять или не принять возвращаемое вами.

Орлова вскочила. Красныя пятна на лицѣ, какъ и тогда въ Монте-Карло.

— Что за актерство, Алексѣй! Зачѣмъ эта ложь?! Ты думаешь, я не понимаю, зачѣмъ эта ложь. Онъ никогда не давалъ мнѣ никакой клятвы, баронесса! Онъ теперь лжетъ мнѣ, какъ сумасшедшей, которую надо успокоить! Сумасшедшимъ говорятъ «ваше величество», если онѣ считаютъ себя королевами! Такъ и онъ! Ему нужно, чтобы я успокоилась и поскорѣе уѣхала, не мѣшала его идилліи съ другой!..

Нервными движеніями Орлова теребила свою сумочку, открывая ее. Голосъ пѣвицы звенѣлъ, и ему откликались стекляшки верхнихъ полукруглыхъ оконъ зала. Не владѣя собой, Орлова дернула сумочку, выхватила изъ нея что-то переливчато-бѣлое, цѣлитъ въ Алексѣя.

Никто, кромѣ Кэтъ, не шевельнулся. Кэтъ, закрывъ глаза, бросилась къ Орловой, подскочила, схватила ее за руку .. Но пѣвица уже нервно смѣется, цѣлуетъ гладкаго перламутроваго слоника. Въ ея срывающемся голосѣ актерскія нотки:

— Глупышка мой, Санди! Ты какъ сюда, въ музей попалъ?! Тебѣ мѣсто у меня въ звѣринцѣ, на туалетѣ. Балетъ съ волшебными превращеніями! Какіе у васъ дивные глаза, милая баронесса! Я бы влюбилась въ васъ, если бы была мужчиной!

Орлова обняла Кэтъ и быстро, почти бѣгомъ, пошла съ ней въ садъ. Еще немного и она разрыдается. Страницкій церемонно раскланялся, торжественно подошелъ къ роялю и положилъ на него маленькій перламутровый револьверъ

— Feci, quod potui! Фокусъ-покусъ! Изъ смертоубійственной свинцовой мухи сдѣлалъ перламутроваго слона. Теперь Нина превосходно споетъ Изольду. Что и требовалось доказать! А вашъ покорный слуга при обыскѣ въ автомобилѣ будетъ чистъ, какъ непойманный шуллеръ.

Алексѣй подошелъ къ роялю, положилъ револьверъ въ карманъ. Ольга сидѣла молча, съ остановившимся взглядомъ. Въ окно Алексѣй видѣлъ,

какъ Страницкій накапалъ лѣкарства въ фарфоровую мензурку, заставилъ Орлову выпить. Кэтъ сорвала для нея нѣсколько розъ, а Страницкій—большую вѣтку цвѣтущей липы. Пѣвица театральнымъ жестомъ прижимала къ груди вѣтку, вдыхала ея запахъ. Онѣ расцѣловались съ Кэтъ. Страницкій поцѣловалъ Кэтъ руку. Автомобиль уѣхалъ.

Горбатенькая съ злымъ лицомъ нѣсколько разъ молча прошла черезъ залъ въ комнаты изъ комнаты и изъ комнатъ обратно въ садъ. Ольга все за рояломъ, Алексѣй у окна.

— Теперь довольно, господа! Отпустите меня, наконецъ! Не отпускаете, сама уѣду. Я — человѣкъ свободный!

Сказала и ушла.

Окрикъ Кэтъ вывелъ Ольгу изъ неподвижности. Она подошла къ Алексѣю; взяла его за руку. Онъ не поднялъ глазъ на нее, не отвѣтилъ на ласку.

— Скажи, Алешенька, зачѣмъ ты ей такъ отвѣтилъ о клятвѣ? Зачѣмъ налгалъ на себя? Не для нея вѣдь?!

Алексѣй молчалъ.

— Боже мой! Что было бы, если она воспользовалась твоей ложью. Ты подумалъ объ этомъ, Алешенька?!

— Ни о чемъ не подумалъ! Только о тебѣ! Тебѣ нужна была «моя маленькая помощь», чтобы отсюда уѣхать. Самъ я этой помощи оказать не могъ, — оказала истеричность Орловой. У нея это вышло такъ правдоподобно. Удобный былъ случай покривить душей. Смотри, Елонька, уже и Кэтъ не выдерживаетъ! Гдѣ же мнѣ!.. А если хочешь, и для Орловой сказалъ по твоему же, Елонька, совѣту: куда каторжникъ, туда пусть и ядро! Орлова говоритъ: далъ клятву, — значитъ, далъ. Мнѣ, ядру, не разсуждать!

— Прости, Алешенька!

Ольга судорожно обняла его, опускаясь передъ нимъ на колѣни. Въ этомъ движеніи ея рука встрѣтилась съ револьверчикомъ въ карманѣ Алексѣя. Ольга вздрогнула, быстро сунула руку ему въ карманъ, но Алексѣй сильной рукой остановилъ ее.

— Дай мнѣ это, Алешенька!

— Нѣтъ. Не дамъ.

— Мнѣ ни для чего онъ не нуженъ!.. Неужели ты думаешь?!.

— Ничего не думаю, Елонька, но не дамъ. И ты обо мнѣ ничего не думай. Эта игрушка въ моихъ рукахъ не опасна.

Мысль о томъ, что грозило Алексѣю, только теперь дошла до сознанія Ольги: онъ зналъ, что у Орловой въ рукѣ револьверъ, и стоялъ все-таки такъ спокойно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Алешенька! Но какъ же!.. ты же!.. Господи! Ты бы далъ спокойно себя убить?! Развѣ смѣю я теперь оставить револьверъ у тебя, Алешенька! Какой ужасъ!

— Никакого ужаса, Елонька. Я вѣдь не актриса-истеричка. Что подходитъ къ «балету съ волшебными превращеніями», то не подходитъ ко мнѣ вообще. Оставлю игрушку на память. Прибавлю къ реликвіямъ «Старыхъ Горъ». Я не показывалъ тебѣ шпагу, въ диванной на стѣнѣ виситъ: ею какой-то мой пращуръ на дуэли дрался. Присоединю къ шпагѣ револьверчикъ. Почему бы и мнѣ не войти въ исторію «Старыхъ Горъ». Какъ хорошо, что мы ни въ какой Ліонъ не поѣхали. Все вышло по домашнему.

Усмѣхнулся горько.

— Боже мой! Но вѣдь Кэтъ уѣхать хочетъ!

— А ты развѣ съ ней не собираешься, Елонька?

— Алеша! Какъ ты можешь?!. Послѣ этого?!.

Въ сумракѣ не видно лица Ольги. Она легко, но съ большой, теплой лаской, тронула руку Алексѣя и ушла.

Изъ сада доносились голоса Ольги и Кэтъ. Словъ не слышно, только интонаціи: Кэтъ упрямо протестуетъ, — Ольга шутливо умоляетъ. Кэтъ сердится, — Ольга смѣется, Кэтъ укоряетъ, — Ольга не хочетъ слушать... Долго ничего не слышно. Потомъ спокойный, но не дающій себя разгадать, голосъ Кэтъ позвалъ:

— Алексѣй Алексѣевичъ! Ужинать!

Кэтъ осталась въ «Старыхъ Горахъ».

XVI

— Завтра я буду совсѣмъ другая! Увидишь! Такъ вечеромъ обѣщала Алексѣю Ольга, и

большаго, чѣмъ эти скупыя слова, обѣщанія ему не нужно. Онъ счастливъ. Завтра онъ проснется Лелемъ, а сегодня пусть спитъ утомленная нелѣпыми днями Елонька. И онъ будетъ спать. И онъ усталъ.

Проснулся рано, но все-таки опоздалъ: дядя Гильомъ въ саду обрадованно сообщилъ Алексѣю, что мадемуазель уже встала, говорила съ нимъ, набрала цвѣтовъ и ушла на могилу покойной мадамъ.

— Давно ушла, дядя Гильомъ?

— Если на кладбищѣ недолго пробудетъ, такъ скоро должна и вернуться.

Если бы Ольга просто вышла въ поле, Алексѣй бросился бы бѣгомъ ей навстрѣчу! То, что она пошла на кладбище, его останавливаетъ. Пошла одна, значитъ, такъ лучше. Онъ будетъ ждать Елоньку дома, не сомнѣваясь въ ея обѣщаніи: буду совсѣмъ другая. Проще было бы сказать «буду прежняя», но, пожалуй, Ольга права: совсѣмъ прежними теперь не могутъ быть ни онъ, ни она. И это даже хорошо. Хорошей встряской оказался пріѣздъ Орловой. Нелѣпость этого ушла, но онъ уже не «гладенькій мальчикъ». Онъ много перечувствовалъ. Елонька могла убѣдиться, какъ онъ ее любитъ.

— Чудный день, Екатерина Эдуардовна! Елонька на кладбище пошла. Вотъ вѣдь злодѣйка, мнѣ ничего не сказала! Будетъ сегодня мороженое? Сегодня непремѣнно нужно мороженое!

— Будетъ, если хотите, Алексѣй Алексѣевичъ!

Сегодняшняя Кэтъ еще невнятна Алексѣю, но онъ не въ силахъ дожидаться, когда ее пойметъ. Кэтъ тоже должна быть сегодня другою, иначе радость въ «Старыхъ Горахъ» будетъ неполной.

— Вы меня не осуждаете, Екатерина Эдуардовна?

— За что мнѣ васъ осуждать.

— За Орлову, можетъ быть? Такъ ли я передъ ней виноватъ. Былъ когда-то на самомъ дѣлѣ «гладенькимъ мальчикомъ», а она уже женщиной, научившейся повелѣвать нашимъ братомъ, мужчиной. Закрутился, но тряпкой, къ счастью, не оказался. Орлова — красивое животное, не больше. Красота ея къ ней потянула, животность оттолкнула. Раз-

берите, Екатерина Эдуардовна, вчерашнюю сцену, — и ни глубины, ни человѣческаго вы въ ней не увидите. Если и есть у Орловой чувство ко мнѣ, то названіе ему не любовь, а капризъ.

Кэтъ улыбнулась.

— Для чего вы мнѣ все это объясняете, Алексѣй Алексѣевичъ! Я васъ не сужу. Вы вчера себя очень хорошо держали. Простите... а все-таки вы еще такой мальчикъ!

Алексѣй расцѣловалъ Кэтъ руки.

— И довольно, милая наша хозяюшка! Мальчикъ, такъ мальчикъ! Сливки-то сегодня особенныя или опять пополамъ съ молочкомъ?!

— Если мороженое заказываете, особенныя со стола уберу. Или одно, или другое. Выбирайте!

— Хозяюшка, милая! Не надо никакихъ «выбирайте»! Съ сегодняшняго дня никто ничего не выбираетъ! Сдѣланъ выборъ, и никакихъ!

На дорогѣ близъ сада показалась Ольга. Въ рукахъ у нея букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Издали взмахнула цвѣтами, аукнула весело. Алексѣй и Кэтъ вышли къ ней навстрѣчу.

Ольга бѣжитъ. Алексѣй съ улыбкой раскрылъ объятья — вотъ поймаетъ — но она бросилась на шею Кэтъ, завертѣла горбатенькую, зацѣловала. Алексѣю досталась только улыбка.

— Хорошо въ полѣ! Цвѣтовъ только мало. Эти у рѣчушки набрала. Если не смотрѣть по сторонамъ, рѣчушка совсѣмъ русская. Русскія травинки, и трясогузки хвостиками дрыгаютъ! А этотъ лѣсъ далеко — на самомъ дѣлѣ лѣсъ или, подойдешь къ нему, садомъ окажется? Мы туда непремѣнно сегодня поѣдемъ! Застоялся «Фіатъ»!

За кофе Ольга объявила, что сегодня будетъ сама готовить сметанные коржики, какіе дѣлали въ «Ильинкахъ». Она не какъ многія другія хозяйки, секрета изъ своей кухни не дѣлаетъ, всѣмъ предоставляется присутствовать при этомъ и поучаться.

Ольга напѣвала весело. Ольга говорила басомъ съ дядей Гильомомъ. Ольга рѣшила «заготовить на зиму липовый чай», и Алексѣй былъ немедленно командированъ на липу, бросалъ оттуда охапки липового цвѣта, а она ихъ собирала. Какая масса!

Она передумала: не нужно чая. Чай — проза. Она набьетъ сегодня липовымъ цвѣтомъ подушку и будетъ спать на ней, — то-то сны будутъ медовые!

Коржики дѣлали на балконѣ. Изъ коржиковъ ничего не вышло, и виноватымъ оказался, конечно, Алексѣй: онъ «перебухалъ муки, и получилась клячка какая-то».

Алексѣй наблюдателенъ. Онъ очень хорошо замѣчаетъ, что сегодня у Ольги нѣтъ для него имени. Онъ не Лель, какъ въ Ниццѣ, но и не Алешенька. Онъ видитъ, что ласковыя объятія Ольги только для Кэтъ, не для него. Ольга поспѣшила перемѣнить разговоръ, когда онъ шутливо намекнулъ; вчера въ ниццской церкви было третье оглашеніе, и сегодня они могли бы уже повѣнчаться.

Эти наблюденія все-таки не лишаютъ Алексѣя радости. Вѣдь Ольга то и дѣло глянетъ-спроситъ безъ словъ:

— Хорошая я?

И онъ отвѣчаетъ также, глазами:

— Хорошая!

За обѣдомъ Ольга говорила о томъ, что завидуетъ прическѣ Кэтъ. Зачѣмъ она обрѣзала свои волосы, зачѣмъ не можетъ она, какъ Кэтъ, распустить ихъ по плечамъ. Бѣгала бы такъ сегодня цѣлый день!

Послѣ обѣда поѣхали на автомобилѣ къ лѣсу на горизонтѣ. Для Фіата дорога туда всего полчаса. Лѣсъ на самомъ дѣлѣ оказался не лѣсомъ. Собранныя разстояніемъ въ одну группу деревья разступились передъ автомобилемъ, стали жиденькими садиками при нѣсколькихъ сосѣднихъ фермахъ. Нѣтъ лѣса.

Поѣхали дальше, къ рѣкѣ. У рѣки красиво: подобіемъ горъ нагромоздились сѣро-сизые утесы. И рѣка, и камни—древніе, не уступаютъ человѣку такъ легко, какъ лѣса подъ топоромъ и луга подъ плугомъ, противятся плотинамъ и виноградникамъ.

Ѣхали далеко, повернули обратно, когда впереди показался городъ, много больше Нюизо съ щетиной фабричныхъ трубъ и сѣрой дымкой пыли и копоти надъ нимъ. Въ городъ Ольга не хочетъ.

На обратномъ пути — Алексѣю приказъ: мчать какъ можно быстрѣе! Ольга пересѣла къ нему, и какъ въ день ихъ первой поѣздки, слѣдитъ

за стрѣлкой скоростей, радуя Алексѣя повтореніемъ этого. Она смѣясь увѣряетъ, что Алексѣй везетъ ихъ куда-то совсѣмъ въ сторону. Неужели онъ запомнилъ дорогу. Она-такъ ровно ничего не запомнила: сейчасъ-вотъ совсѣмъ не туда свернули!.. Алексѣй гналъ машину, радовался близости вечера. Вечеръ долженъ принести ему то, что сдержанно обѣщалъ, чѣмъ ласково дразнилъ день. День былъ для него и для Кэтъ, а вечеръ будетъ только для него.

За ужиномъ Ольга попросила вина. Смѣялась:

— Теперь я соображаю, почему старичекъ-нотаріусъ меня записалъ въ больныя! Вручили мы хозяйство Кэтъ, и она упитываетъ насъ только сливочками. А мы, какъ дѣтки, не протестуемъ! Неужели въ «Старыхъ Горахъ» не найдется бутылочки?! Какъ въ твоихъ погребахъ, Кэтъ? У меня сегодня винное настроеніе!

Если бы не дядя Гильомъ, «Старыя Горы» оказались бы сухими. Но у моряка всегда имѣется про-запасъ бутылочка-другая. Ему и предоставили разлить вино по бокаламъ. И пусть садится съ ними. Безъ всякихъ разговоровъ.

Ольга пила много, говорила весело, называла дядю Гильома Тимофеичемъ, а Кэтъ—Катериночкой. Взяла гитару и пѣла:

И пить будемъ!
И гулять будемъ!..

Смѣялась:

— А дальше не для насъ! Къ намъ смерть не придетъ, и помирать мы не будемъ! Я по крайней мѣрѣ не собираюсь!

Послѣ ужина Ольга торжественно взяла дядю Гильома подъ руку и пригласила всѣхъ смотрѣть, какъ она обыграетъ его на билліардѣ. Играла лучше, чѣмъ съ Алексѣемъ, и протестовала, когда Кэтъ говорила, что дядя Гильомъ нарочно подставляетъ ей легкіе шары.

— Просто я сегодня удачливая. Передъ игрой на билліардѣ, оказывается, непремѣнно нужно немного выпить! Мой прежній партнеръ—трезвенникъ объ этомъ не догадался, потому я и промахивалась! Шарикъ миленькій! Если пойдешь, куда нужно, все будетъ хорошо! Пошелъ?! Молодецъ шарикъ!

Послѣ этого шарика не играю. Доигрывайте, господа мужчины!

Ольга передала кій Алексѣю. Ему досадно: уходитъ вечеръ. Но Ольга смотритъ такъ ласково, и онъ не отказывается играть. Надо считаться съ настроеніемъ Ольги, не требовать отъ нея большаго, не торопить близость, обѣщанную столькими ея взглядами. Но, кончивъ партію съ дядей Гильомомъ, Алексѣй все-таки дѣлаетъ шутливый намекъ:

— Поиграли на гитарѣ, поиграли на билліардѣ, теперь что по программѣ идетъ? Къ роялю перейдемъ? Играть, такъ играть.

Кэтъ помогаетъ ему.

— Меня только увольте! Сегодня я не игрокъ. Спать пошла.

Ольга по-мужски раскланялась передъ Алексѣемъ, сказала съ улыбкой:

— Дневная программа окончена! Ночная программа: сонъ золотой! Есть такая птичка, кричитъ: ти-ти-ти! У насъ въ «Ильинкахъ», когда соберутся гости, увѣряли, что это значитъ: «пить хочу». Предлагалось гостямъ еще выпить. А намъ, дѣтямъ, говорили, будто птичка поетъ совсѣмъ другое: «спать пора». Намъ предлагалось итти спать. Какъ гостья, я уже выпила, а какъ ребеночекъ, иду бай-бай!

Протянула Алексѣю руку для поцѣлуя, сдѣлала реверансъ и ушла вмѣстѣ съ Кэтъ.

И вечеръ обманулъ Алексѣя.

Въ шутливомъ тонѣ Ольги онъ съ увѣреннымъ волненіемъ слышалъ: «сдѣлаю видъ, что иду спать, провожу Кэтъ и вернусь». Но напрасно ждалъ Ольгу въ саду. Она не пришла.

Нѣтъ! Онъ напрасно тревожится: Елонька была такой, какой только и могла быть. Такъ понятно, что она не вышла вечеромъ къ нему. Довольно, что столько дней-камней она съ себя сбросила. Надо умѣть не торопить елонькино выздоровленіе. Въ Елонькѣ дѣйствительно было сегодня что-то дѣтское, ранне-юное, а могъ ли бы онъ поручиться за себя... Выйди она въ садъ, онъ не сдержалъ бы въ себѣ мужскую требовательность, онъ былъ бы слишкомъ изъ крови и мускуловъ... Нѣтъ, пусть пока «ребеночекъ бай-бай»!

Успокоились-ушли мысли. Всѣмъ тѣломъ себя самого почувствовалъ Алексѣй впервые за эти не-

дѣли. Здѣсь въ «Старыхъ Горахъ» онъ по-настоящему не спалъ ни одной ночи. Ему бы тоже теперь въ дѣтскую свою забраться, подъ стеганое одѣяло и кренделькомъ свернуться, какъ когда-то.

Ложась спать, невольно примѣрился «кренделькомъ», улыбнулся... Утѣшителю, Душе истинный!.. приди и вселися въ ны!.. опять улыбнулся, заснулъ.

...у крыльца остановилась тройка, запряженная въ долгушу. Гнѣдой Бояринъ и темно-рыжія Петелька и Ульянка Ульянка хороша, когда запрокинетъ на скаку голову, но куда ей до Петельки. Петелька — колесо! На крыльцо вышла мама въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлой большой шляпѣ. - Здравствуйте, барыня Марья Кирилловна! Алеша ѣдетъ съ мамой въ церковь, а долгуша потому, что изъ церкви поѣдутъ на станцію, папу встрѣчать. Когда же папа пріѣзжаетъ одинъ, — непремѣнно нужно долгушу. Надъ полемъ висятъ-звенятъ жаворонки. Петръ гикаетъ съ козелъ. Сидѣнье на долгушѣ кожаное, скользкое: хочешь-не-хочешь, на поворотахъ держись за маму. У мамы теплыя руки, ласковый голосъ: — Не сверзишься, Алешенька. Не скатись, горошинка ты моя! Въ церкви у Алеши свое мѣсто подъ иконой Преображенія на стѣнѣ. Что такое Преображеніе, Алеша не знаетъ и опять, какъ каждый разъ, удивляется: такой красивый, свѣтлый Христосъ, а апостолы испугались, лицомъ въ землю! Поютъ «Иже херувимы», и синѣетъ церковь отъ ладоннаго дыма, а въ дыму — знаетъ Алеша — херувимы.. тайно образующе!.. тайна есть у херувимовъ, и эту тайну когда-нибудь узнаетъ онъ, Алеша, непремѣнно узнаетъ!..

Что-то тяжелое, душное давитъ, врывается въ сонъ...

— Лель!

Ольга прильнула къ спящему Алексѣю, будитъ его поцѣлуями въ шею, въ грудь, въ плечи... Свѣча горитъ на столикѣ, свѣтъ ея — прямо въ глаза Ольгѣ.

— Лель! Возьми меня, Лель! Всю возьми! Такъ, безъ свадьбы! Какой ты красивый, Лель! Возьми меня! Мать твоя пишетъ: Богъ — любовь. И твоя

любовь — богъ, Лель, мой Лель!.. Ну цѣлуй же, Лель! Всю цѣлуй!..

Легкій халатикъ распахнулся на груди у Ольги. И пусть.

— Твое, Лель! Бери!.. Бери же, не мучай, Лель!

Обнаженное тѣло Ольги касается тѣла Алексѣя, руки ея торопятъ ласку, ея губы пьютъ его губы, не слыша, отвѣчаютъ ли онѣ, а въ глазахъ— мука.. Оторвалась для новыхъ словъ, виномъ дохнула:

— Бери же!

Дрогнули руки Алексѣя, обнимутъ сейчасъ, крѣпкія мужскія руки, пусть сомнутъ, раздавятъ до боли нестерпимой... Лель, мой Лель!

Не обняли, оттолкнули руки. Оттолкнувъ, сбросили послѣднюю одежду съ плечъ Ольги, и упали безсильно.

— Лель! Что же тебѣ нужно, Лель?! Не смѣй меня мучить! Ты не смѣешь меня, какъ хлыстомъ! Лучше убей, Лель! Вѣдь любишь, хочешь! Бери! Такъ бери и, когда захочешь, бросишь!..

— Елонь!.. замолчи!..

— Глупый Лель! Сегодня, сейчасъ наша свадьба. Никакой другой не хочу! Не будемъ повторять свадьбу, дѣтей, муку цѣлой жизни! Только любовь! Твоя колдовская любовь, Лель!.. Нѣтъ больше счастливицы на свѣтѣ, чѣмъ я, Лель мой! Кто изъ людей не пугается, что пройдетъ любовь. Я одна знаю: никогда ей не пройти, бога Леля люблю!..

Уже не мука, восторгъ, еще болѣе страшный, въ голосѣ Ольги. Не просятъ ея руки, требуютъ, и не слова, а грудь, губы, все тѣло кричитъ: бери, Лель!

Тѣло Алексѣя - камень, тяжелый, безъ отвѣта. Безсильно упала на его постель Ольга и тотчасъ же вскочила.

— Иначе никогда не будетъ! Слышишь, Лель, никогда! Не любить не могу, но и твоей, Старогорской, не буду! Никогда!

Она смотритъ на Алексѣя, на его искаженное лицо: глаза полузакрыты, искривлены губы... смѣется.

— Не смѣйся, Лель!

Вздрогнулъ и усмѣхнулся, оскорбительно хихикнулъ... и опять сдерживается... щуритъ глаза...

Ольга выбѣжала изъ комнаты, шатаясь шла по корридору, едва дошла до своей спальни.

...не было этого, не было! . не могло быть!.. было это!..

Она отвратительна сама себѣ. Пятна липкаго позора у нея на плечахъ, на груди. Рукой она не смѣетъ коснуться своихъ плечъ, прикрыть ихъ. Стѣны стараго дома хихикаютъ такъ же, какъ Лель. «Старыя Горы» смѣются надъ ней: дворовая дѣвка пришла къ барину!..

Неправда! Она понесла своему богу любовь, передъ которой ничто всякая другая! Не тѣло шла она отдать, а душу! Пусть бы взялъ душу богъ Лель, сдѣлалъ бы ее такой же, какъ онъ самъ... Пойми его! Какой онъ? Чего онъ отъ нея хочетъ?! Зачѣмъ ему, Лелю, другое право на нее, зачѣмъ свадьба въ Ниццѣ и шаферъ Владиміръ Федоровичъ?!. Развѣ ему мало своего права, своей власти бога-Леля?!.

Хочетъ мыслью оскорбить, унизить Алексѣя — и не можетъ. Хочетъ ему проклятіе бросить—сама пришла къ нему, а онъ не взялъ ее — и клянетъ только себя. Если и была у нея крупица сомнѣнія въ этомъ, въ колдовской власти Алексѣя надъ женщиной, то теперь уже нѣтъ. Немыслимое, а было же, было! Пусть онъ смѣется и издѣвательски щурится,—его одного она любитъ. Мыслимо ли принять отъ другого ту же усмѣшку и твердить себѣ: Лель, любимый!

И вдругъ совсѣмъ по-иному видитъ Ольга лицо Алексѣя: не смѣется онъ, не щурится издѣваясь, сознаніе потерялъ.

Избавленіе отъ своего позора женскаго и новый ужасъ за любимаго.

Поспѣшно одѣвается, и борятся въ ней двѣ разгадки лица Алексѣя: не могъ смѣяться, онъ хорошій, Алешенька!.. но онъ сильный, здоровый, онъ такъ хорошо владѣетъ собой?.. Лель и обморокъ?.. Одѣлась, но нѣтъ силы вернуться въ комнату Алексѣя. Отъ позора ее все равно ничто не избавляетъ. Стала собирать свои вещи въ кожаный чемоданъ.

..Что могла бы она ему сказать? Нечего сказать! Уѣхать надо! Тѣмъ лучше, тѣмъ легче, если онъ не смѣялся. Конечно, не могъ смѣяться-издѣваться. Но теперь они обречены оба на невозмож-

ность смѣяться счастливо всю жизнь. Съ могилы его матери принесла она рѣшимость отдать себя Лелю, сломить для него свою душу. Больше это не повторишь. Если теперь принести жертву, такъ другую: уйти и дать забыть себя. Его силой-ужасомъ связана только она одна. Онъ, Лель, свободенъ. Забудетъ, другую полюбитъ, будетъ счастливымъ!

Разсвѣтало. Ольга взяла чемоданъ, пошла къ выходу съ ближайшаго къ ея комнатѣ параднаго крыльца, гдѣ на стражѣ большой медвѣдь съ рогатиной въ лапахъ, трофей охоты камергера Старогорскаго. Кольцо ключа впивается въ пальцы, звонко поетъ пружина перваго поворота, но второй не дается. Не открыть дверь. Черезъ весь домъ Ольга идетъ къ другой двери въ садъ, — мучительный путь мимо комнаты Алексѣя.

Дверь настежь, въ комнатѣ Алексѣя — свѣтъ и тихо... Какъ животное, пойманное въ полосу свѣта, застыла Ольга, взглянуть не смѣетъ. Тишина, долгая, жуткая, взглянуть заставила.

На полу, рядомъ съ кроватью лежалъ Алексѣй. Убилъ себя?! Умеръ?!

Не къ нему бросилась, въ комнату Кэтъ, разбудила ее шепотомъ:

— Кэтъ!

Горбатенькая ничего не понимаетъ.

— Что за глупости, Ольга? Куда собралась?

— Кэтъ! Пойди къ нему, Кэтъ! Зачѣмъ я позволила ему оставить револьверъ?!.

— Ольга!.. Второго довела!

Кэтъ вскочила, рванула изъ рукъ Ольги перекинутое черезъ руку пальто, надѣла его на себя.

— Гдѣ?

— Тамъ. У себя.

Кэтъ ушла. Взглядъ послѣднiй на Ольгу жестокiй.

Свѣтъ едва просился сквозь ставни, предразсвѣтно мертвенный. Ольга не чувствуетъ его наростанiя. Для нея свѣтъ уходитъ, умираетъ... Кэтъ не возвращается безконечно долго. Въ домѣ до жути тихо: убилъ себя Лель!..

На колѣни Ольгѣ упало резиновое пальто. Она очнулась. Кэтъ не смотритъ на нее, одѣвается молча. У горбатенькой каменное лицо, но Ольга все-таки читаетъ въ немъ свое избавленiе отъ са-

маго страшнаго: живъ Алексѣй. Кэтъ одѣлась, волосы узломъ убрала.

— Что же ты не уходишь?

— Кэтъ! Что съ нимъ?

— Сама лучше меня знаешь, что!

— Обморокъ?

— Былъ обморокъ, а что дальше будетъ, не знаю. Я не врачъ. Имѣй въ виду, Ольга: я ему сказала, что ты уже уѣхала!

— Я сейчасъ уйду, Кэтъ. А ты?

— За тобой не побѣгу! Если уходишь, уходи скорѣе. Мнѣ дядю Гильома разбудить нужно. Уходишь? Остаешься?!

Ольга встала, подняла упавшее пальто, Кэтъ сунула ей въ руки чемоданъ.

— Деньги-то у тебя есть?

— Есть.

— А то, какъ святая, пойдешь! Глупостей не изволь дѣлать. Достаточно понадѣлано. Въ Ниццу пріѣдешь, письмо мнѣ сразу же напиши. Поняла? Изліяній мнѣ не нужно, а адресъ твой, чтобы я всегда знала. Дорогу-то на станцію найдешь? Эхъ, Ольга!.. Постой. Мимо его комнаты вмѣстѣ пойдемъ.

Кэтъ пропустила Ольгу впередъ, и обѣ неслышными шагами прошли мимо спальни Алексѣя черезъ билліардную и балконъ въ садъ.

— Черезъ городокъ не иди. И дальше, и глупо! Мы тутъ-вотъ ходили, по тропинкѣ иди и прямо на шоссе выйдешь.

Горбатенькая Кэтъ стояла на крыльцѣ и смотрѣла: вернется или не вернется? Ольга шла быстро, не оборачиваясь. Когда она вышла на шоссе, Кэтъ вернулась въ домъ. Подошла къ двери Алексѣя съ тревогой и матерински-ласково смотрѣла ему въ лицо. Спитъ или не спитъ?

Положила горячую, сухую руку на лобъ Алексѣю. Еще горячѣе ея руки его лобъ.

Хорошо, что Ольга уѣхала. Удивительные люди!

Дядя Гильомъ умѣетъ хранить про себя удивленіе. Онъ такъ и думалъ, что въ концѣ концовъ сотрясется что-нибудь: та, рыжая, недаромъ опять пріѣзжала!

— Сейчасъ вы поѣдете къ доктору, дядя Гильомъ. Есть вѣдь у васъ въ Нюизо докторъ? Доктора привезете сюда. М-сье Старогорскій заболѣлъ. Воз-

вращайтесь скорѣе, недолго будьте въ городѣ. Если будетъ нужно, потомъ съѣздите къ м-сье Мулино, а пока его лучше не безпокоить. Понимаете? Я думаю, ничего серьезнаго у м-сье Старогорскаго нѣтъ. Мадемуазель вчера уѣхала. Понимаете? Тоже лучше лишнихъ разговоровъ объ этомъ не надо. Возвращайтесь скорѣе, дядя Гильомъ. Сливокъ никакихъ сегодня не нужно.

На раскормленной старой лошади, въ лакированномъ шарабанчикѣ пріѣхалъ кругленькій сѣденькій докторъ. Видимо, по дорогѣ онъ о многомъ распрашивалъ дядю Гильома, и морякъ не былъ слишкомъ твердъ въ молчаливомъ обѣщаніи избѣгать лишнихъ разговоровъ. Докторъ прозрачно намекаетъ Кэтъ: онъ не хирургъ, но, разъ къ нему первому обратились, отказать онъ, конечно, не смѣлъ.

Кэтъ и съ докторомъ говоритъ также наставительно, какъ съ дядей Гильомомъ:

— Хирургія здѣсь докторъ, непричемъ. У м-сье Старогорскаго, я предполагаю, нервное потрясеніе. Обморокъ былъ, приходилъ въ чувство, а теперь въ забытьѣ. Можетъ быть, и просто спитъ, —я не увѣрена. Если вамъ, докторъ, для діагноза важно, могу сказать, что по моимъ предположеніямъ у м-сье Старогорскаго ночью была какая-то... размолвка съ его невѣстой. Большаго сказать не могу, не знаю. Она вамъ тоже ничего не скажетъ, потому что уже уѣхала. Теперь пройдемъ къ больному.

Поверхностно осмотрѣвъ Алексѣя, докторъ старчески-наивно сталъ пространно, съ латинскими терминами объяснять Кэтъ: предполагать можно двѣ формы заболѣванія; при одной, менѣе вѣроятной, больного нужно непремѣнно разбудить и не позволять ему спать, при другой—можно оставить, пусть спитъ.

— А, если разбудить, нежелательныхъ послѣдствій не будетъ?

— Нѣтъ. Бѣды не будетъ.

— Тогда почему же и не разбудить, докторъ. Поговорите съ больнымъ. Картина будетъ яснѣе.

— Да, вы правы, мадемуазель.

Алексѣй самъ очнулся отъ ихъ негромкаго разговора. Устало посмотрѣлъ на доктора, привод-

нялъ голову, кивнулъ доктору и опять закрылъ глаза. Кэтъ вышла изъ комнаты.

Черезъ полчаса кругленькій докторъ подошелъ къ Кэтъ въ саду. Въ рукахъ у него два готовыхъ рецептныхъ бланка. Онъ серьезно-важно произнесъ латинское названіе болѣзни. Въ діагнозѣ онъ теперь не сомнѣвается.

— Паціенту нуженъ покой и покой. И ваше присутствіе, мадемуазель. Паціентъ нѣсколько разъ упомянулъ объ этомъ, а въ данномъ случаѣ съ желаніями паціента приходится особенно считаться. Спать, сколько пожелаетъ. Сонъ — лучшее укрѣпляющее. Немного вина. Легкій столъ. Мнѣ не приходится давать указанія мадемуазель. Доброе сердце иногда лучшій врачъ!

Этотъ комплиментъ въ устахъ сѣденькаго доктора значителенъ. Онъ подчеркиваетъ это интонаціей, которая должна значить: врачу не хочется предполагать чьей-нибудь безсердечности, но мысль о ней напрашивается.

Кэтъ задала доктору нѣсколько вопросовъ, и онъ отвѣчалъ на нихъ уклончиво, словно прибѣгалъ къ высшему авторитету самой Кэтъ:

— Я не думаю, чтобы болѣзнь была затяжной, — мадемуазель же не предполагаетъ большого, слишкомъ серьезнаго потрясенія? Такой по внѣшности здоровый молодой человѣкъ! У него въ основѣ должно быть, не правда ли, крѣпкій организмъ? Будемъ разсчитывать на здоровый сонъ, на скорое выздоровленіе. Загляните къ нему черезъ часокъ, мадемуазель. Разговаривать или поменьше, на ваше усмотрѣніе, мадемуазель. Вамъ многое виднѣе, чѣмъ мнѣ, не такъ ли?

Докторъ уѣхалъ. Кэтъ сидѣла въ саду и думала: какъ мало было нужно ей, чтобы дать любимому человѣку и всю ласку, какой онъ пожелаетъ, и самый тихій покой, если онъ хочетъ покоя! Только бы, хоть чуточку, ее любили!

XVII

Ждать поѣзда на станціи Нюизо невыносимо. Пусто на вокзальчикѣ, но тѣмъ пристальнѣе и любопытнѣе взгляды, отъ которыхъ не уйти Ольгѣ

ни въ тѣсномъ станціонномъ помѣщеніи, ни на платформѣ.

Первый поѣздъ шелъ въ обратную отъ Ниццы сторону. Ольга подошла къ кассѣ и по подсказкѣ кассира — до конца, мадемуазель? — взяла билетъ до конечной остановки, Ліона.

Три дня въ Ліонѣ — три дня безъ мысли, безъ выбора, безъ рѣшимости на что-нибудь. Не желающее остановиться время вечерами посылало Ольгѣ сонъ, а сонъ, великій цѣлитель, наконецъ заставилъ ее и мыслить, и выбирать и искать рѣшеніе:

— Какъ сказать папѣ?.. Пусть скажетъ Владиміръ Федоровичъ. Онъ сумѣетъ.

— Что дѣлать?.. Пока есть еще немного денегъ, ничего. Потомъ пойти къ Комаровой, опять крутить проволоку для цвѣтовъ.

— Гдѣ жить?.. Половина комнаты Кэтъ осталась за ней. Можно пока остановиться въ комнатѣ Кэтъ.

Больше не было нужныхъ мыслей. Ольга расплатилась въ отелѣ, гдѣ на нее уже подозрительно поглядывали, взяла билетъ въ Ниццу и рано утромъ проѣхала мимо Нюизо, даже не замѣтивъ маленькой станціи, которая не существуетъ для скорыхъ поѣздовъ.

Въ вагонѣ Ольга не спала. Забывалась сидя. Съ ней, къ счастью, никто не заговаривалъ. Она даже не замѣтила, кто былъ въ купе: кажется, какая-то чинная пара старичковъ.

Хозяйка плохонькаго пансіона въ Ниццѣ — она недолюбливаетъ Ольгу — не впустила ее въ комнату безъ жилицы-художницы.

— Въ кино ушла. Вернется, — съ ея разрѣшенія входите! Когда вы у меня жили, я вѣдь къ вамъ никого не впустила бы! Надо понимать!

Ольга сидѣла на подоконникѣ, въ корридорчикѣ и ждала. Нѣсколько разъ хозяйка съ усмѣшкой прошла мимо нея. Прошелъ, поклонился старый итальянецъ-кюре, снимавшій сосѣднюю комнату.

Вернулась изъ кино парижанка-художница. Она удивлена возвращенію Ольги, ея лицо заставляетъ француженку строить предположенія о какой-то драмѣ. Ольга вообще ни о чемъ не думаетъ, не замѣчаетъ, что художница постлала ей постель,

предложила раньше лечь спать съ дороги. Легла и заснула.

Художницы не было дома, когда Ольга проснулась на другой день. На мгновеніе показалось Ольгѣ: ничего не было, она, какъ и раньше, живетъ здѣсь съ Кэтъ... Вспомнила, и взяла себя въ руки, одѣлась, вышла на улицу.

— Гдѣ искать Владиміра Федоровича?

У Ольги нѣтъ и предположеній, гдѣ бы могъ теперь жить Клочко. Она пѣшкомъ черезъ весь городъ прошла въ мастерскую жестяника, гдѣ Клочко раньше иногда получалъ работу. Тамъ ей сказали, что лейтенантъ теперь у нихъ не бываетъ, получилъ прекрасное мѣсто на постройкѣ мола. Можно было еще зайти къ штабсъ-капитану Морозову, но онъ почти никогда не бываетъ дома. Ольга все-таки пошла къ нему, не зная устали и не думая о томъ, что можно взять фіакръ или такси.

Морозова она не застала, но все же узнала:

— И капитанъ, и лейтенантъ теперь — артисты! Поютъ въ оперѣ ногами! Лейтенантъ выглядитъ бравымъ испанскимъ солдатомъ и такъ сражается съ контрабандистами, что публика должна бы удѣлить ему не меньше половины своихъ аплодисментовъ красавицѣ Орловой. У нихъ почти весь день репетиціи. Идите въ театръ, мадемуазель, и вы не сдѣлаете промаха.

Хозяинъ квартиры, сапожникъ, говоритъ это съ довольной улыбкой. Онъ — другъ русскихъ и радъ, когда имъ удается заработать на бутылочку-другую, а въ театрѣ къ тому же веселая работа, хоть и платятъ гроши.

Въ театрѣ, тамъ, гдѣ его изнанка — тѣсныя, пыльныя лѣстницы и корридоры съ десятками хлопающихъ дверей — путаница лабиринта, безалаберная суета. Ольга долго свободно плутала по этому лабиринту, слѣпла въ темныхъ огромно-пустыхъ кулисахъ, наталкивалась на людей въ голубыхъ и зеленыхъ трико и на рабочихъ въ синихъ блузахъ. Люди въ трико отвѣчали ей незнаніемъ: имъ неизвѣстны фамиліи статистовъ, составъ мѣняется каждый разъ. Ей рекомендовали обратиться въ контору. Въ конторѣ—строгости.

— Статистъ? Никакихъ свиданій съ стати-

стами! Никакихъ контрамарокъ статистамъ. И не пытайтесь!

Ольга виновато объяснила, что ей вовсе не нужно контрамарки. Ей необходимо видѣть статиста Клочко по личному дѣлу.

На сегодня дирекція не можетъ разрѣшить и этого: театру не нужны статисты, у которыхъ личныя дѣла во время генеральной репетиціи. Но дать адресъ Клочко Ольгѣ все-таки не отказали, сунули списокъ адресовъ: ищите.

Противъ перепутанной фамиліи Клочко стояло названіе улицы.

Сѣденькій господинъ на улицѣ любезно разъяснилъ Ольгѣ, какъ разыскать улочку, гдѣ теперь живетъ Владиміръ Федоровичъ. Далеко, на другомъ концѣ города, въ итальянскомъ кварталѣ.

Домъ, гдѣ живетъ Клочко, большой съ облупленнымъ фасадомъ не хуже и не лучше другихъ сосѣднихъ домовъ. Внутри: чисто вымытая деревянная лѣстница, аккуратные половички, мѣщанскій порядокъ. Дверь открыла вертлявая старушенка въ черномъ.

— М-сье русскій здѣсь живетъ, но сейчасъ его нѣтъ дома.

— Я подожду.

— Подождите, мадемуазель! Если мадемуазель желаетъ обѣдъ, я могу предложить отличный обѣдъ, мадемуазель. И совсѣмъ недорого, мадемуазель! Сюда, мадемуазель!

Въ тѣсной конуркѣ-комнатѣ — солнце... И поетъ солнце веселую пѣсенку голосками-колокольчиками. Часовщикъ Вожель только-что наладилъ музыкальную шкатулочку: когда-то она грустила, потомъ много лѣтъ молчала, исковерканная людьми и временемъ, теперь Вожель подарилъ ей новую мелодію.

— Недурно, мадемуазель?! Добрый день! Это — пѣсенка одного солдата изъ моей роты. Его убили, а пѣсенку не убьешь! Вы къ «Володя», мадемуазель? Онъ — въ театрѣ. Слушаетъ тамъ другую пѣсню, которую нѣсколько вѣковъ множество людей пѣло каждый на свой ладъ. Пѣснь о Тристанѣ и Изольдѣ. Садитесь, мадемуазель! У насъ здѣсь очень тѣсно, но зато рукой подать до солнца. Если вы не любите солнце, я могу опустить жалюзи.

— Спасибо. Солнце мнѣ не мѣшаетъ.

Вожель улыбнулся привѣтливо, тряхнулъ волосами.

— А моя болтовня тоже не мѣшаетъ? Въ этой пѣсенкѣ тоже говорится о любви, глупенькой, преглупенькой. А не все ли равно! Важно, какъ говорится. Люди-гиганты иногда любятъ гораздо скучнѣе, чѣмъ такіе простецы, какъ тотъ мой солдатъ. Онъ любилъ весело, и его любовь согрѣвала многихъ. Разъ въ недѣлю онъ писалъ своей женѣ письмо, и передъ отправкой читалъ вслухъ. Если бы въ окопахъ позволялось собираться цѣлымъ батальономъ, собирался бы и батальонъ! И всѣ хохотали бы до упаду: чего-только онъ тамъ ни писалъ, такой былъ балагуръ. Жена у него была курносенькая, самая обыкновенная. А, когда его убили, она оказалась счастливѣе многихъ вдовъ войны. Для нихъ пуля прекращала письма съ фронта, а ей стали писать десятки солдатъ нашей роты. Есть солнечные люди, мадемуазель. Тотъ веселый солдатъ былъ одинъ изъ нихъ! Старогорскій зайдетъ за вами, мадемуазель? Я всегда радъ встрѣчѣ со Старогорскимъ. Въ семьѣ Мулино — вы познакомились съ старикомъ Мулино, мадемуазель? — говорятъ, что вашъ женихъ похожъ на своего отца, а для меня онъ — такой же сынъ своей матери, какъ и отца, «счастливаго принца». Это — прекрасное соединеніе!

Запертая еще въ «Старыхъ Горахъ» на всѣ замки мысль вдругъ вернулась къ Ольгѣ. Неужели этотъ французъ знаетъ объ э т о м ъ? Она спросила тревожно:

— Почему онъ... «счастливый принцъ?»

— Такъ я его называю, такъ понимаю его на портретѣ. Старикъ Старогорскій — тоже солнечный человѣкъ, братъ моему веселому солдату.

— А сынъ?

— Вы лучше меня должны его знать, мадемуазель. Я говорилъ со Старогорскимъ всего нѣсколько разъ. Я знаю его поступки: два поступка, мадемуазель. Но поступки всегда говорятъ или очень много или очень мало. Напрасно думать, что по поступкамъ всего проще разгадать человѣка. Мнѣ гораздо больше говорятъ слова. Угадайте, попробуйте, мадамъ Старогорскую! Никогда не угадае-

те! Но я съ ней много говорилъ, и я ее знаю. Когда я гляжу на васъ, мадемуазель, мнѣ думается: если бы живы были родители Старогорскаго, его отецъ баловалъ бы васъ, а мать, мать любила бы по-настоящему. Она бы въ васъ сама себя любила. Я болтаю съ вами, мадемуазель, точно опять передо мной мадамъ Старогорская. У нея въ домѣ мнѣ разрѣшалось пиршество болтовни. Вы навѣрное думаете, мадемуазель: этотъ человѣкъ говоритъ много лишняго. Вы сами въ этомъ виноваты, мадемуазель! Вы — будущая Старогорская, а для меня это имя значитъ очень много! Мадамъ сдѣлала меня немножко русскимъ. Я полюбилъ вашего Пушкина. Представьте, мадемуазель, со словъ мадамъ я перевелъ «Моцарта и Сальери». Конечно, мои стихи не звучатъ такъ же, какъ по-русски. Они слишкомъ... торжественны, и это не Пушкинъ. Но когда я читаю свое, я слышу голосъ и интонаціи мадамъ: «откупори шампанскаго бутылку, иль перечти «Женитьбу Фигаро!..» Чудесно! Мадамъ Старогорская была очень оригинальный человѣкъ! Меня она называла иногда своимъ сыномъ, и я этимъ очень горжусь. Мы съ вами, мадемуазель,—братъ и сестра черезъ мадамъ Старогорскую... Простите, мадемуазель, я сейчасъ могъ сказать большую глупость!..

Вожель смотритъ на Ольгу смущенно. Онъ только теперь замѣтилъ потерянность въ лицѣ Ольги.

— До сихъ поръ вы говорили только... хорошее. Говорите.

— Хорошо! Я скажу. Мнѣ подумалось, что, если бы не было Старогорскаго, мы съ вами тоже могли бы стать братомъ и сестрой черезъ «милягу». Не безпокойтесь о немъ, мадемуазель! Не стоитъ! Онъ изъ тѣхъ людей, которымъ можетъ быть во вредъ обыкновенное человѣческое счастье. Теперь онъ... красивѣе! Я даже не знаю, былъ ли бы онъ «милягой», если бы вы не ушли отъ него. Старогорскій — другое дѣло. Въ счастьѣ, мнѣ кажется, онъ долженъ быть глубже. «Милягѣ» достаточно этого диванчика у меня въ каморкѣ. Старогорскому нужно счастье, которое наполнило бы весь его домъ, всѣ «Старыя Горы!» Если бы вы могли представить, мадемуазель, съ какимъ свѣтлымъ лицомъ мадамъ Старогорская говорила о

васъ, о русской дѣвушкѣ, которая займетъ ея мѣсто въ домѣ и заполнитъ его радостью.

Ольга посмотрѣла на Вожеля растерянно:

— Я не буду женой Старогорскаго.

Вожель по-дѣтски подскочилъ на мѣстѣ.

— Почему вы мнѣ не сказали этого раньше, мадемуазель?! Это—воровство! Я не сталъ бы говорить съ вами о моемъ другѣ, о матери Старогорскаго. Даже въ домѣ Мулино, почти родномъ мнѣ домѣ, гдѣ мадамъ очень любили, я бы не говорилъ того, что говорилъ сейчасъ вамъ! Я васъ считалъ уже ея дочерью... Это очень жаль, мадемуазель!

Сила сдержанности оставила Ольгу. Она сидитъ и плачетъ нескрываемыми слезами. Словами маленькаго, восторженнаго француза мать Алексѣя вновь говоритъ съ ней, возвращая къ страницамъ ея страшнаго письма и уводя отъ нихъ къ ненаписаннымъ свѣтлымъ строкамъ. Но право на новую бесѣду съ ней утрачено. Французъ сказалъ горькую правду.

Вожель не изъ тѣхъ, кто теряется при видѣ чужихъ слезъ. Онъ беретъ руки Ольги, гладитъ ихъ, говоритъ:

— Я не подумалъ, мадемуазель! Мнѣ не надо было говорить такъ! Какъ бы мнѣ досталось сейчасъ отъ мадамъ Старогорской за то, что я заставилъ васъ плакать! Нѣтъ человѣка глупѣе, чѣмъ я иногда. Сколько разъ бывало такъ, что моя болтовня невольно ранила какую-то скрытую мысль мадамъ Старогорской, и мнѣ приходилось уходить изъ «Старыхъ Горъ». Я понималъ, что я сдѣлалъ себя лишнимъ на этотъ вечеръ. Я лишній и для васъ, мадемуазель. Это мнѣ очень больно! Я пойду, мадемуазель. Скоро долженъ вернуться «миляга». Вы простите меня, мадемуазель.

Ольга удержала его.

— Не уходите сейчасъ! Вы не лишній! Нѣтъ во всемъ мірѣ другого человѣка, съ которымъ я могла бы теперь говорить. Только съ вами. Я сдѣлала себя чужой Старогорскому, но... я не чужая его матери! Со мной вамъ можно говорить о ней. Я не буду ея дочерью, но мы—сестры. Не называйте себя болтуномъ. Я вижу, что вы лучше многихъ умѣете молчать, беречь вамъ довѣренное. Поберегите и мое. Когда Старогорская была молодой она,

плакала такими же слезами, какъ и я. Какъ вы правы: нельзя человѣка судить по поступкамъ! Она поступила такъ, я иначе, но мученіе у насъ общее. Если бы въ жизни все было такъ просто, какъ въ вашей пѣсенкѣ-шкатулкѣ!.. «Старыя Горы» — домъ несчастья!

— Нѣтъ! «Старыя Горы»—домъ счастья! Мадамъ Старогорская берегла ихъ, какъ домъ счастья. Если вы—ей сестра, вы не должны такъ говорить о «Старыхъ Горахъ»! Вы... знаете больше, чѣмъ я, мадемуазель. Мадамъ никогда не говорила мнѣ, что она плакала въ молодости, но я повторяю, не разъ слышалъ отъ нея о радости, что должна и будетъ жить въ «Старыхъ Горахъ».

Вожель присѣлъ на корточки передъ Ольгой, заглянулъ ей въ глаза и улыбнулся лукаво:

— Вы очень сильно поссорились со Старогорскимъ?

Ольгѣ не странно, что объ этомъ у нея спрашиваетъ человѣкъ, котораго она видитъ всего во второй разъ въ жизни. Не странны ей его поза на корточкахъ и улыбка. Съ Вожелемъ она можетъ говорить.

— Мы не ссорились.

— Значитъ, такъ мало любите другъ друга, что вамъ не нужно даже ссоры, чтобы разстаться?

— Теперь я ничего не знаю! Ничего! Если бы его мать не оставила этого письма, жизнь была бы радостью..

У Вожеля большіе глаза удивленнаго ребенка.

— Письмо мадамъ?! Мадамъ оставила письмо, способное прогнать радость изъ ея «Старыхъ Горъ»?! Я не вѣрю этому, мадемуазель. Вы навѣрное не поняли этого письма. Я не хочу знать, что въ немъ, я не любопытенъ, но я увѣряю васъ, мадемуазель, вы не поняли чего-нибудь!.. Мадамъ нѣтъ на землѣ. Я, ея другъ, въ правѣ защищать ея памать отъ такихъ обвиненій. Мадамъ не могла лишить радости своихъ дѣтей!..

Съ улицы въ раскрытое окно - громкій голосъ Владиміра Федоровича:

— Емельянъ Павловичъ! Полтора часа свободныхъ. Обѣдать!

У Вожеля на лицѣ искренняя досада. Онъ былъ увѣренъ, что теперь достаточно нѣсколькихъ

словъ, чтобы его гостья смѣялась: «Почему это я сразу не поняла, какъ это хорошо и просто!..» Даже взглядомъ онъ не спрашиваетъ Ольгу,—у него свои готовыя рѣшенія за нее. Высунулся изъ окна, болтаетъ весело:

— Жанночка! И ты пришла?! Обѣдаемъ втроемъ. Чудесно! Я сейчасъ! Одну минуту. Идите, идите, догоняю!

Голосъ Клочко спросилъ:

— Меня никто не спрашивалъ? Въ театрѣ сказали: какая-то дама взяла мой адресъ.

Вожель солгалъ самымъ правдоподобнымъ тономъ:

— Заходила и ушла. Ничего не сказала. Чудесное у тебя платье, Жанночка! Бѣгу внизъ. Сегодня я буду ѣсть за четверыхъ!

Надѣлъ шляпу, улыбнулся Ольгѣ и сказалъ тихонько:

— Хорошо вѣдь, что я такъ ему отвѣтилъ? Такъ лучше! Приходите вечеромъ на «Тристана». Я буду ждать васъ. Хорошо?!

Въ окно видно Ольгѣ, какъ идутъ узенькой улочкой трое: худая, высокая дѣвушка, Жанна, невѣста Вожеля,—Алексѣй «подарилъ» ее французику. Весело размахивающій руками, плотный Владиміръ Федоровичъ,—отъ него Алексѣй отнялъ невѣсту. И самъ Вожель,—сейчасъ говорившій о радости и съ улыбкой вѣритъ, что можетъ вернуть радость въ «Старыя Горы».

Вздумалось французику,—и не надо Ольгѣ сейчасъ говорить съ Владиміромъ Федоровичемъ, не надо придумывать для отца объясненіе, почему она порвала со Старогорскимъ. Правъ французикъ: сейчасъ она все равно ничего придумать не можетъ. Если бы можно было вернуться на недѣлю назадъ, къ тому утру, когда она искала отвѣта на могилѣ матери Алексѣя, если бы не было той ночи!.. Но этого утра не вернешь, эту ночь не вычеркнешь!

Ольга вернулась домой и легла на жесткую кровать Кэтъ, лежала безъ одной мысли. Ей, слѣпой, нуженъ теперь поводырь. Ея мысль работала напряженно, когда поводыремъ былъ Вожель. Нѣтъ Вожеля,—и Ольга боится вернуться къ его словамъ: какъ бы не запутаться въ нихъ, въ дѣтскомъ лепе-

тѣ человѣка, который такъ увѣренно бралъ на себя право говорить за мать Алексѣя.

Ушла художница. Въ корридорѣ, за дверью плакалъ ребенокъ, крикливо бранилась хозяйка пансіона, смѣялись два голоса, мужской и дѣвичій, десятки другихъ голосовъ, унылыхъ и раздраженныхъ, по очереди препирались съ скрипучимъ голосомъ хозяйки... За дверьми шла жизнь. Для Ольги жизнь остановилась. Ея жизнь—любовь, что не смѣетъ называться любовью. Стало уже совсѣмъ темно, когда поднялась Ольга, разсѣянно поправила волосы, вышла на улицу. Вожель сказалъ: приходите въ театръ. Она пришла въ театръ. Около театра — пусто. Съѣздъ уже кончился. Въ пустой парадный вестибюль доносились скрипки оркестра и форто пѣвцовъ. Театральная касса уже закрыта. Надъ ней аншлагъ: «Всѣ билеты проданы». Но Ольга не ушла, ждала, сама не зная чего.

— Ольга Дмитріевна! Неожиданнѣйшій сюрпризъ.

Передъ ней—Страницкій въ фракѣ, сдержанно-торжественный, какъ и тогда, въ Монте-Карло.

— Соло, Ольга Дмитріевна?

— Да. Одна.

Ольга улыбнулась, потому что улыбался Страницкій. Если бы ему вздумалось по-своему шутить, шуткой отвѣчала бы и она. Никакого усилія не было нужно Ольгѣ, чтобы подъ наблюдательнымъ взглядомъ Страницкаго согнать со своего лица выраженіе потерянности, не скрытой ни отъ кого другого въ отелѣ, въ вагонѣ, на улицѣ. Страницкій — другое дѣло. Для него Ольга просто пришла въ театръ, ей хочется слушать «Тристана» — ничего больше.

— Опоздали? Въ партеръ до антракта не пропустятъ. Разрѣшите предложить мое мѣсто въ ложѣ. Я все равно въ постоянномъ расходѣ. А Изольда безъ преувеличенія «божественна» сегодня! Прикажете?

— Спасибо.

Страницкій почтительно довелъ Ольгу до дверей ложи, мигнулъ капельдинеру, — и она — въ театрѣ.

... мученіе въ страстномъ голосѣ Изольды, любящей и нелюбимой. Сама себя поетъ Нина Орлова,

Изольда, оскорбленная и измученная безразличіемъ Тристана, ея почетнаго стража. Въ золотой кубокъ уже налита смерть любимому и ненавистному, смѣвшему ее не полюбить...

... пьетъ Тристанъ напитокъ смерти, Изольда допиваетъ кубокъ: не любовь, такъ смерть, раздѣлитъ она съ Тристаномъ, не любовь, такъ смерть, ихъ соединитъ...

Наростающей музыкой страсти сказочно разливается любовный ядъ, преображенное въ звуки молчаніе Тристана и Изольды. Кубокъ чудотворной влаги, когда она выпита, сталъ моремъ любви, не удержимой берегами ихъ тѣлъ, ихъ сердецъ. Море любви ширится! Огнемъ горитъ его янтарная и голубая глубина! И море уже не море, а небо, не омутъ, а полетъ къ солнцу и выше солнца!..

Пауза — чудо.

Музыка, отвергающая слова радугой звуковъ. Порывъ, не допускающій жеста. Молчаливые, словно скованные на мѣстѣ, слиты этой музыкой Изольда и Тристанъ. Чудо любви! Ольга уже не слышитъ музыки и не видитъ сцены, когда море скрипокъ уступаетъ первенство голосамъ пѣвцовъ... Она — подъ властью ушедшей для всѣхъ, но для нея безконечной, паузы-чуда.

Это музыка - музыка ея собственной души, музыка-правда о ея любви къ Лелю. Его любовь тоже – кубокъ чудотворнаго напитка, тоже – волшебство. Непобѣдима любовь Леля, съ ней не спорятъ, ей не противятся, иначе — мука Старогорской или мука Орловой, равно страшныя въ ихъ знаніи и невѣдѣніи.

Аплодисменты, свѣтъ и движеніе въ зрительномъ залѣ заставили Ольгу очнуться. Нина Орлова выходитъ на вызовы, шлетъ залу воздушные поцѣлуи, а тонконогій и полный брюшкомъ пѣвецъ-Тристанъ, ловко наклоняясь, ловитъ для нея летящіе на сцену цвѣты.

Антрактъ шуменъ. Въ открытыя окна фойе врывается улица, гудки автомобилей. Смѣхъ. Восхищенные разговоры парадной оперной публики. Ольга не оставалась въ ложѣ, но и въ фойе она, какъ затравленная: издали увидѣла страусовыя перья въ прическѣ-монументѣ баронессы, бѣжала отъ встрѣчи съ баронессой и едва уклонилась отъ

встрѣчи съ четой маргариновыхъ фабрикантовъ, на виллѣ которыхъ адмиралъ служилъ сторожемъ

Оставаться въ Ниццѣ нельзя, не поговоривъ съ Владиміромъ Федоровичемъ. Ради этого она, конечно, только и пришла въ театръ. Ольга хватается за эту мысль, въ ней ищетъ выхода изъ навязчивой въ театральной толпѣ дѣйствительности.

Начался второй актъ, но Страницкій — Ольга прослѣдила не входилъ еще въ свою ложу. Она рѣшила его дождаться и попросить провести ее за кулисы. На этотъ разъ появившійся изъ едва замѣтной въ стѣнѣ корридора дверцы Страницкій не скрываетъ своего удивленія:

— «Снова, какъ прежде, одинъ...», Ольга Дмитріевна? У васъ, простите за нескромность, не моя это добродѣтель, можетъ быть, вовсе нѣтъ мѣста? Пожалуйста, пожалуйста пользуйтесь моимъ безъ стѣсненій.

— Мнѣ докторъ, не нужно мѣста. У меня къ вамъ просьба, докторъ.

Страницкій расшаркался.

— И служить радъ, и прислуживаться вамъ не тошно. Чѣмъ могу?

— Мнѣ нужно пройти за кулисы, докторъ.

Страницкій многозначительно прищурился, прищелкнулъ пальцами.

— Виноватъ, Ольга Дмитріевна! Во всѣхъ другихъ условіяхъ вамъ поперекъ дороги не становлюсь. Но сегодня... до конца спектакля употреблю всѣ усилія, чтобы ваша встрѣча съ Ниной Владиміровной ни въ какомъ случаѣ не состоялась. Это совершенно исключено, поймите. Орлова виновата передъ вами, не спорю, но сейчасъ она принадлежитъ не себѣ, а своему искусству.

Ольга отвѣтила сухо:

— Я не имѣла въ виду госпожу Орлову. Мнѣ нужно на два слова одного изъ статистовъ, Клочко, моего бывшаго жениха. И только.

Страницкій перевелъ разговоръ въ шутку:

— Я, значитъ, оказался типичнѣйшей цѣпной собакой, — налаялъ, когда и нужды нѣтъ! Придется загладить преступленіе. Вашу руку!

Кулисы освѣщены скудно. Въ ихъ полумракѣ толпятся хористы и статисты въ убогихъ вблизи

трико и съ грубо намазанными лицами. Страницкаго здѣсь знаютъ, передъ нимъ заискиваютъ:

— Вы говорите, русскій, м-сье? Русскихъ двое или трое. Эй! Русскій!

Плотный человѣкъ въ голубомъ трико обернулся. На немъ — короткій жеваный камзольчикъ и перевязь съ блестками черезъ плечо. Въ рукахъ — алебарда. Пышные льняные волосы и длинные, висячіе усы. А глаза и голосъ Владиміра Федоровича:

— Оленька! Вы какъ сюда?!

Клочко подбѣжалъ мягко въ зеленыхъ войлочныхъ туфляхъ. Ему жарко. Капельки пота блестятъ на жирномъ отъ густо положеннаго грима лицѣ. И алебарду держитъ, и Ольгѣ руки цѣлуетъ.

— Вотъ оно какъ, Ольга Дмитріевна!. Вернулись уже?

— Одна вернулась. Онъ — тамъ.

Клочко отмахнулся отъ своихъ усовъ. Нелѣпо моргалъ глазами. Съ Ольгой что-то случилось, и, если онъ нуженъ Ольгѣ прикажетъ она, — онъ начнетъ крушить все вокругъ своимъ жестянымъ оружіемъ.

— Гнусность какая-нибудь, Оленька, съ его стороны?!. Скажите, — своими руками задушу!

— Богъ съ вами, Владиміръ Федоровичъ! Я къ вамъ за помощью пришла, а вы... задушить! Просто не будетъ этой свадьбы. Вообще никакой свадьбы не будетъ. Объ этомъ надо папѣ сказать. Вы скажете.

Выраженія лица Клочко не понять. У него упорная мысль о какой-то винѣ Старогорскаго передъ Ольгой. У него — и ревнивая радость: Ольга не станетъ женой «холенаго мужчинки», разыгрывающаго изъ себя «благодѣтеля».

— Я?! Я адмиралу долженъ сказать?! Но что же я ему скажу, Оленька?!

— Придумаемъ что-нибудь вмѣстѣ, Владиміръ Федоровичъ. Я ничего не знаю.

— Придумывать? Ну, давайте придумывать. Опытъ въ этомъ направленіи у насъ съ вами, отставныхъ жениха и невѣсты, уже имѣется! Объявимъ адмиралу, что вы внезапно разлюбили господина Старогорскаго ..

Ольга посмотрѣла на него съ укоромъ

— Недобрый вы, Владиміръ Федоровичъ! Зачѣмъ вспоминать! Васъ я, повѣрьте, никогда не любила. А его полюбила и люблю. Какую я папѣ правду скажу? Я сама не знаю, гдѣ правда!

— Ну въ такомъ случаѣ и я съ адмираломъ пока не разговорщикъ! Эхъ, Оленька! Надѣюсь, этотъ фендрикъ еще въ свою Америку не смылся?!

— Что за тонъ, Владиміръ Федоровичъ?!

— Нормальный тонъ! Я не знаю, вы не знаете, онъ не знаетъ!.. Кто нибудь долженъ знать! Нѣтъ! Пусть господинъ Старогорскій свою игру напрямки играетъ! А осадить его — въ ноль минутъ, въ ноль секундъ!..

Вертлявый и охрипшій помощникъ режиссера пронесся мимо:

— Ирландцамъ, стражѣ, свитѣ Изольды — къ выходу!

Клочко раздраженно рванулъ себя за бортъ камзольчика.

— Анафемство! Вырядился дуракомъ, и не уйдешь: на ключъ подлецы одежду заперли!

— Идите, идите, Владиміръ Федоровичъ! Я думала...

— Думали, Оленька, уступилъ васъ безъ спора, такъ позволю ему безнаказанно вытворять, что вздумается, и дальше?! Вы молчите, такъ пусть онъ мнѣ правду подастъ! Завтра же къ нему пожалую. Не отвертится!

Помощникъ режиссера разсерженнымъ пѣтушкомъ подскочилъ къ Клочко, грозилъ штрафомъ: ни франка не получите! Владиміръ Федоровичъ безпомощно выругался по-русски и, взявъ алебарду на перевѣсъ, побѣжалъ вслѣдъ за другими алебардщиками.

Въ корридорѣ Ольга встрѣтила явно поджидавшаго ее Страницкаго. Онъ молча, пропуская Ольгу впередъ, повелъ ее обратной дорогой. Почтительно раскланялся.

XVIII

Въ вестибюлѣ театра Ольгу ждалъ Вожель. Именно ждалъ, объяснилъ съ улыбкой: онъ видѣлъ, какъ она прошла за кулисы съ какимъ-то господиномъ во фракѣ.

— Развѣ не такъ? Догадался, что вы хотѣли видѣть «милягу», и въ театрѣ не останетесь. Мой разсчетъ былъ вѣренъ.

Вотъ онъ — ея поводырь, особенно нужный теперь, когда Владиміръ Федоровичъ забралъ себѣ въ голову невозможное. Нельзя придумать большей нелѣпости, чѣмъ объясненіе Клочко съ Алексѣемъ. Вожель одинъ, пожалуй, сможетъ удержать Владиміра Федоровича отъ этого.

Вожель видитъ состояніе Ольги и далекъ отъ того, чтобы это скрывать. Онъ тоже чувствуетъ себя поводыремъ для нея, не боится быть навязчивымъ, спрашиваетъ, заглядывая изъ-подъ широкополой шляпы ей въ глаза:

— Зачѣмъ вы къ нему ходили! Не надо было ходить! Правда, вѣдь не надо было?!

— Не надо. Онъ рѣшилъ требовать отъ Старогорскаго объясненій.

— И больше ничего?! Тогда успокойтесь, мадемуазель. Этого не будетъ. Вы понимаете, я говорю вамъ: этого не будетъ. И больше ни слова о «милягѣ»! Положитесь на меня... Какъ хорошо, что вы пришли въ театръ. И еще лучше, что вы уже ушли изъ театра, не остались дослушивать издѣвательство Вагнера надъ Тристаномъ и Изольдой. Создать солнце и начать замазывать его свѣтъ черной краской! Вагнера надо было по головѣ стукнуть, лишить способности написать хоть ноту, когда онъ закончилъ первый актъ «Тристана». Всѣ другіе акты — мракобѣсіе, убійственная дань мракобѣсамъ католическаго средневѣковья. Чудесную, солнечную легенду древнихъ кельтовъ они умертвить не могли, она была слишкомъ живуча, такъ они прилѣпили къ ней злющій, «назидательный» конецъ! А публика слушаетъ и восхищается! Чѣмъ восхищается? Развѣнчаніемъ чуда?! Вы со мной не согласны, мадемуазель?

Съ Вожелемъ можно говорить о чудесной линіи-силѣ на рукѣ Алексѣя, говоря о волшебномъ напиткѣ любви въ кубкѣ Тристана и Изольды. И Ольга говоритъ:

— Зачѣмъ любовь-чудо, когда можетъ быть просто любовь? Если Вагнеръ, какъ и въ легендѣ, караетъ Тристана и Изольду, онъ правъ. Они пили изъ кубка обмана. Въ ихъ чувствѣ другъ къ другу

-- насильное, навязанное, и уже по одному этому ихъ любовь не можетъ торжествовать!

Вожель зажалъ уши руками, у него свалилась шляпа, поймалъ шляпу, размахивалъ ею.

— Идите обратно въ театръ, мадемуазель, и наслаждайтесь, какъ палачъ Вагнеръ заставляетъ Тристана и Изольду расплачиваться за то, что вы называете насиліемъ кубка ихъ любви! Поражайтесь глубиной нудныхъ — каждая на три четверти часа -- аріи трагическаго умиранія! Любуйтесь страданіями! Вы будете вполнѣ удовлетворены при видѣ того, какъ режиссеръ растянулъ умирающаго Тристана на полу и заставляетъ его пѣть въ такой позѣ. Чѣмъ провинился передъ нами напитокъ любви, напитокъ чуда, забытый теперь людьми?! Навязанное?! А ваша «просто любовь» не навязанное?! Будьте логичны, мудемуазель. Противьтесь власти всякой любви, потому что она — любовь Тристана и Изольды въ миніатюрѣ, потому что каждая пара влюбленныхъ незримо пьетъ изъ того же кубка съ напиткомъ властнымъ, подчиняющимъ! Вы говорите: кубокъ — насиліе, потому что онъ даритъ любовью? Почему же тогда не признать логику и самоубійцъ, когда они проклинаютъ матерей, подарившихъ имъ жизнь?! Жизнь вѣдь тоже подарена каждому изъ насъ насильно, непрошенно. Развѣ не такъ! Не называйте насиліемъ жизнь и любовь! Благословляйте ихъ чудесную «навязанность»! Если бы я могъ создать такой волшебный напитокъ любви, я исходилъ бы всю землю и влилъ бы его во всѣ рѣки, всѣ источники и колодцы. Пусть пьютъ его люди и загораются любовью, подобно любви Тристана и Изольды! И отъ моего напитка только умножилась бы ваша «просто любовь», малый обманъ сталъ бы великимъ, всепобѣждающимъ обманомъ, полнотой полузабытой людьми древней — древняя и есть молодая — любви. Уффъ!..

Вожель остановился около небольшого кафе.

-- Не откажите зайти сюда со мной, мадемуазель.

— Зайдемте.

Куда завелъ Ольгу ея поводырь? Въ его торопливыхъ, задыхающихся словахъ -- отвѣты на мучительный для нея вопросъ. Каждая его фраза — гимнъ властной чертѣ-силѣ на рукѣ Леля. Часов-

щикъ не просто оправдываетъ эту силу, онъ превозноситъ ее передъ обыкновенной человѣческой любовью. Но убѣждаетъ ли?

Нѣтъ. Будь у часовщика съ такими теплыми глазами и съ женственной улыбкой другая манера говорить, будь его слова логикой, цѣпью спокойныхъ доводовъ, Ольга возражала бы ему доводами иной, своей логики. Она спорила бы. Вожель съ его увлеченіемъ поэта, пе убѣдивъ ни въ чемъ, отнялъ все-таки желаніе протестовать, оспаривать его образы. Мысль Ольги устала. Ей хочется, чтобы часовщикъ былъ правъ. Ольга не станетъ спорить съ Вожелемъ. Если бы только она могла заразиться его вѣрой.

Вожель налилъ Ольгѣ и себѣ по стакану краснаго вина съ водою. Долго молча смотрѣлъ на Ольгу, сдерживалъ улыбку. Потомъ сказалъ:

— Теперь вы меня немного знаете, мадемуазель. Сколько пороха изъ-за опернаго сюжета! Вы только не подумайте, что «Тристанъ» заставилъ меня забыть о васъ. «Милягу» — не безпокойтесь — я возьму въ руки. Онъ не надѣлаетъ глупостей. Ну а вы?.. какъ мнѣ быть съ вами, мадемуазель? Вы только-что протестовали противъ навязчиваго. Вотъ я и боюсь теперь... навязчивая симпатія ничуть не лучше «навязчивой любви», которую вы сейчасъ осудили. За ваше счастье, мадемуазель!

Вожель поднялъ свой бокалъ, чокнулся съ Ольгой.

— Вы устали, мадемуазель? Усталость — плохой совѣтчикъ. Вамъ всего лучше поспать.

— Да. Лучше всего спать.

Вожель обѣщалъ Ольгѣ успокоить ее по-утру насчетъ Владиміра Федоровича: никуда «миляга» не поѣхалъ, а изъ ирландскаго стража превращается въ гугенота для новой оперной постановки. Ольга дала ему свой адресъ и они разстались.

Рано утромъ, едва разсвѣло, художницу и Ольгу разбудилъ стукъ въ двери ихъ комнаты. Ольга узнала голосъ Вожеля, поспѣшно одѣлась и вышла къ нему въ корридоръ. У часовщика растерянный видъ. Онъ совсѣмъ скомкалъ въ нервныхъ рукахъ свою шляпу, говоритъ съ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Глупѣйшая увѣренность, мадемуазель! Ничто такъ не подводитъ человѣка какъ такая нелѣпая увѣренность. Думается одно, а жизнь поступаетъ по своему. Я невольно виноватъ передъ вами, мадемуазель! Обѣщалъ и не сдержалъ обѣщанія. «Миляга» уѣхалъ въ Нюизо съ ночнымъ поѣздомъ!

Ольга спокойнѣе разстроеннаго Вожеля. Ей даже жалко его, хочется его успокоить:

— Вы не сумѣли уговорить его? Это трудно, когда онъ вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову.

— Да, нѣтъ же, мадемуазель! Вы меня не знаете! Я бы повисъ у него на ногѣ, какъ терьеръ, и не далъ бы шагу ступить, если не помогаютъ убѣжденія! Я вѣдь обѣщалъ вамъ! Но кто могъ подумать, что онъ отправится на вокзалъ, даже не заходя домой. Такъ и не вернулся, а послалъ мнѣ записку съ вокзала. Надо же было мнѣ не подумать о такой возможности. Слѣдующій поѣздъ, скорый, черезъ пять часовъ, но онъ обгоняетъ ночной чуть ли не подъ Парижемъ. Вы возьмете у меня деньги на автомобиль, мадемуазель!

— Что вы придумали! Ни въ какомъ случаѣ, м-сье Вожель!

— Почему? Вѣдь я одинъ во всемъ виноватъ. Вы мнѣ довѣрились, а я такъ глупо проморгалъ «милягу». Хорошо, хорошо!.. Вы не берете у меня ни су, но вы ѣдете вмѣстѣ со мной, мадемуазель, потому что я все равно ѣду. Я долженъ ѣхать. Только и вы ѣдете вмѣстѣ со мной, иначе я опять въ чемъ-нибудь промахнусь! Вы вѣдь поѣдете со мной, мадемуазель?!

Часовщикъ смотрѣлъ на Ольгу такъ умоляюще, лепеталъ съ такимъ искреннимъ дѣтскимъ отчаяніемъ, — и Ольга не раздумывала.

— Хорошо, поѣдемъ.

— Теперь все въ порядкѣ, мадемуазель! Вотъ чудесно-то! Спѣши, спѣши «миляга» на своемъ тихоходѣ, — все равно мы будемъ въ Нюизо раньше! Вамъ не случалось ѣздить этой дорогой, мадемуазель? Чудесно! И побережье, и берега Роны... Тащите ваши вещи, мадемуазель. Не стоитъ терять времени!

Художница давно перестала удивляться, слѣдя за Ольгой. Вотъ изъ безразлично-вялой она стала

торопливо-рѣшительной. Собираетъ вещи въ свой небольшой чемоданъ и вмѣсто пустого вчерашняго «не знаю» въ отвѣтъ на любой вопросъ теперь бросаетъ увѣренно:

— Да. Уѣзжаю. Да. Совсѣмъ. Нѣтъ. Больше не вернусь. Да. Такъ и можете сказать хозяйкѣ.

Вовсе не увѣренность подсказываетъ Ольгѣ эти отвѣты. Она просто не можетъ больше вернуться къ вчерашнему дню, въ эту обстановку. «Не знаю» владѣетъ Ольгой еще прочнѣе, чѣмъ вчера.

Вожель легко дотащилъ чемоданъ Ольги до гаража. Гаражъ поблизости. У самого Вожеля нѣтъ ровно никакихъ вещей. Онъ шутитъ съ заспаннымъ шоферомъ, шутитъ съ Ольгой.

Въ гаражѣ имъ дали большую, мощную машину, передъ которой пигмей — «Фіатъ» Старогорскаго. И повадка у этого автомобиля другая: онъ идетъ ровнымъ, дѣловымъ ходомъ, наемникъ усердный, но равнодушный къ дорогѣ, къ тѣмъ ея первымъ десяткамъ километровъ, гдѣ «Фіатъ» жилъ подъ рукой его хозяина и былъ покоренъ желаніямъ-скоростямъ Ольги.

Мимо виллы-станціи машина прожужжала, какъ многіе сотни десятки другихъ машинъ за день. Ольга глубже ушла въ сидѣнье автомобиля и даже не взглянула въ сторону виллы, гдѣ уже проснулся адмиралъ.

Вожель, навѣрное, неутомимѣйшій изъ всѣхъ говоруновъ на свѣтѣ: онъ все время говоритъ о чемъ-нибудь, увлекаясь и безъ обиды на то, что Ольга его плохо слушаетъ. У Вожеля — тысячи темъ, а о цѣли поѣздки онъ словно и позабылъ: объ Ольгѣ, о Старогорскомъ, о «милягѣ»—ни слова.

Ольга прислушивается къ словамъ часовщика, но не къ сегодняшнимъ, а къ вчерашнимъ. Болтовня Вожеля, его живыя интонаціи помогаютъ вспомнить то одно, то другое изъ его гимна любви Тристана и Изольды. Мысль Ольги безотчетно связываетъ образы Вожеля съ ея собственными образами, но эта работа мысли безплодна, она никуда не ведетъ, ничего не объясняетъ. Передъ Ольгой проходятъ живыя зрительныя представленія, яркія своей реальностью, но не способныя тронуть, взволновать, разсыпаясь десятками мелочныхъ деталей.

Картины смѣняются одна другой, сплетаются, уходятъ, не потревоживъ, и рождаются, не рождая волненія, какъ ни похожи они на правду. Не думать о себѣ и объ Алексѣѣ Ольга не можетъ, а думать иначе, значитъ, спросить себя: зачѣмъ она ѣдетъ въ Нюизо? Ольга безсознательно гонитъ отъ себя этотъ вопросъ.

Поломка автомобиля въ дорогѣ. Шоферъ заявилъ, что ему нужно время для ремонта. Запасная рессора есть, и онъ постарается не задержаться. Въ Нюизо они не опоздаютъ.

Ольга одна сидитъ на горячемъ камнѣ поодаль отъ дороги. Вожель возится, стоя колѣномъ въ дорожной пыли, помогаетъ шоферу. Нервно визжитъ напильникъ въ рукахъ часовщика. Машина и до сихъ поръ шла медленнѣе, чѣмъ хотѣлось бы Вожелю, а задержка выводитъ его изъ равновѣсія. Они должны наверстать потерянное время, во что бы то ни стало.

Снова ровно гудитъ машина. Вожель уже не болтаетъ весело, какъ болталъ весь день. Его шутки скрываютъ волненіе:

— Сапожникъ всегда безъ сапогъ, у часовщика, конечно, нѣтъ въ заводѣ часовъ. Я беру вашу руку, мадемуазель, въ свое распоряженіе!

Онъ то и дѣло безцеремонно хватаетъ Ольгу за руку, слѣдя за убѣгающими минутами и за слишкомъ долгими для его нетерпѣнія километрами дороги. Иногда онъ справляется и съ расписаніемъ поѣздовъ, возмущаясь тѣмъ, какъ сильно опередилъ ихъ «миляга».

Часы на рукѣ Ольги и желѣзнодорожный путеводитель въ карманѣ Вожеля сказали ему, что они могли бы, пожалуй, настигнуть поѣздъ за три станціи до Нюизо, тамъ гдѣ шоссе подходитъ къ самой желѣзнодорожной линіи. Шоферъ увеличилъ скорость. Разсчетъ былъ правильнымъ. Автомобиль подошелъ къ зданію станціи, когда поѣздъ еще стоялъ на ней.

— Скорѣй! Скорѣй дальше!—торопилъ Вожель.

Дальше шоссе дѣлало большой зигзагъ — потеря добраго часа — а желѣзнодорожное полотно, прорывъ холмы, вело къ Нюизо по прямой. Вожель проклинаетъ эту прямую и ея ровный уклонъ: на

этомъ перегонѣ и товарные поѣзда развиваютъ такую же скорость, какъ курьерскій

Чѣмъ ближе къ Нюизо. тѣмъ меньше надежды перехватить «милягу» на вокзалѣ, о чемъ мечталъ Вожель Теперь у него другіе разсчеты-вопросы: ловить ли Клочко по дорогѣ со станціи въ городокъ или по дорогѣ изъ городка въ «Старыя Горы»? Они такъ запаздываютъ, что промахнуться можно при любомъ рѣшеніи; Вожель тормошитъ Ольгу.

— Вы-то какъ думаете, мадемуазель?! Только не въ самомъ Нюизо. Нельзя же остановиться противъ аптеки и собрать вокругъ себя весь городишко! Проскочить его — пустяки, проскочимъ, но въ какую сторону проскочить? Вы-то какъ считаете, мадемуазель?!

Настойчиво растерянные вопросы Вожеля предсказываютъ конецъ дороги, которая для Ольги, какъ и ея дорожныя мысли, не вела никуда и не имѣла конца. Вопросы Вожеля заставляютъ взвѣшивать и рѣшать, зовутъ къ дѣйствію, дѣлаютъ Ольгу участницей близкихъ событій. Эти событія— чувствуетъ Ольга — должны быть мелочны и нелѣпы, потому что въ нихъ все зависѣло и зависитъ отъ вздорныхъ подозрѣній Владиміра Федоровича. И все-таки надо торопить шофера, надо убѣждать Владиміра Федоровича въ томъ, что у него нѣтъ «права» дѣлать допросъ Алексѣю, надо дѣйствовать и говорить, хотя нѣтъ ни словъ, ни способности шевельнуться.

Ольга молчитъ. Будь, что будетъ.

При въѣздѣ въ Нюизо Вожель въ послѣдній разъ справился съ часиками на рукѣ Ольги. Поѣздъ прибылъ уже часъ назадъ. Если бы «миляга» зналъ дорогу, онъ уже былъ бы въ «Старыхъ Горахъ». Но по разсказамъ часовщика онъ знаетъ, что въ домъ Старогорскаго надо итти черезъ городокъ. Онъ могъ останавливаться, сбиться съ правильной дороги въ улицахъ Нюизо,—его еще можно переловить между городкомъ и «Старыми Горами».

Вожель заставилъ шофера свернуть въ глухую улочку, въ объѣздъ центру Нюизо, гдѣ домъ нотаріуса. Машина вынуждена убавить ходъ. Улочка вымощена крупнымъ плитнякомъ, бросаетъ, укачиваетъ машину. Повернули, выѣхали на мягкую полевую дорогу, ведущую къ «Старымъ Горамъ». Вожель

поднялся во весь ростъ, взглядомъ искалъ впереди фигуру «миляги» По дорогѣ на самомъ дѣлѣ шелъ кто-то, но низкое, закатное солнце слѣпило глаза, мѣшало разсмотрѣть, «миляга» ли.

— Онъ! Долженъ быть онъ!

Шоферъ прибавилъ ходу и, не понимая Вожеля, который безъ словъ трясъ его за плечо, остановилъ машину, когда поровнялся съ пѣшеходомъ. Это—нотаріусъ Мулино, удивленный, дѣтски обрадованный Вожелю и дочери. За дочь онъ принялъ Ольгу.

Старикъ не успѣлъ удержать радостный жестъ, но слова растерялъ отъ новаго, еще большаго, удивленія и волненія:

— Вотъ... гуляю. Добрый вечеръ, мадемуазель! Неожиданность, Эмиль!.. Изъ Ниццы, Эмиль?.. А мнѣ показалось, Жанночка! Сегодня, думаю, письмо отъ нея было, и вдругъ сама—сегодня же...

Къ Вожелю вернулась способность рѣчи. Его непосредственность перескакиваетъ черезъ слова привѣтствія старику, черезъ объясненія, зачѣмъ онъ здѣсь въ автомобилѣ вмѣстѣ съ невѣстой Старогорскаго.

— Вамъ никто не попался по дорогѣ, м-сье Мулино? Человѣкъ такой, плотный мужчина, моихъ лѣтъ?.. Нѣтъ? Въ сѣромъ костюмѣ? Онъ долженъ былъ итти съ поѣзда туда, въ домъ?..

— Никого не было, Эмиль. Совершенно никого. Я больше часа гуляю, и никого.

Вожель обрадованъ:

— Мы обогнали его, мадемуазель! Поворачивай, поворачивай! Какъ удачно, что вы намъ попались по дорогѣ, м-сье Мулино!

Машина повернула. Изумленный нотаріусъ остался на дорогѣ, а Вожель всматривался уже въ обратную сторону, туда, гдѣ изъ улицы Нюизо долженъ былъ появиться запоздавшій «миляга».

— Теперь ему не миновать насъ, мадемуазель!

Не доѣзжая до городка остановили машину.

— Дальше нельзя! Здѣшній прошелъ бы только одной дорогой, мимо кузнеца, а «миляга»... узнай, гдѣ онъ пройдетъ?.. зачѣмъ намъ попался м-сье Мулино! Вы меня простите, мадемуазель!..

Ольга ждала безучастно. Владиміръ Федоровичъ не появляется, а старикъ-нотаріусъ вновь под-

ходилъ къ нимъ, хотя онъ старательно не мѣняетъ медленнаго шага прогулки. Вожель терзаетъ самъ себя:

— Поговорить, не поговорить съ нимъ, мадемуазель? Я придумаю, что ему сказать. Онъ — чуткій старикъ, мадемуазель. Я придумаю,

Вожель соскочилъ съ автомобиля и почти побѣжалъ навстрѣчу Мулино. Ольга сидѣла и слушала въ себѣ только одно — близость Алексѣя, близость «Старыхъ Горъ», которыя онъ называлъ ея домомъ.

— Тутъ — Лель, тутъ — «Старыя Горы», тутъ, рядомъ!..

Нотаріусъ не остановился, прошелъ мимо. Вожель подошелъ къ Ольгѣ подавленный. Сказалъ:

— Онъ уѣхалъ, мадемуазель!

— Клочко?

— «Миляга» навѣрное узналъ объ его отъѣздѣ на станціи. Утромъ уѣхала ваша подруга, а днемъ на автомобилѣ онъ, Старогорскій. Мулино говоритъ, что знаетъ навѣрное: онъ уѣхалъ въ Парижъ и дальше, въ Америку... Я вѣрилъ въ другое, мадемуазель!.. Какъ же мы теперь мадемуазель?!

У Вожеля нѣтъ и мысли протестовать противъ рѣшеній Ольги: онъ довезетъ ее до какой-нибудь гостинницы, тамъ они разстанутся, — и все. Она должна быть одна. Ни искать ее утромъ, ни провожать обратно въ Ниццу не нужно.

...Совсѣмъ стемнѣло, когда Ольга вышла изъ отельчика. По пустыннымъ улицамъ, по подзвѣздной дорогѣ она пошла въ «Старыя Горы». Дядя Гильомъ не можетъ ей отказать: она только помолится въ домѣ Старогорскаго. Только помолится!

Садовая калитка открыта. Ольга обошла домъ и постучалась въ окно комнатушки дяди Гильома. Постучалась еще разъ, настойчивѣе. Не отвѣчаетъ. Навѣрное, дядя Гильомъ и не ночуетъ дома. Сегодня вѣдь его первая ночь безъ хозяевъ.

...почему у нея не желѣзныя руки! Почему она не можетъ сломать замокъ, какъ ломаютъ воры, и украсть драгоцѣнность-молитву, безъ которой не можетъ, не знаетъ, какъ жить!..

Ольга рветъ дверь въ комнатушку дяди Гильома, — не поддается. Идетъ къ другой двери, — заперта. Дребезжитъ, но отказывается уступить Ольгѣ

и стеклянная дверь на терассѣ. Ольга бѣжитъ къ парадному крыльцу, къ той тяжелой двери, что недавно не хотѣла выпустить ее изъ «Старыхъ Горъ». Она будетъ умолять эту дверь, она сломитъ ея сопротивленіе, вырветъ у нея согласіе... войти!.. помолиться!..

Добѣжала до парадняго крыльца, въ темнотѣ йскала и не нашла сопротивленія... Дверь была отперта..

XIX

Старичку-доктору, который по провинціальной старинкѣ шутливо называетъ себя эскулапомъ, не пришлось много тревожить свою раскормленную лошадь, навѣщая больного въ «Старыхъ Горахъ». Послѣ перваго утренняго визита докторъ заѣхалъ въ тотъ же день подъ-вечеръ. Узналъ, что больной спитъ, долго и серьезно объяснялъ Кэтъ, что паціента всего лучше поменьше тревожить, и обѣщалъ пріѣхать завтра утромъ.

На другой день кругленькій докторъ бесѣдовалъ съ Алексѣемъ въ саду, шутилъ:

— Богиня Аврора для васъ лучшая цѣлительница, чѣмъ служитель скромнаго божка Эскулапа, какъ я. Тѣмъ пріятнѣе для эскулаповъ! Отбросимъ фармакопею аптекъ, обратимся къ болѣе пріятной фармакопеѣ амфитріоновъ: къ доброй маркѣ вина, къ доброй маркѣ сигары. Я не изъ тѣхъ врачей, которые рекомендуютъ стариковскую умѣренность тридцатилѣтнимъ паціентамъ. Вооружать противъ себя винодѣловъ и держателей bureau de tabac стоитъ, только имѣя дѣло съ паціентомъ, который по своему возрасту... хе-хе!.. не обѣщаетъ долго поддерживать ихъ торговлю. М-сье не скоро попадаетъ въ число непремѣнныхъ данниковъ умѣренности! Во вчерашнемъ пустячкѣ, надо полагать, больше молодости, чѣмъ болѣзни?.. Не правда ли?

Алексѣй поблагодарилъ доктора, отвѣтилъ, что онъ чувствуетъ себя превосходно.

— Безусловно. Достаточно одного взгляда на м-сье. Только раціональный режимъ и долой латинскую кухню. Намъ съ вами вѣдь не повредятъ холодныя обтираньица. Не такъ ли? Не кажется ли м-сье, что и лишній часокъ сна на нѣкоторое время

былъ бы только пріятенъ? Едва ли м-сье возразитъ и противъ того, что умѣренность работы мысли — лучшая изъ умѣренностей. Наконецъ м-сье согласится со мной, что въ тридцать лѣтъ все — въ будущемъ А разъ такъ, то не лучше ли поменьше оглядываться назадъ? Во всякомъ случаѣ, не врачу рекомендовать м-сье иной взглядъ на прошлое и будущее. Пріятнаго аппетита, м-сье! Аппетита къ пріятному въ жизни! Я не удивлюсь, если съ легкой руки м сье увижу сейчасъ пляшущимъ своего стараго паціента-паралитика. Ѣду скорѣй въ этомъ убѣдиться. Добрый день, м сье!

Докторъ уѣхалъ. Алексѣй проводилъ его до экипажа, вернулся въ садъ. Сидѣлъ въ саду и дымилъ взятой у дяди Гильома дешевой, крѣпкой сигаретой. А Кэтъ, спрятавшись за портьерой, наблюдала за Старогорскимъ: здоровъ? успокоился? нужна я около него или уѣхать? Смотрѣла и не могла рѣшить. Лицо Алексѣя изводитъ ее своимъ спокойствіемъ и въ то же время тревожитъ больше, чѣмъ вчерашній обморокъ. Кэтъ говоритъ себѣ, что обморокъ былъ естественнѣе, чѣмъ это «дикое спокойствіе» Старогорскаго. Обморокъ подсказывалъ ей, что надо дѣлать, и она дѣлала нужное, умѣстное, разумное. Молчаливое спокойствіе Старогорскаго не подсказываетъ ей ничего, ничего отъ нея не требуетъ, и это дѣлаетъ Кэтъ безпомощной.

Кэтъ отлично знаетъ, что Старогорскій не сталъ бы теперь ее удерживать въ своей усадьбѣ, какъ удерживалъ до сихъ поръ, но она легче дастъ отрубить себѣ руку, чѣмъ намекнетъ о своемъ желаніи уѣхать.

Весь день Кэтъ ждала, что Старогорскій предложитъ ей уѣхать. Онъ и не подумалъ. Ушелъ гулять въ поле надолго. За обѣдомъ говорилъ о гигантскихъ плотинахъ на Миссисипи и о строеніи ледяныхъ горъ въ Атлантическомъ океанѣ. Говорилъ, опять пугая Кэтъ нормальностью. Въ отвѣтъ на намекъ дяди Гильома заказалъ купить марли на окна въ свою спальню и въ спальню Кэтъ.

— Самыя жары еще только начинаются. А мошкара здѣшняя дѣйствительно злая!

Значитъ, онъ и не думаетъ, что Кэтъ собирается уѣхать. А марлю для спальни Ольги не заказалъ,—значитъ, не ждетъ, что она вернется.

Дни проходили, а Ольга не присылала свой адресъ, какъ обѣщала. Кэтъ готова ее возненавидѣть за это. Съ письмомъ или съ телеграммой отъ Ольги въ рукахъ она легко заговорила бы со Старогорскимъ объ Ольгѣ, о своемъ отъѣздѣ. О томъ, что съ Ольгой могло что-нибудь случиться, Кэтъ не думала:

— Ничего не случилось! Сидитъ гдѣ-нибудь такимъ же истуканомъ, какъ и этотъ, изводитъ отца или Владиміра Федоровича. Возмущаетъ!

Такъ себѣ говорила, но въ глубинѣ души знала, что ни Ольга, ни Старогорскій для нея не «истуканы», цѣнила что-то въ ихъ молчаніи: такъ бы и она сама поступала на ихъ мѣстѣ.

Большую часть дня Кэтъ проводила за рояломъ, но играла только днемъ, рѣшивъ, что ни она, ни Старогорскій не выдержатъ вечерней музыки Кэтъ знала, что Алексѣй слушаетъ ее изъ сада, потому что не разъ за столомъ онъ спрашивалъ, что именно она сегодня играла. Спроситъ и удовлетворится ея короткимъ отвѣтомъ.

Черезъ нѣсколько дней Кэтъ стало казаться, что съ отъѣзда Ольги прошла вѣчность, а впереди — такая же вѣчность изъ такихъ же изводящихъ дней. Тягучее для Кэтъ, выматывающее ея душу, время остановилось для Алексѣя. Волчекъ времени не вертится, не жужжитъ. Нѣтъ времени. И ничего вокругъ нѣтъ. Только мысль. Мысль эту не прерываетъ, не измѣняетъ сонъ по ночамъ, ее не спугиваютъ ни люди,—Кэтъ, докторъ, дядя Гильомъ — ни самъ онъ, продолжая внѣшне быть спокойно-прежнимъ. Мысль-нить подчинила себѣ Алексѣя, ведетъ его по темному лабиринту, побѣждая паутину-путаницу его путей, безвыходную, если нѣтъ такой нити. Ушла Елонька, но нить, къ ней ведущую, оставила: единственный путь къ любимой – отъ себя, отъ своего отказаться, по-елонькиному думать, по-елонькиному вѣрить!

Само чудо ея вѣры нужно Алексѣю. Сама вѣра ея нужна. Пусть вчера еще ему казалось, что Ольга пьетъ изъ отравленнаго источника, — теперь онъ самъ жадно склонился къ этому источнику, самъ пьетъ изъ него... исцѣленіе. Пусть вчера еще разумъ не находилъ оправданія ея вѣрѣ, мѣшав-

шей ихъ возможному счастью,—безъ удивленія во вчерашней помѣхѣ теперь онъ видитъ... спасеніе.

Порви онъ нить - вѣру, общую съ Ольгой, онъ сталъ бы потеряннымъ, нищимъ. Его вчерашній міръ, чуда не принимавшій, кажется теперь Алексѣю бездорожьемъ, потому что онъ не ведетъ къ любимой. Не ведетъ къ ея боли, значитъ не можетъ вести и къ ея радости. Одна къ любимой дорога, это—нить во тьмѣ, узкій путь, въ концѣ котораго радость ихъ непремѣнной любви!

Путь Мой узокъ... Откуда это? Изъ Евангелія. Слова Христа. По-новому Алексѣй вслушивается въ эти слова, зная, что не можетъ теперь быть на путяхъ его мысли словъ, не подсказанныхъ путеводной нитью вѣрой. Не могло быть иначе. Не могъ онъ не прійти къ мысли о Христѣ,—въ Христа вѣритъ Елонька!

Когда дни любви были солнечны, онъ восхищался «красотой» елонькиной вѣры въ Христа, самъ не заражаясь этой вѣрой. Такъ любуются миражемъ въ пустынѣ, не считая его за дѣйствительность. Теперь Алексѣй знаетъ другое: не красота, а правда въ вѣрѣ любимой, и самъ онъ подошелъ къ этой правдѣ съ дѣтской увѣренностью.

... дѣтской... будьте, какъ дѣти!..

Дальше, дальше ведетъ та же нить во тьмѣ. Еще Христовы слова. Христовы и елонькины. Она словно предсказала ему дѣтство впереди. Онъ теперь «впадаетъ въ дѣтство», возращается къ алешенькиной вѣрѣ далекихъ лѣтъ: Христосъ подаетъ ему Руку, и онъ идетъ по водѣ вѣритъ!.. Какъ же ему не вѣрить, если тьма вокругъ отняла прежнюю солнечную слѣпоту, и во тьмѣ безъ любимой онъ видитъ только Христомъ поданную Руку! Вернись теперь Ольга и спроси — вѣруешь? — Онъ бы уже не отвѣтилъ ей, какъ тогда отвѣчалъ: не знаю. Нить въ его рукахъ, и онъ знаетъ, что эта нить — Христовъ-елонькинъ «узкій путь», путь единственный!

Христосъ-Богъ и богъ-Лель? Вотъ она — мука Елоньки, страшная съ перваго ея дня въ «Старыхъ Горахъ» и страшнѣйшая въ ту, послѣднюю ночь! Любовь позвала ее къ отказу отъ самой себя, ради бога-Леля, любимаго и чужого...

Ужасъ имени «Лель» въ ночь, когда онъ поте-

рялъ Ольгу, вѣрнѣй, чѣмъ прежняя радость елонькиной ласки въ этомъ имени, ведетъ его къ ней черезъ тьму Ласковое имя усыпляло, страшное разбудило, и не нужно Алексѣю новаго сна, какимъ бы свѣтлымъ онъ ни казался. Онъ ближе къ Елонькѣ въ своемъ пробужденіи! Ему внятенъ ужасъ любимой передъ тѣмъ, что божески-сказочное посмѣло сплестись съ Божьимъ въ общей правдѣ жизни...

Но внятно ему и другое: Ольга больше, чѣмъ онъ, вернувшійся къ дѣтской вѣрѣ, заблудилась на ихъ общемъ трудномъ и узкомъ пути, гдѣ божеское соперничаетъ съ Божьимъ. Соперничаетъ ли?

Можетъ ли быть соперникъ у Божьяго! Развѣ не всѣмъ Божье владѣетъ, не все въ себѣ вмѣщаетъ! Развѣ не было пѣнья «Херувимской..» тайно образующе... въ страшномъ ночномъ мгновеньѣ, слившемъ дѣтскій сонъ Алешеньки и явь удушья отъ рукъ и груди Ольги. И развѣ не сонъ-молитва отвергъ тогда явь, не далъ совершиться тому, что —знаетъ Алексѣй—умертвило бы ихъ любовь!

Не самъ онъ тогда отвергъ Ольгу. Что-то, сильнѣе его, сломившее и его силы, преградило для Ольги путь къ ея же будущей мукѣ. Теперь эта сила владѣетъ всѣмъ Алексѣемъ, вошла въ его мысль, стала его волей. Позови его Ольга къ тому же, къ чему онъ звалъ ее до той ночи, къ простой человѣческой любви, онъ самъ первый сказалъ бы любимой: — Не надо! Нельзя! Нельзя назадъ!

Конечно, онъ меньше, чѣмъ бѣдная Елонька, заблудился. Онъ знаетъ, что многолика его новая чудесная правда, и есть примиреніе Христа-Бога и бога-Леля гдѣ-то въ концѣ ихъ труднаго пути. Къ примиренію этому и должна, должна привести нить его вернувшейся дѣтской вѣры. Неуклонно ведетъ мысль-нить Алексѣя, возвращаетъ его къ тому, что онъ считалъ невозвратимымъ. Понявъ любимую, ея вѣрой повѣривъ, онъ вернулъ себѣ и мать, потому что въ елонькиномъ—материнское.

Какъ и для Ольги, мать теперь жива для Алексѣя. Съ ней можно говорить, спрашивать у нея совѣта, стоитъ лишь мыслью обратиться къ ней. Теперь она слышитъ Алексѣя, и Алексѣй ее слышитъ. Когда въ залѣ играетъ на роялѣ Кэтъ, Алексѣй изъ сада слушаетъ музыку матери, вторитъ

ей мысленно. Матери онъ говоритъ о томъ, что нашелъ теперь «тропинку къ Христу», идетъ по ней. И ласкова отвѣтная музыка матери.

Алексѣй едва вѣритъ своей памяти, когда думаетъ: — Неужели же столько лѣтъ я считалъ мать чужимъ себѣ человѣкомъ и, даже прочитавъ ея письмо, повторилъ себѣ это?!

Теперь ему такъ просто въ себѣ самомъ находить материнское, понимать мать по-новому углубленно въ каждомъ ея словѣ: въ обрывкѣ ли оживленнаго памятью дѣтскаго разговора съ матерью, въ надѣленныхъ ли свѣтлымъ неожиданнымъ смысломъ строкахъ ея какъ-будто сухихъ и скупыхъ писемъ.

Алексѣй не лжетъ себѣ думая: — Какъ могъ я не замѣчать до сихъ поръ, что на отца я всегда смотрѣлъ глазами матери, любилъ и люблю его по-матерински... покровительственно, съ ласковой снисходительностью, какъ любятъ дѣтей-баловней.

Въ дѣтскіе годы на языкѣ Алеши онъ и мать сливались въ «мы», это было равенство сына и матери. Для отца было «мы съ папой», и тутъ уже сынъ былъ первымъ, а отецъ вторымъ, словно именно Алешенька бралъ отца съ собою кататься верхомъ или стрѣлять за гумномъ и сѣновалами воронъ изъ монтекристо. Такъ было въ дѣтствѣ, такъ было бы и теперь, если бы живымъ сошелъ съ портрета старикъ-камергеръ, конечно готовый во всемъ подчиниться ему, молодому своей безпомощно-ласковой мыслью: Да, да, Алешенька!

Нѣтъ напрасныхъ поворотовъ у нити-мысли, ведущей Алексѣя. Какъ ни извилистъ путь, каждый поворотъ неизбѣженъ: всѣ они - къ Елонькѣ, къ ихъ общей теперь правдѣ.

Въ бумагахъ отца Алексѣю попался старый англійскій журналъ. Въ журналѣ—снимки и планъ дома-котеджа, одинъ изъ первыхъ образцовъ входившей тогда въ моду комфортабельной архитектуры-модернъ. На планѣ – помѣтки рукой отца: отецъ явно хотѣлъ разрушить дѣдовскій домъ «Старыхъ Горъ» въ угоду комфорту этого котеджа. Мать же сберегла старый домъ даже здѣсь, гдѣ не кружитъ омутами и не плещетъ порогами Прядва, сберегла на чужой землѣ Россію.

И думается Алексѣю: Мать называла отца ху-

дожникомъ, поэтомъ, а онъ хотѣлъ уничтожить «Старыя Горы». Не поэтичность души матери, а другое, гораздо большее, подсказало ей бережность къ «Старымъ Горамъ». Не напрасно мать соединяетъ имя Бога съ именемъ Россіи, когда пишетъ о разоренномъ ею для воскрешенія во Франціи семейномъ гнѣздѣ Старогорскихъ.

Ведетъ нить. О Россіи и о Русскомъ думаетъ Алексѣй, слушая и мать и Елоньку одновременно. Новую силу и новый смыслъ видитъ онъ теперь въ томъ, что казалось ему только «милымъ» въ Ольгѣ, какъ вѣра ея казалась только «красотой». Алексѣй знаетъ теперь, почему съ перваго же вечера здѣсь, въ «Старыхъ Горахъ», онъ ушелъ мыслью отъ Нью-Іорка и безсознательно сталъ отодвигать свое возвращеніе туда. Знаетъ, что Русское въ Елонькѣ позвало его къ ней особенно властно. Много разъ онъ съ досадой говорилъ самому себѣ и Ольгѣ, что чувствуетъ себя пустымъ по сравненію съ ней. Это была досада на утрату, на блѣдность въ его душѣ Христа и Россіи.

— Горе тѣмъ, кто не холоденъ и не горячъ!

Англійскимъ текстомъ, обрывкомъ банальной проповѣди пастора американца на чьей-то свадьбѣ въ Нью-Іоркѣ, входятъ въ мысль Алексѣя эти Христовы слова. Но сердце слышитъ ихъ русскими, словно со старцемъ наставникомъ говоритъ онъ теперь о Родинѣ. Слова эти приговоръ ему недавнему, приговоръ «теплотѣ» его любованія дочерней любовью Ольги къ русскому Богу и къ Россіи. Теряетъ теперь силу этотъ приговоръ: Алексѣй уже не скупъ не только «теплъ» въ отвѣтъ на «горячее» у любимой.

Дни шли. Впередъ вела нить-вѣра, даря Алексѣя новымъ богатствомъ. Онъ не пустой теперь! Теперь у Елоньки не могло бы быть повода повторить ея прежній упрекъ: «Ты этого не понимаешь, Алешенька»... Онъ понялъ, онъ все теперь понимаетъ!

Каждый день Кэтъ отправляла дядю Гильома на почту, а онъ возвращался ни съ чѣмъ. Хромоногій морякъ и самъ ждалъ письма для м-сье отъ уѣхавшей мадемуазель, но теперь онъ уже больше ждетъ письма именно ради горбатенькой. Какого-нибудь письмишка, лишь бы не вернуться къ ней

съ пустыми руками и не видѣть, какъ она изводится. Наконецъ письмо пришло. Дядя Гильомъ торжественно передалъ письмо Кэтъ, хотя видѣлъ, что оно адресовано Старогорскому. На минуту преобразилась Кэтъ, увидѣвъ конвертъ въ рукахъ дяди Гильома, но письмо было не отъ Ольги, не создавало выхода для Кэтъ. Старогорскому писали изъ Нью-Іорка. Кэтъ все-таки не вернула письмо дядѣ Гильому, пошла въ кабинетъ къ Алексѣю сама, молча положила конвертъ на столикъ у дверей.

— Письмо вамъ!

Алексѣй вскочилъ, бросился къ письму. Въ первый разъ за эти дни Кэтъ могла прочитать лицо Старогорскаго: радость и надежду ...и внезапную боль разочарованія. Алексѣя словно по глазамъ хлестнули, — закрылъ глаза. Не сразу нашелъ въ себѣ силу спокойнымъ голосомъ сказать:

— Спасибо. Это — изъ Америки. Я... ждалъ.

Кэтъ видѣла въ окно изъ сада, что Старогорскій сидитъ, не отнимая рукъ отъ лица. Можетъ быть, плачетъ? Нѣтъ. Тогда онъ не казался бы такимъ каменнымъ.

.. Не придетъ, не вернется къ нему Елонька, позвавшая его къ тому Свѣту, который онъ теперь знаетъ, въ который не можетъ не вѣрить! Не придетъ! Письма отъ Елоньки не будетъ. Кто ему сказалъ, что она непремѣнно вернется?!. И можетъ ли самъ онъ сказать теперь ей «вернись», превращая свою вѣру въ какое-то право на любимую?! Нѣтъ у него никакого новаго права на любовь Елоньки! Каторжникомъ она назвала Орлову, а его – ядромъ на ногѣ каторжника. Елонька – такой же каторжникъ, и единственное, что онъ ей можетъ дать, это—свободу отъ тяжести ядра.

Онъ долженъ дать свободу Елонькѣ. Для этого надо перестать ждать ее здѣсь, въ «Старыхъ Горахъ». Зачѣмъ здѣсь Кэтъ? Не удержалъ ли горбатенькую онъ самъ, чтобы не порывалась цѣпь отъ каторжнаго ядра къ Елонькѣ? Алексѣй вызываетъ въ сознаніи лицо Кэтъ и видитъ: она только и ждетъ отъ него слова объ отъѣздѣ. А онъ и не подумалъ о ней. Сегодня же онъ поговоритъ съ Кэтъ.

Дядю Гильома молчаливо изводитъ горбатенькая, но ему еще труднѣе въ Нюизо, у нотаріуса.

Морякъ обманываетъ Кэтъ, говоря, что не заходитъ къ Мулино. Нотаріусъ каждый день ловитъ его и выматываетъ ему душу допросами. Нужды нѣтъ, что старикъ суетъ ему каждый разъ въ руку на табачекъ, — дядѣ Гильому хочется удрать и отъ молчанія горбатенькой и отъ распросовъ-догадокъ Мулино. Хромоногій морякъ изобрѣлъ себѣ «дѣльце» въ Парижѣ и, поймавъ Алексѣя наединѣ, отпросился въ Парижъ дня на три.

— Хоть на недѣлю, дядя Гильомъ, хоть на двѣ-три недѣли. Поѣзжайте хоть сейчасъ.

Дядя Гильомъ собрался такъ поспѣшно, что Алексѣю пришлось объяснять Кэтъ его исчезновеніе за ужиномъ:

— Это не значитъ, что, отпуская его, я не подумалъ о васъ, Екатерина Эдуардовна. Вы въ душѣ, конечно, давно меня въ этомъ обвиняете?..

Сказалось это легко, простымъ, не придуманнымъ тономъ И Кэтъ почувствовала такую же легкость, отвѣтила:

— Я никого ни въ чемъ не обвиняю.

— Чѣмъ я могъ бы отплатить вамъ, Екатерина Эдуардовна, за вашу... за многое, что не покупается? Думаю и придумать не могу. Будьте до конца такой же, какъ были... удивительной! Помогите. Скажите!

— Мнѣ ни отъ кого ничего не нужно!

Алексѣй подождалъ. Кэтъ ни слова больше. Для самого Алексѣя неожиданно его предложеніе:

— Мнѣ пора уѣзжать, Екатерина Эдуардовна. Но «Старыя Горы» никуда не убѣгаютъ. Простите невольно невѣжливаго хозяина и будьте здѣсь доброй гостьей, пока вамъ нравится. Вашихъ вареній и соленій здѣсь теперь на три года хватитъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! — заторопилась Кэтъ. — Мнѣ непремѣнно нужно обратно въ Ниццу. Если вы уѣзжаете, то и я конечно уѣзжаю. Есть еще сегодня поѣздъ?

Вечеромъ поѣзда не было, и Кэтъ уѣхала на другой день, радуясь тому, что Старогорскій не заговорилъ съ ней ни о чемъ другомъ. Она боялась, что онъ попроситъ ее что-нибудь передать Ольгѣ.

Алексѣй заперъ всѣ двери въ домѣ и вышелъ съ параднаго крыльца. Подумалось: отсюда уѣзжали въ церковь по воскресеньямъ, а онъ ѣдетъ?..

не знаетъ, куда онъ ѣдетъ... На минуту заѣхавъ къ Мулино, Алексѣй передалъ нотаріусу ключъ отъ дверей въ комнату дяди Гильома.

— На автомобилѣ, м-сье Старогорскій?

— Да. Пока на автомобилѣ.

— Въ Парижъ?

— Да. Пока въ Парижъ.

Миновавъ Нюизо, Алексѣй свернулъ на шоссе къ Парижу.

XX

Дверь, что не хотѣла выпустить Ольгу изъ «Старыхъ Горъ», отперта, но у Ольги нѣтъ простой мысли: кто-то отперъ дверь, есть кто-то въ домѣ. Ольга увѣрена: Безжалостная въ ту ночь, тяжелая дверь сжалилась надъ ней теперь, когда она проситъ, какъ милости, позволенія только помолиться. Ощупью идетъ Ольга, безъ труда угадывая повороты корридоровъ, двери изъ комнаты въ комнату. Такъ идутъ во снѣ люди, поднятые съ постели невѣдомымъ призывомъ луны, надѣленные чуткостью къ окружающимъ предметамъ, которыхъ не видятъ и не слышатъ. Ольга идетъ къ двери молельни, запертой Алексѣемъ, идетъ въ увѣренности, что эта дверь будетъ такъ же милостива къ ней, какъ и тяжелыя входныя двери дома. Въ корридорчикѣ — желтоватый свѣтъ изъ раскрытой настежь двери молельни. Но и этотъ свѣтъ не говоритъ Ольгѣ о человѣкѣ, его зажегшемъ. Это—новая большая милость къ ней «Старыхъ Горъ»: она будетъ молиться и видѣть, какъ смотрятъ на нее старыя иконы, она сможетъ послать каждой изъ нихъ одну и ту же мольбу безъ просьбы и безъ жалобы.

Въ косомъ прямоугольникѣ свѣта Ольга замерла. Стоя на колѣняхъ передъ большой иконой Богоматери-Скоропослушницы, молился Алексѣй.

... но его же нѣтъ!.. онъ уѣхалъ, уѣхалъ совсѣмъ!..

Божія Матерь-Скоропослушница, единственная икона Богоматери на которой Она одна, безъ Младенца на рукахъ. Мать безъ Сына, Невѣста неневѣстная. Кощунственна для человѣка мысль о подобіи его человѣческаго страданія крестному страданію

Христа. Елонька гнѣвно остановила Кэтъ, сказавшую: въ «Старыхъ Горахъ» никого не ждетъ Голгофа. Права Елонька. Мученіемъ подарили Алексѣя «Старыя Горы», но, думая о себѣ, онъ не хочетъ играть Именемъ Христа. Но нѣтъ кощунства, когда онъ угадываетъ и сливаетъ въ одномъ образѣ Богородицы-Скоропослушницы свою мать и свою невѣсту, отъ него отказавшихся, любя его.

Мать безъ сына, невѣста неневѣстная!

Какъ Она похожа на нихъ обѣихъ человѣческимъ сходствомъ очертанія лица, глазами, скорбными линіями губъ и бровей. Однѣ свои черты Она отдаетъ матери, другія Елонькѣ, и обѣ онѣ, такія разныя, сливаются въ Ней. Не требуетъ, не ждетъ отъ него молитвы Скоропослушница, зная, что не умѣетъ молиться Алексѣй, что онъ ловилъ бы себя на неискренности, если бы попытался молиться.

... И не молись! Говори, какъ говорилъ бы съ ними, если онѣ могли вернуться и слышать тебя. Говори, не выбирая слова, если еще не стали по-новому т в о и м и полузабытыя дѣтскія молитвы. Не можешь говорить, — молчи, и тебя услышатъ, тебя поймутъ. Спрашивать хочешь, — спрашивай. Почему ты проѣхалъ сотни верстъ безъ мысли о дорогѣ и вдругъ остановилъ машину? Ты объ этомъ хочешь спросить? Но развѣ ты самъ не знаешь, что ни одна дорога не для тебя, и сотни сотенъ верстъ не привели бы тебя никуда... Хочешь спросить, почему ты, какъ ребенокъ потерявшійся, бросился на траву и рвалъ землю руками? А кто же ты, какъ не ребенокъ, притворявшійся большимъ и въ прежнемъ твоемъ невѣріи и въ найденной теперь вѣрѣ... Ты не смѣешь признать за чудо то, что колокольнымъ звономъ услышалъ позвякиванье двухъ ключей у себя въ карманѣ, ключа отъ дома и ключа отъ молельни? Чудо и бываетъ именно такимъ: большое изъ малаго. Звякнулъ ключъ о ключъ, а для тебя это—колоколъ, звонъ вечерній надъ старогоскими полями, надъ излучинами Прядвы. Другихъ и не нужно чудесъ тому, кто вѣритъ! А ты вѣдь вѣришь, вѣришь!..

Ничего, что ты стыдишься словъ молитвы, не находя въ нихъ искренности. Хорошо, что ты прогналъ такую же мысль, узнавъ на дорогѣ чудо. Ты попытлся, какъ раньше, сказать себѣ: ничего чу-

деснаго, иллюзія, нервы. И вѣдь не убѣдилъ себя этимъ, не повѣрилъ отрицанію чуда! Ты до конца побѣдилъ себя прежняго, побѣдилъ «теплаго», и смѣлѣй будь теперь съ тѣми, кто горячъ, кто по-дѣтски вѣритъ въ чудеса! Ты повернулъ машину и поѣхалъ сюда, ко Мнѣ, къ намъ, къ матери и къ Елонькѣ, здѣсь молившимся до тебя. Не назадъ ты бросился, не потерялъ ты путь! Для чего тебѣ всякое другое «впереди» безъ молитвы-разговора со Мной и съ ними, съ матерью и Елонькой?! На колѣняхъ стоишь? А ты и не замѣтилъ? Такъ и надо, чтобы не замѣтилъ. Теперь тебѣ легче, теперь тебѣ проще! Теперь ты готовъ говорить о самомъ тайномъ, самомъ мучительномъ: ты страшенъ самъ себѣ, какъ страшенъ былъ своей матери и Елонькѣ! Насиліемъ надъ женской любовью называли они твою любовь, но она — въ тысячу разъ страшнѣйшая казнь для тебя! Елонька могла бы прійти къ тебѣ, забывъ, отбросивъ всѣ прежнія мысли, радостно принимая твою любовь, и ты первый отказался бы отъ Елоньки! Ты обреченъ на муку не смѣть признать за любовь отвѣтное чувство любимой! Не даритъ, а отнимаетъ отъ тебя жизнь! Не властелинъ ты, а нищій! Ты не тотъ счастливецъ, кому отвѣтитъ любовью каждая изъ женщинъ, ты — проклятый, кого ни одна изъ нихъ не можетъ полюбить, И ты просишь теперь снять съ тебя это проклятіе? Пощады просишь?

Поняла Скоропослушница и умолкла... Не живетъ больше Ея лицо. Не говоритъ, не отвѣчаетъ. Такъ же молчала Она годами на ту же мольбу его матери. Такъ же не дала отвѣта Елонькѣ. До конца понимаетъ и все-таки молчитъ... Можетъ быть, у Нея нѣтъ силы отвѣтить, потому что нѣтъ просимой пощады?! Можетъ быть, знаетъ Она въ отвѣтъ ему одно только слово: Покорись!

На мигъ закрылись Ея скорбные глаза и — чудо! — глянули на Алексѣя такъ ласково и такъ прямо, какъ не смотрѣли до того:

— Ты самъ долженъ былъ найти этотъ отвѣтъ, и ты нашелъ его: покорись! Отъ тебя никто не требуетъ покорности. Покорность по требованію не имѣла бы цѣны, была бы гнетомъ. Пожелай ее самъ! Пожелаешь, — тогда... пощада. Понялъ?!

Она улыбается! Онѣ улыбаются, мать, Елонь-

ка! Никогда такимъ веселымъ не было лицо матери! Никогда такъ не свѣтилось радостью лицо Елоньки! Онъ понялъ за нихъ, онъ нашелъ не найденное ими въ ихъ молитвахъ! Радостный вскочилъ Алексѣй.

— Я понялъ, все понялъ, Елонька!

Склонилась свѣча съ высокаго аналоя, опалила темно-пунцовый пушекъ на бархатной стѣнѣ молельни, обронила восковыя слезы, зажгла ихъ, полыхнула языкомъ-свѣтомъ. Заревная красота вокругъ. Свѣтъ! Свѣтъ! Радость!

Какъ за всенощной за праздникомъ, полня свѣтомъ темную церковь, отъ свѣчи къ свѣчѣ паникадила бѣжитъ пламя навощенной нити, зажигаетъ лѣсъ свѣчей, такъ это пламя зажгло тусклое золото старыхъ иконъ. Праздникъ Преображенія.

— И Елонька здѣсь, на этомъ праздникѣ, въ этомъ полыхающемъ свѣтѣ! Уже Елонька!

Алексѣй не видитъ ужаса на лицѣ вбѣжавшей въ молельню Ольги. Для Алексѣя ея лицо тоже радостно. Горитъ. Пламенѣетъ тѣмъ же торжествомъ того же найденнаго праздника.

— Радость моя. Елонька! Я понялъ!

Ольга прижалась къ нему, зная, что не можетъ, не хочетъ бѣжать изъ горящаго дома, отъ пожара любви, зажженнаго въ ней Лелемъ.

— Горитъ, Лель!

— Горитъ, Елонька! Нашъ общій свѣтъ, общій огонь! И ты вѣдь поняла! И мать моя! Не нужно борьбы! Радость и свобода для всѣхъ насъ только въ простомъ и чудесномъ «покорись»! А покорились, — нѣтъ униженія и покорности. Нѣтъ насилія и рабства, — только любовь! Ты вѣдь тоже поняла, Елонька?!

— И я, и я, Лель.

Первое пламя пожара порывисто, какъ первый вольный прыжокъ обрадованнаго свободой, раскованнаго звѣря. Факеломъ рвется оно вверхъ, до конца сжигаетъ все, что не сопротивляется его порыву. Такъ прекрасно это пламя безъ дыма-удушья, такъ радостно отдается ему багряница тяжелаго бархата, что въ свѣтломъ, ликующемъ «покорись!» Леля Ольга слышитъ веселое оправданіе и пожару. Пусть горитъ! Безуміе огненное!

Лель, любимый и любящій, зажегъ это безуміе,

и не подсказываетъ Ольгѣ новаго ужаса упорный бѣгъ голубоватыхъ огоньковъ. Воля Леля — ея воля. Не потускнѣетъ ея «покорись», хотя бы пожелалъ Лель въ праздничномъ кострѣ сжечь теперь всю землю! Ольга не отрываетъ его руки, отдала поцѣлуямъ свои плечи и грудь.

— Пусть горитъ!

Ринулся огненный звѣрь. Почернѣвшій, оголенный бархатъ вдругъ занялся раскаленной до бѣла тканью, обдалъ жаромъ, разбудилъ въ Алексѣѣ сознаніе:

— Горятъ «Старыя Горы»!

Порывнѣе огня огнемъ разбуженный Лель. Онъ прыжкомъ поднялся выше пламени, рванулъ, сорвалъ со стѣны горящій бархатъ. Его руки — стальной ножъ. Съ визгомъ рвутся швы бархатныхъ полотнищъ, обнажая нетронутую огнемъ стѣну. Прекрасенъ былъ Лель сжигающій, еще прекраснѣе онъ, когда побѣждаетъ огонь, не уступая пожару «Старыя Горы». Воля Леля — воля Ольги. Ей нужно только понимать и принимать эту волю, сливая ее со своею. Еще ярче еще огненнѣе сорванная со стѣны риза пламени въ рукѣ-факелѣ Леля.

— Топчи, топчи Лель!

Алексѣй не бросаетъ факелъ. На бѣгу укрощая пламя, подхватывая, пряча въ бархатный комъ готовыя упасть огненныя клочья, онъ бѣжитъ изъ молельни, будитъ темноту стараго дома высоко поднятымъ яркимъ огнемъ.

Бѣгъ Леля и Ольги—веселая игра. Тѣни бѣгутъ передъ ними, бьются въ углахъ. Вздыбившійся въ передней медвѣдь шарахнулся вмѣстѣ съ пламенемъ отъ встрѣчнаго изъ открытой двери порыва воздуха.

Не остановить Леля и въ саду, гдѣ зеленоватымъ золотомъ одѣваются липы, играя съ бѣгущимъ огнемъ. Въ саду—небольшой прудокъ. Онъ кажется Алексѣю озеркомъ прежняго парка «Старыхъ Горъ».

Добѣжать! Бросить пламя въ небо и видѣть, какъ оно взовьется послѣдней вспышкой надъ водою! Такъ весело умирали надъ тѣмъ озеркомъ римскія свѣчи праздничныхъ дней дѣтства. Факелъ оторвался отъ руки Леля. Горитъ рукавъ. Сорвалъ костюмъ и тоже бросилъ вверхъ весело сизую птицу съ огненнымъ крыломъ. Ольга вскрикнула. Лель смѣется.

Ольга ищетъ въ внезапной, слѣпящей темнотѣ его руку, хочетъ поцѣловать и не смѣетъ: рука Леля — опаленное мясо!

— Рука твоя, Лель! Скорѣе что-нибудь сдѣлать!

— Ничего, Елонька, до свадьбы заживетъ!

Нѣтъ больше огненнаго безумія. Просты слова разговора-заботы, но въ нихъ не потухаетъ на всю жизнь зажженная радость. Чудо еще чудеснѣе, ставъ обыкновенностью въ словахъ объ аптечкѣ въ буфетномъ шкафикѣ, о спичкахъ.

— Спички! Гдѣ у тебя спички, Лель?!

— Плаваютъ теперь спички. Въ карманѣ костюма были. А въ аптечномъ шкафикѣ навѣрное есть коробокъ. Всегда раньше бывалъ.

Опять бѣгомъ въ домъ, къ буфетному шкафику. Тамъ есть и спички, и свѣча, и куча сткляночекъ. Отъ ожога бывала мазь такая, желтенькая.

— Разберись теперь въ стклянoчкахъ.

— Ты сначала покажи руку, Лель! Боже! Что съ ней, Лель! И ты еще шутишь, Алешенька!

— Цѣла вѣдь! За нашъ домъ, за «Старыя Горы» я отдалъ бы теперь всю руку! Всего только пузыри. Мыломъ попробуемъ, Елонька! За столько лѣтъ всякая желтенькая мазь скиснетъ.

Бѣгомъ въ спальню матери. Ольга зажигаетъ лампу, Алексѣй обнимаетъ ее одной рукой, цѣлуетъ.

— Твое мыло, Елонька! Видишь, какъ удачно, ты его забыла, бѣглянка моя любимая! Намажь — и пузырей, какъ не бывало.

Ольгѣ и Алексѣю не нужно возвращаться къ прошлому даже для того, чтобы изжить его объясненіемъ, теперь уже не страшнымъ, не мучительнымъ. Они говорятъ только о чудѣ ихъ встрѣчи-радости, и два разныхъ разсказа о двухъ автомобильныхъ поѣздкахъ не убиваютъ чудесности, а умножаютъ ее.

«Старыя Горы», чудный домъ-обманщикъ, это онъ подарилъ имъ заревную встрѣчу! И Алексѣя и Ольгу, не обѣщая имъ ничего, «Старыя Горы» позвали къ себѣ одной и той же мыслью: — Только помолиться!

Говоритъ Алексѣй, — и вмѣстѣ съ Алексѣемъ Ольга слышитъ чудо колокольнаго звона двухъ ключей. Чудесный зовъ этого звона слышитъ, подсказываетъ Лелю:

— И мнѣ, и тебѣ вѣдь было больно, когда ты взялъ отъ меня этотъ ключъ, отнялъ мою тайную молитву. Сильнѣй, чѣмъ что-нибудь, это бунтовало меня противъ твоей любви, Лель! Могла ли я знать, что этимъ ты самъ готовишь себѣ звонъ Божьяго колокола!

— Все, что было, Елонька, все отъ начала до конца, было нужно и для меня, и для тебя, для настоящей любви нашей!..

Говоритъ Ольга,—и Алексѣй взволнованно удивляется чуду открытыхъ передъ Ольгой дверей всѣми оставленнаго, запертаго дома. Какъ же не чудо, если сказали Ольгѣ:—Совсѣмъ уѣхалъ, въ Америку. Какъ же не чудо, если на самомъ дѣлѣ Алексѣй, уѣзжая, и представить не могъ, что вернется!

Во всѣ чудеса вѣритъ вмѣстѣ съ Лелемъ Ольга, кромѣ одного: она сомнѣвается въ чудотворности елонькинаго, ниццскаго мыла для обожженной руки Леля. Нужно разбудить хоть весь Нюизо, добиться настоящаго лекарства въ аптекѣ. Не было ночи.

Росный разсвѣтъ обѣщалъ день огненнаго солнца, когда Алексѣй и Ольга возвращались изъ городка въ «Старыя Горы». Мысль одной обгоняла мысль другого въ признаніяхъ о самихъ себѣ, хотя не о себѣ они говорили, а о чудакѣ Вожелѣ, о пѣніи Нины Орловой, о крестной Алешеньки, старухѣ Хворостининой, довольной теперь за «Старыя Горы», о волшебномъ кубкѣ любви Тристана и Изольды, о Страницкомъ, Кэтъ и Владимірѣ Федоровичѣ... Все нужно! Нѣтъ ненужнаго у Бога!

Не споръ съ Христомъ не увядшая до конца даже за тысячу лѣтъ русская вѣра въ веселаго Леля, въ лѣсовика, въ домового. Съ божествомъ Леля въ сынѣ боролась Марія Старогорская, но другому, древнему богу, домовому «Старыхъ Горъ», служила, сберегая старый домъ для внуковъ. Теперь пусть имъ Лелю-Алешенькѣ и Елонькѣ, ихъ дѣтямъ служитъ старикъ-домовой, хранитель сказочныхъ «Старыхъ Горъ», островка Россіи на чужомъ Западѣ! Тамъ легче, чѣмъ гдѣ-нибудь въ цѣломъ мірѣ, ждать возвращенія Родины!

Утромъ взволнованный, вдвое быстрый отъ волненія, въ «Старыя Горы» примчалъ Вожель. Часовщикъ только-что переполошилъ всѣхъ въ «Звѣздѣ Нюизо», не найдя тамъ Ольгу.

У Вожеля осталась одна дорога—въ «Старыя Горы». Мадемуазель должна быть тамъ... Часовщикъ гонитъ отъ себя тревожную мысль, но мысль неотвязна: нельзя жить съ такимъ лицомъ, какъ у бѣдной невѣсты Старогорскаго, съ лицомъ приговоренной! Вожель не изъ тѣхъ, кто удивляется. Ему и мгновенія не нужно, чтобы забыть о всякой тревогѣ, если въ саду онъ слышитъ голосъ Ольги и смѣхъ Алексѣя. Вожель не гимнастъ, но, когда его подхлестываетъ радость, онъ не признаетъ калитокъ. Прыжокъ,—и часовщикъ въ саду.

Не здоровается, продолжаетъ начатый въ Ниццѣ разговоръ:

— Я говорилъ же вамъ, мадемуазель, что «Старыя Горы»—домъ счастья!

Старогорскому Вожель весело протягиваетъ руку. Не удивленъ повязкѣ на рукѣ «уѣхавшаго въ Америку» хозяина «Старыхъ Горъ», не старается не замѣтить повязки, какъ это сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Рѣшаетъ: за этой повязкой—разгадка недавней драмы двухъ русскихъ, дѣтей народа, не умершаго для сказки и чуда! Вожель не примирился бы съ обыкновенной ссадиной, случайнымъ порѣзомъ на рукѣ Старогорскаго. Тономъ восторга передъ необыкновенностью чего-то, что случилось, часовщикъ бросаетъ-подсказываетъ:

— Рана?!

— Ожогъ.

Вожель на мигъ замираетъ—ожогъ долженъ говорить о еще болѣе необыкновенномъ, чѣмъ выстрѣлы—и еще веселѣй спохватывается для простыхъ словъ дружеской любезности:

— Отъ ожоговъ избавляются такъ же скоро, какъ и отъ ранъ! У васъ, мадемуазель, и у васъ, Старогорскій, такія праздничныя лица. На праздникѣ просятся пожеланія. Что позволите вамъ пожелать?!

Отвѣтила Ольга:

— Пусть поскорѣе пройдетъ ожогъ, чтобы я могла поцѣловать...

— Руку мужа?!—спѣшитъ подсказать часовщикъ.

— Прежде всего чудесную линію, которую не долженъ, не смѣетъ уничтожить никакой огонь!

КОНЕЦЪ.